

**ПРИОРИТЕТНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА**

Гомель
2020

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Юридический факультет

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(г.Курск, Россия)

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА**

МАТЕРИАЛЫ VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Гомель, 1–2 октября 2020 года)

Электронное научное издание

Гомель
ГГУ имени Ф. Скорины
2020

ISBN 978-985-577-689-6

УДК 342.22:34.04:321.02

Приоритетные направления развития правовой системы общества [Электронный ресурс] : VIII Международная научно-практическая конференция (Гомель, 1–2 октября 2020 года) : [материалы]. – Электронные текстовые данные (объем 1,80 Mb). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – Систем. требования : IE от 11 версии и выше или любой актуальный браузер; скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа : <http://www.conference.gsu.by>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-985-577-689-6

Материалы VIII Международной научно-практической конференции содержат доклады ученых и практических работников, посвященные приоритетным направлениям развития правовой системы Республики Беларусь и стран ближнего зарубежья, проблемам правоприменения и способам их преодоления.

Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, практическим работникам.

Редакционная коллегия:

И.И. Эсмантович (ответственный редактор),
В.А. Брилёва, С. Л. Емельянов, Т.В.Сенькова,
Е.И. Усова

ГГУ им. Ф. Скорины
246019, Гомель, ул. Советская, 104,
Тел.: (0232) 57-39-03, 57-16-72
<http://www.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский
государственный университет имени
Франциска Скорины», 2020

Е. Г. Абраменко

канд. полит. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ

В данной статье рассматриваются проблемы расширения возможностей политического участия женщин и реализации гендерного равенства в политической сфере. Одним из вариантов решения указанной проблемы является введение избирательных квот для женщин в качестве специальной временной меры, однако гендерные избирательные квоты не всегда приводят к положительному результату. В статье анализируются виды квот, их достоинства и недостатки.

Гендерное равенство, политическое участие женщин, гендерные избирательные квоты, парламент.

Научно-практический интерес к проблеме политического участия женщин определяется переменами, происходящими в современном мире вызван под влиянием перехода к антропогенному типу цивилизации, центром функционирования которой выступает человеческая личность. Поэтому осмысление проблем, связанных с участием граждан в процессе управления обществом вызывает повышенный интерес к вопросу взаимоотношения человека и политической власти.

Политические факторы, обуславливающие актуальность темы связаны и с диверсификацией характера государственной власти в современном обществе и участием в политических процессах ранее депривированных социальных групп, которые оспаривают сложившееся положение вещей путем политической коммуникации с государством через различные формы гражданской и политической активности. Экономические факторы, актуализирующие тему диссертации, связаны с необходимостью обеспечения национальной, в том числе и экономической, безопасности страны в условиях роста внешних вызовов и угроз путем использования нематериальных (и прежде всего человеческих) ресурсов.

Во многих странах мирового сообщества отмечается кардинальное переосмысление социальной роли женщин в обществе, определяются приоритетные меры по обеспечению ее прав и реализации возможностей. Однако процесс обеспечения гендерного равенства является достаточно сложным и требует государственных гарантий обеспечения равных прав и возможностей для женщин и мужчин при реализации прав и свобод определяемых гендерной политикой.

Согласно исследованию Всемирного экономического форума «Доклад о глобальном гендерном разрыве 2020», при нынешних темпах гендерное равенство может быть достигнуто в среднем за 99 лет. Государствам Западной Европы для преодоления гендерного разрыва понадобится 54 года, странам Латинской Америки и Карибского бассейна – 59 лет, в Южной Азии – 71, 5 лет, в Африке южнее Сахары – 95 лет, в Восточной Европе и Центральной Азии – 107 лет, на Ближнем Востоке и в Северной Африке – 140 лет, в Северной Америке – 151 год и в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе – 163 года [1].

Не смотря на то, что в некоторых странах скорость устранения гендерного разрыва увеличилась, прогресс остается неравномерным.

Эксперты Всемирного экономического форума оценивают прогресс в достижении гендерного паритета по четырем измерениям: экономическое участие и возможности, уровень образования, здоровье и выживание, а также расширение политических возможностей. Если обратиться к фактам и цифрам, то потребуются 95 лет, чтобы преодолеть гендерный разрыв в политическом представительстве.

Согласно ст. 7 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: «Государства-участники принимают все соответствующие меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин в политической и общественной жизни страны и, в частности, обеспечивают женщинам на равных условиях с мужчинами право:

(а) голосовать на всех выборах и публичных референдумах и избираться во все публично избираемые органы;

(b) участвовать в формулировании и осуществлении политики правительства и занимать государственные посты, а также осуществлять все государственные функции на всех уровнях государственного управления;

(с) принимать участие в деятельности неправительственных организаций и ассоциаций, занимающихся проблемами общественной и политической жизни страны» [2].

Пекинская декларация и Платформа действий, подписанная в 1994 году на Четвертой конференции ООН по проблемам женщин, призвала правительства всех государств устранить любые препятствия к участию женщин во всех сферах публичной и частной жизни.

В начале политической карьеры мужчины и женщины сталкиваются с разными барьерами и требованиями. Так для женщин барьерами являются представления роли женщины, которые сложились в обществе, необходимость совмещать карьеру и семейные обязанности, отсутствие поддержки со стороны семьи; для мужчин такие препятствия отсутствуют,

для них основные трудности заключаются в получении поддержки избирателями и недостаточное финансирование.

Одной из практик расширения участия женщин в политике является введение избирательных квот.

На сегодняшний день существует три вида квот:

– зарезервированные места в парламенте (конституционно и / или законодательно) (25 государств);

– квоты кандидатов (конституционные или законодательные) (57 государств);

– квоты политических партий (конституционные или законодательные) [3].

Система квот подразумевает, что должно быть обеспечено «критическое меньшинство»: 20-40 % женщин.

Как правило, гендерные квоты предусматриваются или конституцией (Непал, Филиппины), или избирательным законодательством (Франция, Бельгия, страны Латинской Америки). Помимо этого квоты могут устанавливаться партиями добровольно (Германия, Норвегия, Швеция).

Гендерные квоты могут быть ориентированы на этап выдвижения кандидатов, в частности это могут быть правила, требующие чтобы определенное число женщин было представлено в списке кандидатов, который находится на стадии обсуждения. Такая система используется в государствах с мажоритарной избирательной системой (местные выборы в Индии и Бангладеш; выборы в парламент Шотландии).

Что касается пропорциональной избирательной системы, то система квот подразумевает, что устанавливается правило (добровольное или закрепленное законодательно), о том, что 20, 30, 40 (в отдельных случаях 50%) кандидатов из списка должны быть женщинами. Необходимо учитывать и то, что в ряде стран вводится понятие «двойная квота», которая направлена на предотвращение ситуации, когда женщины-кандидаты просто включаются в нижнюю часть списка и имеют не большие шансы на избрание.

На этапе избрания находятся квоты в виде зарезервированных мест, т.е. определенное число избранных кандидатов должны быть женщинами (Иордания, Руанда) [3].

Введение законодательных квот привело к росту представительства женщин в политической сфере в ряде стран. Например, в Словении с 2005 г. закон предусматривает: минимальную квоту для представителей обоих полов в каждом списке (увеличенную с 20 до 40 % в течении 10 лет); требование о расположении в чередующемся порядке фамилий кандидатов-женщин и кандидатов-мужчин в первой половине списка;

санкции за не соблюдение требований. В результате введения квоты количество депутатов-женщин в парламенте Словении увеличилось с 12.2% до 27, 8 %[4,5]

В Албании, согласно ст. 67 Избирательного кодекса как минимум 30% кандидатов в избирательном списке и один из трех первых кандидатов каждого списка должен быть женского пола. Данная мера привела к увеличению процентной доли женщин в парламенте с 6, 4 % в 2005 г. до 29, 5 % в 2020 г.[4,5].

Стоит учесть, что законодательные квоты, имеющие юридически обязательный характер, не всегда приводят к желаемым изменениям. Система квот должна соотноситься и с избирательной системой, и с регулированием вопроса о расположении кандидатов в партийном списке. Если требование о размещении женщин – кандидатов в начале списка отсутствует, то вероятность их избрания увеличивается не на много. Например, в Бельгии введение законодательных квот привело к тому, что доля женщин депутатов парламента выросла с 12 % в 1995 г., до 23, 3% в 1999 г. (на сегодняшний день она составляет 40, 7 %). В то время, как введение квот во Франции первоначально не привело к увеличению числа женщин в парламенте (за один избирательный период увеличение составило с 10, 9% до 12,3%), т.к. партии предпочитали выплачивать штрафы, а не увеличивать долю женщин в списках.

Также стоит учитывать и то, что не все достижения стали результатом введения законодательных квот. Например, в Исландии используются добровольные партийные квоты, т.е. каждая партия устанавливает собственные правила, но все стремятся к обеспечению 40 % обеспеченности представителей обоих полов в списках. В 1995 г. доля депутатов-женщин в парламенте Исландии составляла 25 %, а в 2020 – 38, 1 % [4, 5].

Безусловно, избирательные квоты могут привести к значительному улучшению ситуации с представительством женщин, тем не менее, эта мера достаточно спорна.

Сторонники квот указывают на следующие достоинства:

- квоты позволяют компенсировать фактические барьеры, которые создают препятствия для получения женщинами справедливой доли политических мест;

- создают условия для реализации равного представительства;

- опыт женщин необходим в политической жизни. Женщины помогут сбалансировать политическую повестку, сделать ее более приближенной к нуждам тех, кого политики-мужчины зачастую с трудом могут услышать.;

– в политической системе, в которой доминируют мужчины, женщины, обладающие такой же квалификацией, имеют минимальные шансы на избрание;

– именно политические партии контролируют выдвижение кандидатов, в то время как избиратели решают, кто будет избран, таким образом квоты не являются нарушением прав избирателей;

– квоты способствуют демократизации.

По мнению противников, недостатками квот являются:

– квоты нарушают принцип равных возможностей, так как женщинам отдается предпочтение перед мужчинами;

– квоты не демократичны, так как не позволяют избирателям решать, кто будет избран;

– квоты подразумевают, что основным критерием для избрания становится признак пола, а не квалификация;

– квоты дискредитируют женщин, которые достаточно сильны и квалифицированы, чтобы получить место в парламенте без помощи;

– многие женщины сами не хотят избираться;

– введение квот создает конфликтные ситуации внутри партий[7].

Нужно учитывать и тот факт, что законодательные квоты касаются только представительства в парламенте, которое является только одним из аспектов расширения политического участия женщин. Представительство на местном уровне и в органах исполнительной власти также должно учитываться.

Согласно данным Межпарламентского союза на 1 января 2020 г. в двух государствах доля женщин в правительстве составляла свыше 60 %: в Испании – 66,7%, в Финляндии – 61,1%. В 61 государстве доля женщин-министров от 2 до 15%, в 9 женщины в правительстве не представлены (что на 4 меньше по сравнению с 2017 г.).

Как правило, женщины-министры занимаются решением задач в социальной сфере, окружающей среде, природных ресурсов и энергетики). 10 женщин являются главами государств на 1 января 2020 г. (как и в 2017 г.) и 12 – главами правительств (что на 1 больше чем в 2017 г.)[5,6]. Не менее важное значение имеет участие женщин в местном управлении и самоуправлении, так как на этом уровне принимаются многие решения, которые оказывают влияние на повседневную жизнь населения. Однако систематический сбор данных об участии женщин в местной политике не ведется. Согласно данным Европейской комиссии за январь 2016 г. представительство женщин на местном уровне составляет в среднем 36 % [4, с. 80]. В 2013 г. Аксель Сандстром провел исследование в 30 европейских странах с целью создания источника данных о доле

женщин на местных выборах должностях. Результаты исследования показали разброс от 13 % в Хорватии до 43 % в Швеции [7].

Республикой Беларусь ратифицированы основные международные документы в области обеспечения гендерного равенства: Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативный протокол к ней, Декларацию и платформу действий Всемирной конференции по улучшению положения женщин (Пекин, 1995 г.), Декларацию ООН об искоренении насилия в отношении женщин. Принятые международные обязательства, лежат в основе государственной гендерной политики и меры по обеспечению равных прав и возможностей мужчин и женщин реализуются с 1996 г.

Среди позитивных тенденций в развитии белорусского парламентаризма – увеличение числа женщин – депутатов разного уровня. Так, если в местных Палате представителей II созыва женщины составляли 10,9 % от общего состава палаты, III созыва – 27,7 %, IV созыва – 31,8 %, V созыва – 26,3 %, VI созыва – 34,5 %, то VII созыва – 40 % [8]. Однако доля женщин – членов Совета Республики уменьшилась с 31,2 % в 1996 г. до 23,4 % в 2019 г. от общего числа членов Совета Республики [9]. Председателями палат Национального собрания были и остаются мужчины. Тем не менее, следует отметить увеличение количества женщин – председателей парламентских комиссий: в Палате представителей 5-го созыва председателями комиссий были 2 женщины, 7-го созыва – 4. На сегодняшний день женщины возглавляют комиссии по законодательству, по бюджету и финансам, по труду и социальным вопросам, по здравоохранению, физической культуре, семейной и молодежной политике.

Наибольшее количество женщин насчитывается среди депутатов местных советов, причем на региональном уровне их количество растет: среди депутатов местных советов 24 созыва женщины составляли 44,5 %, 25 созыва – 45,7 %, 26 созыва – 45,5 %, 27 созыва – 46,3 %, а 28 созыва – 48,2 % [10, с. 9].

Согласно данным Межпарламентского союза, на 1 января 2020 г. Республика Беларусь занимает 22-е место в рейтинге «Процентная доля женщин в национальных парламентах» [29].

В то же время в Совете министров только 1 женщина-министр (Министр труда и соцзащиты), среди председателей областных исполнительных комитетов женщин нет, а среди председателей районных исполнительных комитетов – 2 (Лоевский и Мозырьский райисполкомы Гомельской области), мужчины возглавляют 110 райисполкомов.

Таким образом, можно говорить об определенных успехах на пути достижения гендерного равенства в сфере расширения политического

участия женщин, однако для достижения фактического равенства требуются дальнейшие целенаправленные усилия. Следует учитывать тот факт, что любые изменения, касающиеся вопросов гендерного равенства, связаны с конкретным государством, его культурой, историей, уровнем социально-экономического развития.

Список использованных источников

1. Global Gender Gap Report 2020 [Electronic resource] // World economic forum. – Mode of access: [http:// http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf](http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf). – Date of access: 27.09.2020.

2. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорк, 18.12.1979 г.] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/RU/ProfessionalInterest/Pages/CEDAW.aspx>. – Дата доступа: 27.09.2020.

3. Gender quotas database [Electronic resource] // International IDEA/ - – Mode of access: [http:// https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas/](http://https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas/) - Date of access: 27.09.2020.

4. Продвижение участия женщин в политике в регионах ОБСЕ: сборник передовых практик: [сборник]. – Варшава: Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), 2016. – 124 с.

5. Women in parliament in 2020. The year in review [Electronic resource] // Inter-parliament union. – Mode of access: <https://www.ipu.org/resources/publications/infographics/2020-03/women-in-politics-2020> – Date of access: 27.08.2020.

6. Women in parliament in 2017. The year in review [Electronic resource] // Inter-parliament union. – Mode of access: <https://www.ipu.org/resources/publications/about-ipu/2018-03/annual-report-activities-inter-parliamentary-union-2017>. – Date of access: 17.02.2019.

7. Aksel, Sundström. Women's local political representation within 30 European countries: a comparative data set on regional figures [Electronic resource] // QOG THE QUALITY OF GOVERNMENT INSTITUTE; Department of Political Science University of Gothenburg. – Mode of access: https://qog.pol.gu.se/digitalAssets/1465/1465732_2013_18_sundstro--m.pdf. – Date of access: 17.02.2019.

8. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.house.gov.by/ru>. - Режим доступа: 27.09.2020.

9. Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sovrep.gov.by/ru/senators-ru/>. – Дата доступа: 09.02.2020.

This article examines the problems of empowering women and gender equality in the political sphere. One option for the system is to introduce electoral quotas for women as a temporary measure, but gender quotas do not always lead to positive results. The article analyzes the types of quotas, their advantages and disadvantages.

Gender equality, women's political participation, gender electoral quotas, parliament.

УДК 343.592

М. А. Акимов

канд. юрид. наук, доц.

Национальная академия внутренних дел (Киев, Украина)

ПРЕДМЕТ В НЕКОТОРЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ НРАВСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена некоторым проблемным вопросам предмета в преступлениях против нравственности, предусмотренных статьями 297 и 298 Уголовного кодекса Украины. На основе анализа данных статей указано на определенные противоречия и несогласованность в конструировании квалифицированных и особо квалифицированных составов, связанных с предметами названных преступлений. Предложены пути разрешения сложившейся ситуации.

С принятием Уголовного кодекса Украины 2001 года [1] уголовно-правовая охрана общественных отношений нравственности претерпела существенные изменения (по сравнению с предыдущим уголовным законом). Отдавая должное нравственности как основополагающей ценности сосуществования людей в обществе, отечественный законодатель совершенно справедливо принял меры к ее защите путем криминализации посягательств на нее. Этим общественным отношениям по-прежнему не придан статус родового объекта преступления (а следовательно, и не посвящен отдельный раздел Особенной части). Тем не менее, поскольку раздел XII назван «Преступления против общественного порядка и нравственности», отношения нравственности следует считать видовым объектом (то есть составляющей частью родового). Наиболее полно, по нашему мнению, такой объект можно определить как систему социальных норм, принципов, убеждений, непосредственно отображающих условия общественной жизни в сознании людей в виде определенных категорий, регулирующих их межличностное общение и поведение в целях обеспечения единства личных и коллективных интересов.

Как известно из учения о составе преступления, такой элемент как объект характеризуется одним обязательным – общественными

отношениями, поставленными под охрану уголовного закона – и двумя факультативными – предметом и потерпевшим – признаками. При этом обязательный признак необходим для каждого состава преступления, а факультативные присущи далеко не всем.

В свою очередь под предметом преступления понимают материальные ценности (которые человек может воспринимать органами чувств или фиксировать специальными техническими средствами), по поводу которых и (или) путем непосредственного воздействия на которые (либо без такого воздействия) совершается преступное деяние [2, с. 110]. Таким образом, когда предмет прямо указан в диспозиции соответствующей статьи либо недвусмысленно проистекает из нее, он приобретает значение обязательного признака объекта и без него состав преступления отсутствует.

Отсюда понятно, насколько большое значение приобретает правильное определение предмета преступления, особенно в тех случаях, когда законодатель при конструировании той или иной нормы прибегает к бланкетным диспозициям. Не менее важно учитывать данное обстоятельство и при внесении изменений в Уголовный кодекс – последние во избежание пробелов и недостатков должны обязательно носить системный характер.

Рассмотрим это на примере некоторых преступлений против нравственности. В ч. 2 ст. 297 «Надругательство над могилой, иным местом захоронения или над телом умершего» УК Украины предусмотрен квалифицированный состав преступления по признаку совершения противоправных действий (осквернения или разрушения) в отношении памятника, сооруженного в память тех, кто боролся против нацизма в годы Второй мировой войны (перечень указанных категорий лиц исчерпывающий – советские воины-освободители, участники партизанского движения, подпольщики, жертвы нацистских преследований), воинов-интернационалистов и миротворцев, а также лиц, защищавших независимость, суверенитет и территориальную целостность Украины и принимавших непосредственное участие в антитеррористической операции, в осуществлении мероприятий по обеспечению национальной безопасности и обороны, отражении и сдерживании вооруженной агрессии Российской Федерации или иного государства, признанного Верховной Радой Украины агрессором, участников Революции Достоинства, борцов за независимость Украины в XX веке. Одновременно в ч. 3 этой статьи сформулирован особо квалифицированный состав данного преступления – совершение аналогичных по содержанию действий в отношении памятника, сооруженного в память тех, кто боролся с нацизмом в годы Второй мировой войны, жертв нацистских

преследований, а также воинов-интернационалистов и миротворцев. Возникает вопрос: как квалифицировать действия виновного, если в них одновременно содержатся признаки ч. 2 и ч. 3 ст. 297 УК Украины? Согласно теоретическим положениям квалификации преступлений, при конкуренции нескольких частей статьи, предусматривающих квалифицирующие обстоятельства, должна применяться та часть, которая предусматривает наиболее опасные признаки из числа имеющихся в данном конкретном случае. Такая квалификация основывается на том, что украинский законодатель, устанавливая норму с более тяжким квалифицирующим обстоятельством, уже учел возможность совершения данного деяния при менее тяжких отягчающих обстоятельствах [3, с. 90-91]. Однако это справедливо только для случаев, когда присутствуют иные особо квалифицирующие признаки преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 297 УК Украины – совершение преступления повторно, группой лиц, из корыстных или хулиганских мотивов, с применением насилия или угрозой его применения. Если же нет, то исключительно по признаку предмета преступления более тяжким деянием является предусмотренное ч. 2, а не ч. 3 (поскольку содержит более широкий перечень охраняемых памятников). При этом в соответствии с ч. 3 ст. 62 Конституции Украины все сомнения относительно доказанности вины следует толковать в пользу обвиняемого [4].

С учетом изложенного и для устранения подобной несогласованности мы считаем целесообразным исключить из признаков особо квалифицированного состава данного преступления (ч. 3 ст. 297 УК Украины) указание на предмет (тем более что квалифицированный состав в ч. 2 сформулирован именно по признаку предмета – иных квалифицирующих обстоятельств просто нет). В таком случае особо квалифицированный состав сможет беспрепятственно выполнять свое назначение, существенно усиливая наказание за совершение указанного преступления неоднократно, в соучастии, по определенным мотивам или в соединении с насилием и не создавая конкуренцию с квалифицированным составом.

Чч. 3 и 4 ст. 298 УК Украины содержат особо квалифицированные составы преступления «Незаконное проведение поисковых работ на объекте археологического наследия, уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия». При этом в качестве предмета преступления в ч. 3 предусмотрены объекты культурного наследия, имеющие статус памятков национального значения, а в ч. 4 – объекты археологического наследия.

Поскольку речь идет о бланкетной диспозиции, для точного установления предмета преступления обратимся к нормам иных отраслей

законодательства. Согласно п. 3 Порядка установления категорий памятков (утвержденного постановлением Кабинета Министров Украины от 22.05.2019 № 452) памятка национального значения должна сохранить свою аутентичность (в значительной степени сохранить форму и материально-техническую структуру, исторические культурные наслоения) и иметь один или более следующих признаков:

- оказать значительное влияние на развитие культуры страны;
- быть непосредственно связанной с историческими событиями, верованиями, жизнью и деятельностью людей, внесших значительный вклад в развитие национальной культуры;
- представлять шедевр творческого гения, быть этапным произведением выдающихся архитекторов или иных деятелей искусств;
- быть произведением исчезнувшей цивилизации, стиля в искусстве [5].

Разумеется, посягательства на подобный предмет несут значительную общественную опасность и должны быть криминализованы. Однако, обеспечив уголовно-правовую охрану памятков национального значения, отечественный законодатель почему-то не предпринял аналогичных мер в отношении памятков местного значения. В соответствии с п. 4 указанного выше Порядка памятка местного значения должна сохранить свою аутентичность (в значительной степени сохранить форму и материально-техническую структуру, исторические культурные наслоения) и иметь один или более следующих признаков:

- оказать влияние на развитие культуры определенного населенного пункта или региона;
- быть связанной с историческими событиями, верованиями, жизнью и деятельностью людей, внесших значительный вклад в развитие культуры определенного населенного пункта или региона;
- являться культурным наследием национального меньшинства или региональной этнической группы [5].

Исходя из данного определения, ценность памятков местного значения является достаточно высокой для того, чтобы считать посягательства на них общественно опасным и, соответственно, криминализовать их в рамках ст. 298 УК Украины. В таком случае, на наш взгляд, необходимо с целью дифференциации ответственности за подобные посягательства дополнить ч. 2 этой статьи (квалифицированный состав, предусматривающий умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей) указанием на то, что предметом в ней являются объекты культурного наследия местного значения. Тогда установление согласно ч. 3 ст. 298 УК Украины более

строгого наказания за посягательства на объекты культурного наследия национального значения будет иметь смысл.

В ч. 4 ст. 298 УК Украины установлена ответственность за действия, предусмотренные частями второй или третьей данной статьи, совершенные с целью поиска движимых предметов, происходящих из объектов археологического наследия. Налицо противоречие: ведь предметом преступления по чч. 2 и 3 этой статьи являются объекты культурного (а не археологического) наследия. Одновременно посягательства на археологическое наследие (в форме незаконного проведения археологических разработок, раскопок, иных земляных или подводных работ на объекте археологического наследия) предусмотрены ч. 1 ст. 298 УК Украины.

Так как мы снова имеем дело с бланкетной диспозицией, обратимся к соответствующему законодательству. Согласно ст. 1 Закона Украины от 18.03.2004 «Об охране археологического наследия» археологическое наследие – это совокупность мест, сооружений (произведений), комплексов (ансамблей), их частей, связанных с ними территорий или водных объектов, созданных человеком, независимо от состояния сохранности, донесших до нашего времени ценность археологического, антропологического и этнографического характера и полностью или частично сохранили свою аутентичность, находятся под охраной государства, а также движимые культурные ценности (археологические предметы), происходящие из них [6]. В соответствии же со ст. 1 Закона Украины от 08.06.2000 «Об охране культурного наследия» культурное наследие – это совокупность унаследованных человечеством от предыдущих поколений выдающихся мест, сооружений (произведений), комплексов (ансамблей), их частей, связанных с ними движимых предметов, территорий или водных объектов (объектов подводного культурного и археологического наследия), иных природных, природно-антропогенных или созданных человеком объектов независимо от состояния сохранности, донесших до нашего времени ценность археологического, эстетического, этнологического, исторического, архитектурного, творческого, научного или художественного характера и сохранивших свою аутентичность [7]. Приведенные определения показывают, что понятие культурного наследия является более широким, нежели понятие археологического наследия, и охватывает его.

Таким образом, буквальное толкование ч. 4 ст. 298 УК Украины приводит к тому, что в ней криминализовано совершение деяний, предусмотренных чч. 2 и 3 данной статьи, в отношении предметов, которые в них не указаны (а именно умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного

наследия или их частей с целью поиска движимых предметов, происходящих из объектов археологического наследия).

Кроме того, что подобная формулировка крайне осложняет практическое применение нормы, она еще и приводит к тому, что действия лица, незаконно производящего археологические разработки, раскопки, иные земляные или подводные работы на объекте археологического наследия с целью поиска происходящих из него движимых предметов, одновременно содержат признаки ч. 1 и ч. 4 ст. 298 УК Украины. И хотя подобные действия практически всегда совершаются с данной целью, отсутствие указания на нее в ч. 1 и наличие ее в ч. 4 свидетельствует об отсутствии конкуренции (в связи с различным описанием составов преступлений) и приводит к квалификации единичного преступления одновременно по нормам о простом и особо квалифицированном составе, что нелогично и неоправданно.

Для надлежащей квалификации содеянного в подобных случаях представляется оптимальным изменить ч. 4 ст. 298 УК Украины, изложив ее в такой редакции: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей данной статьи, совершенные с целью поиска движимых предметов, происходящих из объектов археологического наследия». Это позволит избежать одновременного инкриминирования двух частей одной статьи.

Подводя итоги изложенному выше, следует подчеркнуть необходимость более пристального внимания украинского законодателя к формулированию предмета преступления при конструировании уголовно-правовых норм с использованием бланкетных диспозиций. Обязательным условием этого должен быть тщательный анализ законодательства, служащего источником таких норм, недопущение несогласованности, пробелов либо отмены актов без принятия новых.

Список использованных источников

1. Кримінальний кодекс України : прийнятий 5 квітня 2001 року. [Електронний ресурс] // Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>. – Дата доступу: 24.04.2020.

2. Музика А. А., Лащук Є. В. Предмет злочину: теоретичні основи пізнання : монографія. – Київ. : ПАЛИВОДА, 2011. – 191 с.

3. Зінченко І. О. Кваліфікація злочинів при їх множинності та при конкуренції кримінально-правових норм : навчальний посібник. – Харків, Право. 2017. – 114 с.

4. Конституція України: прийнята 28 червня 1996 р. [Електронний ресурс]//Режимдоступа:<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>. – Дата доступу: 24.04.2020.

5. Про затвердження Порядку визначення категорій пам'яток : постанова Кабінету Міністрів України від 22 травня 2019 року № 452. [Електронний ресурс] // Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/452-2019-%D0%BF>. – Дата доступу: 24.04.2020.

6. Про охорону археологічної спадщини : Закон України від 18 березня 2004 року № 1626-IV. [Електронний ресурс] // Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1626-15>. – Дата доступу: 24.04.2020.

7. Про охорону культурної спадщини : Закон України від 8 червня 2000 року № 1805-III. [Електронний ресурс] // Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1805-14>. – Дата доступу: 24.04.2020.

This article is concerning on some problematic issues of target of crime in crimes against morality, stipulated by Articles 297 and 298 of Criminal Code of Ukraine. Based on these articles' analysis certain inconsistencies and divergences with regard to aggravating and extra-aggravating characteristics associated with target of crime have been stressed. Suggestions to solve the existing situation have been made.

УДК 343.241.2.341.462.1:342.72/.73(476)

В. А. Брилёва

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф.Скорины»

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Статья касается двух актуальных институтов гражданского общества и правового государства, требующих конституционных преобразований, в частности, института смертной казни и Национального правозащитного учреждения в Республике Беларусь. Указанные вопросы находятся в спектре фундаментального института прав человека как неотъемлемого свойства личности и феномена мировой культуры и цивилизации. Автор анализирует трансформацию института смертной казни на территории государств бывшего СССР и аргументирует своевременность отмены смертной казни в Республике Беларусь. Касаясь Национального правозащитного учреждения в Республике Беларусь, обоснована концепция Уполномоченного по правам человека, адаптированная к реалиям нашего государства.

Институт смертной казни

Согласно статье 24 Конституции Республики Беларусь смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда. Республика Беларусь на постсоветском пространстве остается единственной страной, продолжающей приводить в исполнение смертные приговоры. 11 стран бывшего СССР (Армения,

Азербайджан, Эстония, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия, Туркмения, Украина, Узбекистан, Киргизия) полностью отменили смертную казнь. Последней, в 2011 году, от нее отказалась Латвия (до этого в стране действовала норма о смертной казни за военные преступления).

В трех странах бывшего СССР действует мораторий на смертную казнь. В России он был введен 16 мая 1996 года указом президента Российской Федерации «О поэтапном сокращении применения смертной казни» в рамках исполнения решения о присоединении к протоколу № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (до сих пор не ратифицирован). В 1999 году Конституционный суд Российской Федерации запретил выносить смертные приговоры до появления судов присяжных на всей территории страны, а в 2009 году продлил мораторий до того момента, пока Россия либо ратифицирует протокол №6, либо официально откажется от взятых на себя обязательств по его исполнению.

В Казахстане в 2003 году президентом введен бессрочный мораторий на исполнение смертных приговоров. Высшая мера наказания оставлена только для признанных виновными в терроризме и особо тяжких преступлениях, совершенных в военное время. В Таджикистане в 2004 году президент Эмомали Рахмон объявил о моратории на исполнение смертных приговоров, в том же году парламентом был принят закон о «О приостановлении применения смертной казни»[1].

В ноябре 1996 г. на вопрос республиканского референдума «Поддерживаете ли Вы отмену смертной казни в Республике Беларусь?» 80,44 % участвующих (почти 5 миллионов человек) ответило отрицательно и только 17,93 % (чуть более миллиона) – положительно. В то время помимо расстрела максимальным наказанием было 15 лет лишения свободы и только в 1997 году были введены 25-летний срок лишения свободы и пожизненное заключение. Информация о количестве приведенных к исполнению смертных приговоров закрыта, но, по сведениям правозащитников и журналистов, в середине 1990-х г. число вынесенных смертных приговоров доходило до 47 в год[2], с 2000-х г. этот показатель варьируется от 2 до 7 в год. По данным Белорусского хельсинского комитета с 1999 по 2019 гг. в Республике Беларусь было приведено в исполнение 76 приговоров к высшей мере наказания[3]. Чаще всего суд приговаривает к расстрелу за убийство двух и более человек при отягчающих обстоятельствах или с особой жестокостью[2]. Согласно законодательству Республики Беларусь после приведения смертной казни в исполнение тело не может быть выдано семье, а место захоронения не раскрывается.

Из-за отсутствия моратория на смертную казнь Беларусь является единственной европейской страной, которая не является членом Совета Европы. То есть наши граждане не имеют права подавать жалобы в Европейский суд по правам человека, в том числе обжаловать смертный приговор. Белорусы за защитой своих прав на международном уровне могут обращаться только в Комитет ООН по правам человека, но обычно приговор приводится в исполнение еще до принятия решения Комитетом.

Следует отметить, что во-первых, референдум 1996 года носил рекомендательный характер. На основании заключения Конституционного суда от 4 ноября 1996 года Верховный Совет Республики Беларусь внёс изменения в своё постановление от 6 сентября 1996 г. и признал, что на обязательный референдум выносятся только вопросы о переносе Дня независимости Республики Беларусь (Дня Республики) и о выборности руководителей местных органов исполнительной власти. Результаты референдума об изменении Конституции по другим вопросам, в том числе об отмене смертной казни, должны носить консультативный характер, принять новую редакцию Конституции имел право лишь Верховный Совет. Во-вторых, с 1996 года выросло целое поколение людей, которые не принимали участие в референдуме. В третьих, по белорусскому законодательству отменить смертную казнь может как парламент путем внесения изменений в законодательство, так и президент Республики Беларусь.

Уполномоченный по правам человека в Республике Беларусь

Международное сообщество признает важнейшую роль Национальных правозащитных учреждений (далее по тексту – Национальное учреждение) в поощрении и обеспечении эффективного осуществления международных стандартов в области прав человека на национальном уровне. Они должны соответствовать принципам, касающимся статуса национальных учреждений, известным как Парижские принципы. За последние двадцать лет Генеральная Ассамблея ООН, Совет по правам человека опубликовали ряд резолюций, касающихся Национальных учреждений, например, Резолюция Генеральной Ассамблеи, одобряющая Парижские принципы; Резолюция A/RES/74/156 – о национальных учреждениях по поощрению и защите прав человека[5].

Создание в Республике Беларусь Национального учреждения подтвердит стремление нашего государства следовать рекомендациям ООН, Совета Европы и других международных организаций по данному вопросу; будет способствовать информированности населения о состоянии дел в правозащитной сфере; станет свидетельством возведения защиты прав и свобод человека в ранг государственной

политики; уменьшит количество жалоб в международные органы и неправительственные организации; упорядочит работу с представителями международных правозащитных организаций в направлении развития международного сотрудничества в области защиты прав и свобод человека и гражданина.

Наиболее оптимальным вариантом Национального учреждения в Республике Беларусь является введение должности Уполномоченного по правам человека (далее – Уполномоченного). Несмотря на существование множества национальных моделей Уполномоченного, обусловленных историческими, культурными и политико-правовыми особенностями государств, представляется возможным выделить существенные характеристики Уполномоченного:

1. Уполномоченный осуществляет две основные функции: а) контроль за органами государственного управления – выступает как контролирующий орган, уполномоченный на то парламентом; б) защиту нарушенных прав и интересов человека.

2. Является субсидиарным (дополнительным) средством защиты прав человека по отношению к национальным правозащитным механизмам и не влияет на компетенцию других органов.

3. Деятельность Уполномоченного носит диспозитивный характер, он не наделен административной властью, то есть не обладает полномочиями принимать императивные решения, обладающие силой юрисдикционного акта. Следовательно вероятность возникновения антагонизма между ним и государственными органами сводится к минимуму.

4. Следующая характерная черта Уполномоченного – его независимость от любой власти. Закрепление за ним статуса агента законодательной власти, предоставление иммунитета от уголовного и судебного преследования в связи с выполнением должностных обязанностей, высокий правовой и социальный статус, материальная обеспеченность станут залогом независимости института.

5. Уполномоченный является деполитизированным институтом.

6. Деятельность института широко открыта общественности, является прозрачной.

На основании изложенного можно констатировать, что необходимой предпосылкой развития государства и гражданского общества в настоящее время является установление диалоговых отношений между ними, которые предполагают равный юридический и социальный статус субъектов государства и субъектов гражданского общества. Конкретным действенным механизмом взаимодействия государства и гражданского общества выступает институт Уполномоченного.

Одной из главных проблем, возникающих при учреждении института Уполномоченного, является выбор его *модели*, наиболее соответствующей правовой системе Республики Беларусь. Разработано несколько вариантов проекта закона об Уполномоченном по правам человека. Один вариант закрепляет исполнительную модель института, согласно которого Уполномоченный назначается Президентом Республики Беларусь из числа кандидатур, предложенных Палатой представителей и одобренных Советом Республики. Согласно второго варианта, предусматривающего парламентскую модель, Уполномоченный по правам человека избирается Национальным собранием Республики Беларусь. Например, сторонником исполнительной модели выступает Василевич Г.А., по его мнению Уполномоченный должен назначаться Президентом Республики Беларусь сроком на семь лет с предварительного согласия Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [6, с.14], приверженцем парламентской – Пастухов М., то есть Уполномоченный должен избираться Верховным Советом сроком на пять лет [7, с.39].

Представляется оправданной парламентская модель института, поскольку информационно-воспитательная функция деятельности у парламентского Уполномоченного выражена наиболее ярко, поэтому проблему информационного дефицита белорусского парламента по отношению к исполнительной власти, а также относительно состояния прав и свобод личности в Республике Беларусь поможет решить именно парламентский тип.

В силу того, что исполнительный Уполномоченный воспринимается как институт исполнительной власти, повысить эффективность Уполномоченного в глазах белорусских граждан призвана парламентская модель института. Исходя из исторического смысла создания института Уполномоченного как парламентского комиссара осуществляющего надзор за соблюдением законодательных актов парламента судами и другими органами государственной власти и управления, а также в аспекте осуществляемой парламентом контрольной функции, именно парламентская модель института Уполномоченного позволит усилить позиции белорусского парламента в сфере контроля за исполнительными органами.

Спорным аспектом концепции белорусского Уполномоченного выступает организационная форма деятельности: каким быть институту – единоначальным (состоящим из одного публичного должностного лица высокого ранга и его аппарата) или коллегиальным (включающим несколько членов, которые принимают решения совместно).

Представляется более оправданной для Республики Беларусь единой начальной модель института.

Целесообразно предоставить право обращения к Уполномоченному с жалобой широкому кругу субъектов: гражданам Республики Беларусь, иностранным гражданам, лицам без гражданства, организациям граждан через уполномоченных представителей этих организаций.

Представляется неоправданным ограничение права обращения к Уполномоченному условием, чтобы податель жалобы лично пострадал в результате действия или бездействия государственных органов и их должностных лиц.

Доступ к Уполномоченному по правам человека Республики Беларусь не должен ограничиваться требованиями юридической обоснованности жалобы, оплаты государственной пошлины, жесткими процедурами предоставления жалобы.

Основанием для отказа в принятии и рассмотрении Уполномоченным жалобы должно выступать неполное использование средств правовой защиты. Отсутствие данного основания для отказа в приеме и рассмотрении жалобы может повлечь большой поток жалоб к Уполномоченному.

Жалобы могут поступать в службу Уполномоченного непосредственно от заинтересованных лиц и посредством членов Национального собрания Республики Беларусь. «Парламентский фильтр» оградит Уполномоченного от необоснованных жалоб.

Не следует ставить деятельность Уполномоченного в зависимость от наличия жалобы. Таким образом, следует отдать предпочтение модели Уполномоченного, предпринимающего действия не только на основе жалобы, но и по собственной инициативе.

Наличие в Республике Беларусь развернутой системы контрольных и надзорных органов, наделенных правом проведения проверок и инспекций, обуславливает правомерность принятия модели Уполномоченного, основным методом деятельности которого является проверка поступивших жалоб. Омбудсмановские планы Швеции, Финляндии, предполагающие, наряду с указанным методом деятельности, метод «инспекционных обследований» судов, прокуратуры и т.д., на наш взгляд, не отвечают современному пониманию судебной власти как независимого звена в системе разделения властей.

Наряду с такими распространенными формами реагирования на нарушения прав человека, как предложения, рекомендации, Уполномоченному необходимо предоставить широкие возможности в сфере правотворчества, инициирования проверки конституционности нормативных актов. Представляет особое значение наделение Уполномоченного

правом законодательной инициативы. Поскольку в процессе рассмотрения жалобы Уполномоченный может обнаружить, что нормативный акт затрагивает конституционные права и свободы человека и гражданина, вполне оправдано отнесение Уполномоченного к субъектам, обладающим правом возбуждения в Конституционном Суде производства по проверке конституционности нормативно-правовых актов.

Гарантом эффективной деятельности Уполномоченного должен стать высокий уровень гласности его функционирования. Обнаруженные в процессе деятельности Уполномоченного недостатки в работе государственных органов, наиболее часто встречающиеся нарушения прав человека, данные о неправильном толковании и применении нормативных правовых актов, а также рекомендации относительно совершенствования законодательства и административной практики должны получить текстуальное выражение в форме ежегодных докладов Уполномоченного парламенту. Доклады Уполномоченного по правам человека Республики Беларусь должны обсуждаться в парламенте, распространяться среди органов и должностных лиц государственного управления, подлежать обязательному опубликованию. Доклады Уполномоченного – это источник информации для законодательного органа, позволяющий получать достоверные данные по вопросу прав и свобод человека и гражданина в государстве и законодательным путем устранять недостатки в этой области.

Введение должности Уполномоченного по правам человека Республики Беларусь – это еще один шаг к тому, чтобы констатировать, что статья 1 Конституции Республики Беларусь – это достигнутое завоевание, а не цель.

Список использованных источников

1. Смертная казнь в странах бывшего СССР [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2948608>.- Дата доступа: 10.10.2020.

2. Отбыл по приговору Белоруссия – единственная страна Европы, где есть смертная казнь [Электронный ресурс] // MEDUZA. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2018/02/02/otbyl-po-prigovoru>. – Дата доступа: 10.10.2020.

3. Количество смертных приговоров в Беларуси [Электронный ресурс]// Белорусский хельсинский комитет. – Режим доступа: <https://belhelcom.org/ru/topic-material/kolichestvo-smertnyh-prigovorov-v-belarusi-0>.- Дата доступа: 10.10.2020.

4. Отбыл по приговору Белоруссия – единственная страна Европы, где есть смертная казнь [Электронный ресурс] // MEDUZA. – Режим

доступа: <https://meduza.io/feature/2018/02/02/otbyl-po-prigovoru>. – Дата доступа: 10.10.2020.

5. Объединенные нации. Права человека. Управление верховного комиссара [Электронный ресурс] // УВКПЧ и национальные правозащитные учреждения (НПЗУ). – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/RU/Countries/NHRI/Pages/NHRIMain.aspx>. – Дата доступа: 10.10.2020.

6. Василевич, Г. А. Концепция Национального учреждения по правам человека в Беларуси [Электронный ресурс] : концепция предполагаемого проекта Закона об Уполномоченном по правам человека в Беларуси / Г. А. Василевич. – Электрон. текстовые дан. – Минск : БГУ, 2013. – 29 с.

7. Пастухоў, М. Праграма канстытуцыйных пераўтварэнняў / Міхаіл Пастухоў. - Мінск: БСДП, 2020. – 59с.

The article concerns two relevant institutions of civil society and the rule of law that require constitutional changes, in particular, the institution of the death penalty and the National Human Rights Institution in the Republic of Belarus. These issues are in the spectrum of the fundamental institution of human rights as an integral property of the individual and the phenomenon of world culture and civilization. The author analyzes the transformation of the institution of the death penalty on the territory of the states of the former USSR and argues the timeliness of the abolition of the death penalty in the Republic of Belarus. Concerning the National Human Rights Institution in the Republic of Belarus, the concept of the Ombudsman, adapted to the realities of our state, has been substantiated.

УДК 343.14:343.1

В. А. Воробьёв

УО «ГГУ им. Ф.Скорины»

С. Л. Емельянов

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф.Скорины»

ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ

В настоящей статье рассматривается место уголовно-процессуальной нормы, регулирующей применение преюдиции с применением метода систематического толкования. Затрагивается основной проблемный вопрос соотношения правила преюдиции как исключительной уголовно-процессуальной нормы по отношению к общим нормам. Приведён пример реализации нормы ст. 106 УПК Республики Беларусь в правоприменительной практик. В результате проведенного анализа норма о преюдиции в

уголовном процессе является: исключительной, императивной, обязывающей нормой правого поведения.

Регулирующее воздействие уголовно-процессуального права осуществляется через систему уголовно-процессуальных норм, в которых находит непосредственное выражение воля государства относительно задач и принципов уголовного процесса, понятий и наименований, используемых в Уголовно-процессуальном кодексе Республике Беларусь (далее – УПК).

Уголовно-процессуальные нормы составляют юридическую основу всех возникающих, изменяющихся и прекращающихся процессуальных отношений при возбуждении, расследовании, разбирательстве и разрешении уголовных дел. Важно отметить, что нормы уголовно-процессуального права не однородны. Одни устанавливают конкретный вариант поведения субъектов и индивидуально-определенной процессуальной ситуации, другие регулируют поведение субъектов в целом, устанавливая задачи, принципы и прочие организационно-правовые условия осуществления уголовно-процессуальной деятельности на всех или отдельных стадиях процесса [1, 70-71].

Залогом правильной реализации юридических норм является уяснение их смысла и содержания, что достигается посредством использования приемов толкования норм права. Процесс толкования протекает в сознании человека в виде различных внутренних интеллектуально-волевых операций [2, с.489], при использовании самых разнообразных методов познания действительности. Одним из таких способов познания правовой действительности является систематический метод.

В качестве предмета систематического толкования мы выбрали ст. 106 УПК «Преюдиция».

Согласно ч. 1 указанной статьи, вступивший в законную силу приговор по другому уголовному делу обязателен для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу в отношении как установленных обстоятельств, так и их юридической оценки.

Часть 2 ст. 106 УПК гласит: «Вступившее в законную силу решение суда по гражданскому делу обязательно для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу только по вопросу о том, имело ли место само общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, о размере вреда и не может предрешать выводы о виновности или невиновности обвиняемого» [3].

При проведении системного толкования преюдиции в уголовном процессе необходимо учитывать, классификацию уголовно-процессуальных норм по различным основаниям.

1. По функциональной роли в механизме правового регулирования уголовно-процессуальные нормы подразделяются на исходные нормы и нормы – правила поведения. Первые определяют отправные начала, основы правового регулирования уголовно-процессуальных отношений: задачи, принципы уголовного процесса, основные понятия и категории.

К нормам – правилам поведения относятся типичные правовые нормы, непосредственно регламентирующие общественные отношения между участниками уголовного процесса.

2. По сфере своего применения уголовно-процессуальные нормы бывают общими, специальными и исключительными.

Общие – это такие нормы, которые относятся ко всем уголовно-процессуальным отношениям и применяются на всех стадиях уголовного процесса. К ним можно отнести, например, нормы определяющие задачи уголовно-процессуального закона.

Специальные нормы – это те, которые применяются лишь на определенных стадиях процесса или при проведении отдельных процессуальных действий.

Исключительные нормы являются дополнениями к общим или специальным и устанавливают какие-либо изъятия из них.

3. По степени обязательности нормы подразделяются на императивные и диспозитивные.

Первые нормы носят характер обязательного предписания, которое не допускает никаких отступлений от предусмотренного нормой варианта поведения. К примеру, недопущение повторного обжалование законности задержания или заключения под страду, домашнего ареста. Реализация императивных норм предполагает полное подчинение участников процесса воле государства, выражено в таких предписаниях, требует единственного варианта поведения.

Совершенно иной характер носят диспозитивные нормы, которые предоставляют участникам правоотношений возможность выбора варианта поведения в рамках установленной нормы. Например, в случае достижения несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым восемнадцати лет участие педагога или психолога при допросе необязательно.

4. В зависимости от характера содержащихся в норме предписаний они подразделяются на управомочивающие, обязывающие и запрещающие.

Управомочивающие нормы наделят участников процесса определенными правами, использование которых зависит от его усмотрения.

Например, обвиняемый вправе представлять доказательства.

Обязывающие нормы требуют от участников процесса определенного поведения. К примеру, при производстве дознания и предварительного

следствия органы уголовного преследования обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Запрещающие нормы предписывают участнику уголовного процесса воздержаться от совершения определенных действий. Например, запрещение задавать наводящие вопросы при допросе.

Для систематического толкования важно учитывать связи, которые устанавливаются между общими и специальными нормами.

Применительно к рассматриваемому вопросу, учитывая, что ст. 106 УПК, регламентирующая преюдицию в уголовном процессе помещена в главу 11 «Доказывание», в качестве общей нормы можно привести ст. 19 УПК, которая закрепляет один из принципов уголовного процесса – оценка доказательств по внутреннему убеждению.

Мы не согласны с мнением Д.П. Великого, который считает, что своеобразным исключением из правила о приоритете специальных норм по отношению к общим можно рассматривать специфическую связь принципов уголовного судопроизводства с остальными уголовно-процессуальными нормами. Принципы, продолжает автор, уголовного судопроизводства по определению являются нормами более общими, чем «рядовые» уголовно-процессуальные нормы. Однако в данном случае приоритет следует отдавать не связи типа общая норма – специальная норма, а связи принцип – «рядовая» норма. Таким образом, по мнению Д.П. Великого, в случае противоречия между общей нормой, являющейся принципом, и специальной нормой, принципом не являющейся, применению подлежит общая норма [4, с.153]. Полагаем, что такой подход, во-первых, не учитывает существование исключительных уголовно-процессуальных норм, а, во-вторых, дает возможность полного игнорирования норм ст. 106 УПК, со стороны органа, ведущего уголовный процесс в части обязательности оценки обстоятельств, ранее установленных судом в рамках уголовного или гражданского судопроизводства, что на наш взгляд недопустимо.

Следует отметить, что, несмотря на недостаточную научную разработанность вопроса применения преюдиции в уголовном процессе и малый объем ситуаций, при которых возможна практическая реализация преюдиции, нам удалось отыскать пример из правоприменительной практики, который можно привести в качестве подтверждения реализации норм ст. 106 УПК как уголовно-процессуальной нормы, носящей исключительный характер, по отношению к нормам ст. 19 УПК.

Так, 26 ноября 2018 г. Президиум Областного Суда рассмотрел в открытом судебном заседании дело по протесту заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь на решение районного суда от 20 ноября 2017 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам

областного суда от 29 марта 2018 г. по делу по иску ЧТУП «Ю» к Ш. о взыскании ущерба.

ЧТУП «Ю» указывало, что Ш. с 30.05.2012 г. по 04.04.2016 г. работал директором данного предприятия. В 2013 г. Ш. получил у ОДО «М» товар (кабель) на общую сумму 89 633,40 руб.. В дальнейшем этот кабель и другие товарно-материальные ценности (далее – ТМЦ) на общую сумму 94 853,10 руб. списаны в апреле 2016 г. путем оформления актов произвольной формы. Документов, подтверждающих обоснованность их списания, не имеется.

Решением районного суда от 20 ноября 2017 г., требования истца удовлетворены в полном объеме. Удовлетворяя заявленный иск, суд указал, что ущерб предприятию причинен в результате противоправного поведения Ш., которое выразилось в необеспечении сохранности ТМЦ. При этом суд посчитал доказанным факт получения ЧТУП «Ю» кабеля от ОДО «М».

В своём протесте прокурор указал, что вывод суда опровергается материалами дела, в том числе актом внеплановой дополнительной проверки инспекции Министерства по налогам и сборам от 06.12.2016 г., которой установлено внесение недостоверной информации в товарно-транспортные накладные (далее – ТТН) от 12.02.2013 г. и от 02.04.2013 г., а также подтвержден факт неучастия ОДО «М» в вышеназванных хозяйственных операциях.

По указанному факту управлением Следственного комитета Республики Беларусь возбуждено уголовное дело в отношении Ш. по ч. 1 ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

В протесте прокурор сослался на постановление следственного органа от 16.02.2017, согласно которому Ш. в неустановленное время из корыстной заинтересованности с целью уклонения от уплаты сумм налогов поместил в бухгалтерский учет ЧТУП «Ю» заведомо ложные первичные учетные документы: ТТН, содержащие сведения о якобы поступивших ТМЦ от ОДО «М», чего в действительности не было. В результате указанных действий Ш. занизил налоговую базу субъекта хозяйствования ЧТУП «Ю» и внес в налоговые декларации (расчеты) заведомо ложные сведения, предоставив их в налоговые органы, чем уклонился от уплаты сумм налогов.

По мнению прокурора, вывод суда в части установления факта получения ЧТУП «Ю» от ОДО «М» товара по ТТН противоречит материалам дела, а также выводам, содержащимся в постановлении Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области от 16.02.2017 г.

Вместе с тем исходя из требований ч. 2 ст. 106 УПК вступившее в законную силу решение суда от 20.11.2017 по гражданскому делу по иску ЧТУП «Ю» к Ш. обязательно для органа, ведущего уголовный процесс.

При указанных обстоятельствах, по мнению прокурора, судебные постановления нельзя признать законными и обоснованными, следовательно, протест заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь подлежит удовлетворению.

В итоге суд отменил решение по гражданскому делу [5].

Основываясь на систематического толкования и классификации уголовно-процессуальных норм, мы пришли к выводу, что преюдиция в уголовном процессе является: исключительной, императивной, обязывающей нормой правого поведения органа, ведущего уголовный процесс.

Список использованных источников

1. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И. В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И. В. Данько, Акад. м-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 478 с.

2. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. К. Бабаева. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2003. – 591 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=НК9900295&p2={NRPA}>. – Дата доступа: 10.09.2020.

4. Великий, Д.П. Толкование уголовно-процессуальных норм в системе с другими нормами УПК РФ / Д. П. Великий // Известия Иркутской государственной экономической академии – 2012. – № 1 (81). – С. 151–154.

5. Постановление Президиума областного суда от 26 ноября 2018 г. // ЭТАЛОН –ONLINE [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=s218g0107s&q_id=2065170. – Дата доступа: 10.09.2020.

This article examines the place of the criminal procedural norm governing the application of prejudice using the method of systematic interpretation. The main problematic issue of the correlation of the rule of prejudice as an exclusive criminal procedural norm in relation to general norms is touched upon. An example of the implementation of the norm of art. 106 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus in law enforcement practice. As a result of the analysis, the rule on prejudice in criminal proceedings is: an exclusive, imperative, binding norm of legal behavior.

Е. В. Воронцова

канд. юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Юго – Западный государственный университет»

А. Л. Воронцов

канд. ист. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Юго – Западный государственный университет»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию проблемы правового обеспечения качества и безопасности пищевой продукции. Авторы отмечают, что качество и безопасность пищевой продукции являются фактором национальной безопасности России, значение которого в современных условиях существенно возрастает. Анализируя организационно-правовой механизм обеспечения качества и безопасности продуктов питания, авторы обращают внимание на его недостатки, главным из которых является преимущественная регламентация безопасности пищевой продукции и недостаточное внимание к регулированию вопросов ее качества. По мнению авторов, это лишает данный организационно-правовой механизм необходимой целостности, что снижает его возможности как инструмента обеспечения национальной безопасности в продовольственной сфере.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00926\19.

Десятилетия ощутимого дефицита на российском продовольственном рынке (еще со времен СССР) способствовали восприятию проблемы продовольственной безопасности в нашей стране исключительно как проблемы наполняемости продуктовых прилавков. Такое понимание вышеобозначенной проблемы долгое время было характерным как для руководства российского государства, так и для простых граждан. Соответственно, основные усилия нашего государства в области продовольственной безопасности были направлены именно на обеспечение достаточного объема продовольствия.

Все изменилось с началом 90-х гг. XX в., когда колоссальные преобразования социально-экономического уклада нашего общества позволили устранить дефицит пищевой продукции, что, казалось бы, должно было «похоронить» и саму проблему продовольственной безопасности. Однако, для нашей страны проблема продовольственной безопасности по-прежнему остается весьма актуальной. Более того, существенно возросшее производство пищевой продукции, а также открытость российского пищевого рынка для деятельности иностранных компаний (по сути – продуктовой экспансии) высветили новые грани

данной проблемы, в том числе связанные с качеством и безопасностью находящихся в обороте пищевых товаров. При этом, указанный аспект продовольственной проблемы в настоящее время приобретает критически важное значение с учетом происходящих в мире геополитических и социально-экономических процессов. Речь идет о глобализации производства и торговли пищевой продукцией, а также о жестком политическом и экономическом противоборстве современных держав. В этой связи проблема качества и безопасности пищевой продукции предстает не только как проблема качества нашей жизни. Она становится проблемой, во многом определяющей возможности развития нашего общества в ближайшей и отдаленной перспективе, поскольку напрямую затрагивает общественное здоровье, значение которого, по нашему мнению, нет необходимости доказывать.

В настоящее время является очевидным влияние качественных характеристик потребляемой пищевой продукции на состояние здоровья населения. Данные науки свидетельствуют о том, что именно характер питания во многом обуславливает наличие целого ряда заболеваний, сокращающих продолжительность жизни граждан продолжительность жизни граждан и снижающих их трудовую активность. Этот вывод подтверждается и в докладах официальных государственных органов [7, с.219]. Таким образом, качество и безопасность пищевой продукции становится фактором национальной безопасности России, что, в свою очередь, требует создания государственной системы, гарантирующей обеспечение общественных интересов в сфере производства и потребления пищевых продуктов.

Логично предположить, что основу вышеназванной системы должны составлять правовые механизмы, т.е. нормы, регламентирующие процесс производства и оборота пищевой продукции. Только в таком случае система обеспечения ее качества и безопасности станет практическим инструментом управленческого воздействия, позволяющим государству реагировать на возникающие на продовольственном рынке угрозы.

А угроз действительно много. Основные из них связаны с распространением фальсифицированной и контрафактной продукции, количество которой, несмотря на заметное снижение в последние годы, остается достаточно высоким. Кроме того, значительная часть пищевой продукции, предлагаемой российскому потребителю, имеет повышенное содержание насыщенных жиров, углеводов, сахаров, а также различного рода красителей, консервантов, пищевых заменителей и др. Причем, при переизбытке калорий данные продукты имеют дефицит грубых волокон, клетчатки, а также необходимых организму микроэлементов. Таким образом пищевая ценность данных продуктов снижена (справедливости ради отметим, что подобная картина наблюдается по всему миру – прим.авт.). Сложившаяся ситуация во многом обусловлена объективными законами

рыночной экономики, ставящей во главу угла получение прибыли (в общественное сознание это подается как все более полное удовлетворение потребительского спроса, при этом сам спрос активно формируется с помощью методов информационного воздействия – рекламы, кампаний ценовых скидок и т.п.), что не всегда согласуется с производством пищевой продукции «необходимой для активного и здорового образа жизни» [5]. Помимо этого, угрозу здоровью граждан представляет активное использование в сельском хозяйстве пестицидов и других химикатов, а также применение в процессе производства продуктов питания технологий генной модификации.

Нейтрализация названных угроз организационно-правовыми методами представляет собой крайне сложную задачу. Отчасти, именно этим можно объяснить то, что к настоящему моменту российская правовая система не выработала целостного механизма обеспечения качества и безопасности пищевой продукции. Данный механизм, на наш взгляд, носит половинчатый характер, большинство его норм ориентированы на регулирование только одной стороны этой широкой проблемы, а именно на регулирование вопросов безопасности пищевых продуктов. Что же касается их качества, то в данном случае российский законодатель еще не предложил детального правового механизма его обеспечения.

Попыткой сдвинуть решение данного вопроса с «мертвой точки» можно считать принятие в 2016 году Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года [6] (далее – Стратегия). Являясь документом стратегического планирования, данная Стратегия ориентирована на обеспечение полноценного питания, профилактику заболеваний населения, увеличение продолжительности и повышение качества его жизни. Кроме того, Стратегия (исходя из закрепленных в ней общих положений) призвана стимулировать развитие производства и оборота качественной пищевой продукции. В целом, обеспечивать качество пищевых продуктов предполагается посредством национальной системы управления качеством пищевой продукции. Сама Стратегия является концептуально-правовой основой для формирования данной системы.

Примечательно, что среди обозначенных в Стратегии задач, задача совершенствования и развития нормативной базы в сфере качества пищевой продукции указана первой. Это подтверждает значимость организационно-правовых инструментов для достижения целей Стратегии. При этом реализация других задач, предусмотренных Стратегией (совершенствование государственного регулирования в области качества пищевой продукции, в том числе в части обеспечения государственного контроля (надзора) и применение мер административной ответственности за несоблюдение требований к качеству пищевой продукции и др.) по своей сути также

невозможна без создания новых и совершенствования имеющихся правовых механизмов, т.е. предполагает в первую очередь **правовую** (выд.авт.) регламентацию.

Исходя из имеющейся в России практики законотворческой деятельности, можно предположить, что решение задач Стратегии займет еще не мало времени. Тем не менее, позитивные ожидания вызывает сам курс Российской Федерации в области обеспечения качественных показателей пищевой продукции, провозглашенный в Стратегии, а именно - установление **обязательных** (выд.авт.) требований к ее качеству, в том числе введение сортности пищевой продукции, внесение показателей качества в технические регламенты и др.

Как нам представляется, подобный подход в перспективе позволит значительно оптимизировать действующий правовой механизм обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов, поскольку гармонизация требований к качеству и безопасности внутри данного механизма сделает его по настоящему целостным, способным обеспечить интересы национальной безопасности в продовольственной сфере. Но это, как говорится, – благие ожидания. Пока же, упомянутый нами механизм сосредоточен преимущественно на регламентации вопросов безопасности пищевой продукции. Подтверждением этому являются положения федерального законодательства, в частности Федерального закона от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [1], Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» [2], Федерального закона от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» [3] и др. Кроме того, в основополагающем правовом акте, посвященном национальной безопасности страны, - Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [4] сама задача обеспечения качества и безопасности продуктов питания рассматривается достаточно узко и сводится к недопущению бесконтрольного оборота генно-модифицированных продуктов и совершенствованию системы технического регулирования и контроля в области обеспечения **безопасности** (выд.авт.) пищевой продукции. Таким образом, одна из важнейших задач в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации – задача обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов, решается весьма ограниченно, а соответственно далека от своего разрешения.

Список использованных источников

1. О качестве и безопасности пищевых продуктов : Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Российская газета. – 2000. – 10 янв. – С.1.

2. О техническом регулировании : Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 28.11.2018) // Российская газета. – 2002. – 31 дек. – С.1–2.

3. О стандартизации в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. – 2015. – 03 июл. – С.1.

4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. – 04.01.2016. – № 1 (часть II). – ст. 212.

5. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // Собрание законодательства РФ. – 27.01.2020. – № 4. – ст. 345.

6. Об утверждении Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 29.06.2016 № 1364-р // Собрание законодательства РФ. – 11.07.2016. – № 28. – ст. 4758.

7. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2011 году. Государственный доклад. – М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2012. – 316 с.

The article is devoted to the study of the problem of legal assurance of the quality and safety of food products. The authors note that the quality and safety of food products are a factor in the national security of Russia, the importance of which in modern conditions is significantly increasing. Analyzing the organizational and legal mechanism for ensuring the quality and safety of food products, the authors pay attention to its shortcomings, the main of which is the preferential regulation of food product safety and insufficient attention to the regulation of food quality issues. According to the authors, this deprives this organizational and legal mechanism of the necessary integrity, which reduces its capabilities as an instrument for ensuring national security in the food sector.

УДК 347.91

Н. А. Журович

УО «ГГУ им. Ф.Скорины»

ТРЕТЕЙСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В статье рассматривается порядок рассмотрения споров в третейских судах, выбор судей для рассмотрения дел, преимущества и недостатки третейской формы защиты, сравнительный анализ рассмотрения дел в третейском суде и в гражданском судопроизводстве, порядок вынесения решения, вступления решения в законную силу, обжалование решения третейского суда.

Согласно статистическим данным Верховного Суда Республики Беларусь за первое полугодие 2020 года судами рассмотрено 99 333 гражданских дел. Из них 85 418 дел с вынесением решений [1]. Данные цифры, с одной стороны показывают активность в обращении граждан за защитой своих прав и законных интересов, а с другой стороны, реальную загруженность общих судов. Что в итоге не может не приводить к ошибкам и, соответственно, к такой же загруженности судов апелляционной и надзорной инстанции.

В связи с этим считаем актуальным рассмотрение альтернативных способов защиты. Такими являются административная и общественная. Административная защита осуществляется государственными органами. Общественная же защита представляет собой возможность обращения лиц в третейские суды. На сегодняшний момент в Республике Беларусь принят Закон «О третейских судах» от 18.07.2011 года № 301-З (далее – Закон). Несмотря на то, что после вступления Закона прошло уже 8 лет, третейское разбирательство не имеет большой практики применения в нашей стране.

Основной причиной этому является плохая информированность граждан о существовании таких судов (постоянно действующих) и о возможности их создания при возникновении конкретного спора (временных).

Согласно 1 статьи Закона третейский суд – это организация, которая не входит в судебную систему Республики Беларусь и создается для разрешения спора в виде постоянно действующего третейского суда или третейского суда, образуемого по соглашению сторон для разрешения конкретного спора [2].

Отличительной особенностью передачи дела на рассмотрение в третейский суд является третейское соглашение, которое заключается в письменной форме в виде самостоятельного соглашения или в виде третейской оговорки. В этом соглашении должны быть указаны наименование третейского суда, в котором будет рассматриваться спор, сведения о судьях, месте и языке судопроизводства. В отличие от общих судов, где суд определяется исходя из правил подсудности, стороны выбирают тот суд, в котором они хотели бы рассмотреть свое дело. Это, на наш взгляд, является существенным преимуществом третейской формы. Как и выбор судей. Такого же мнения придерживаются Дубовик Э и Тарасюк Н. По их мнению, при получении возможности выбора судей, стороны будут в большей степени доверять вынесенному судебному постановлению [3, с. 90].

Статья 13 Закона содержит требования, которые предъявляются к третейским судьям. Это должно быть физическое лицо, которое избирается или назначается; не имеющее заинтересованности в исходе

дела; независимое от сторон и давшее согласие на исполнение обязанностей третейского судьи. Третейский судья, рассматривающий спор единолично, должен иметь высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее трех лет. Если дело рассматривается коллегиально, вышеназванные требования предъявляются к председателю состава третейского суда, а другие судьи должны иметь любое высшее образование и стаж работы по соответствующей специальности не менее трех лет [2]. Министерство юстиции Республики Беларусь предоставляет Сведения о третейских судьях, составляющие Реестр третейских судей и постоянно действующих третейских судов. Согласно данным Сведениям в Реестр включены 244 кандидата в третейские судьи. Среди них юристы, экономисты, инженеры, учитель, начальник классов, геодезист, физики, социальный работник, физкультурник, специалист в организации дорожного движения, а также в области гражданского строительства. Стаж работы этих лиц по специальности от 5 до 40 лет [4].

Закон не предусматривает конкретную форму получения согласия на исполнение обязанностей третейского судьи. Как отмечает В. Каменков, по опыту других государств такое согласие должно выражаться в письменной форме и приобщаться к материалам рассматриваемого дела [5, с. 64]. На наш взгляд, если получение такого согласия законодатель считает обязательным, необходимо прописать его форму в Законе.

Среди преимуществ третейского разбирательства отмечают оперативность [3, с. 91]. Статья 26 Закона устанавливает, что дело должно быть рассмотрено в течение трех месяцев с момента возбуждения. Этот срок может быть продлен третейским соглашением до одного года [2]. На наш взгляд, это преимущество считается сомнительным. Общий срок рассмотрения гражданского дела в общем суде составляет два месяца [6]. И по данным Верховного Суда Республики Беларусь количество дел, рассмотренных с превышением сроков составляет 143, что в процентном отношении всего 0.14 % от общего количества рассмотренных [1]. Это позволяет сделать вывод, что в связи с меньшей загруженностью третейских судов, срок рассмотрения дела может быть меньше чем в общих судах.

Сравнивая процедуру рассмотрения дела в гражданском и третейском судопроизводствах, нужно отметить некоторые отличия. В третейском суде это:

– дело рассматривается в закрытом судебном заседании, если стороны не договорились об ином. В гражданском судопроизводстве провозглашен принцип гласности. И закрытое судебное разбирательство проводится в строго предусмотренных законом случаях;

– установлен срок направления извещения о времени и месте третейского разбирательства (не позднее 10 дней). В гражданском судопроизводстве такого срока нет.

– отсутствует должность секретаря судебного заседания. Если в заседании ведется протокол, то лицо, его ведущее, определяется третейским судом;

– протокол подписывается не позднее трех дней после окончания заседания, а по сложным делам – не позднее десяти дней. В гражданском судопроизводстве – не позднее следующего дня после судебного разбирательства, а по сложным делам – не позднее 5 дней;

– суд может отложить принятие решения и вызвать стороны на дополнительное заседание. В гражданском - если суд во время либо после судебных прений признает необходимым выяснить новые факты, имеющие значение для дела, или исследовать новые доказательства, выносит определение о возобновлении разбирательства дела по существу (ст. 292 ГПК Республики Беларусь) [6].

Суд, исследовав все обстоятельства дела и заслушав показания сторон, принимает мотивированное решение. Такая формулировка 36 статьи Закона свидетельствует о том, что к решению третейского суда применяются такие же требования как и к решениям общих судов. А, значит, решение состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Следует обратить внимание, что третейский суд во всех случаях принимает мотивированное решение. Отличительным является и тот факт, что третейский суд не завершает рассмотрение дела вынесением определений. Так, в отличие от общих судов, третейский суд при утверждении мирового соглашения принимает решение. Это обусловлено тем, что исполнительный лист может быть выдан только на решение суда [7].

Решение объявляется в заседании третейского суда и вступает в законную силу в день его принятия.

В третейском судопроизводстве, как и в гражданском процессуальном предусмотрена возможности вынесения дополнительного решения, исправление описок и счетных ошибок, а также разъяснение принятого решения без изменения его содержания.

Если стороны совершают третейскую оговорку, они понимают о невозможности обжалования решения по материальным основаниям. Тем самым придают этому решению окончательность. Такое решение должно быть исполнено добровольно. Однако законом предусмотрено и принудительное исполнение решения третейского суда. Сторона, в пользу которой было вынесено решение может обратиться в общий суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение. При рассмотрении такого заявления государственный суд не

вправе исследовать обстоятельства, установленные третейским судом и пересматривать решение третейского суда по существу [7].

Гражданское процессуальное законодательство предусматривает возможность обжалования решения третейского суда. Сторона, которая не согласна с решением, может обратиться в районный (городской) суд на территории которого оно принято с заявлением об отмене решения третейского суда. Такое заявление может быть подано в течение трех месяцев с момента получения оспариваемого решения.

Заявление об отмене решения третейского суда должно быть рассмотрено судом не позднее одного месяца. Такое заявление рассматривается в судебном заседании, о чем извещают стороны.

Решение третейского суда подлежит отмене в случае, если сторона, обратившаяся в суд с заявлением об отмене решения третейского суда, представит суду доказательства того, что:

1) третейское соглашение является недействительным в связи с его заключением с нарушением требований, предусмотренных законодательными актами о третейских судах;

2) одна из сторон не была надлежащим образом уведомлена о времени и месте третейского разбирательства либо по другим уважительным причинам не могла реализовать свои права, предусмотренные законодательными актами о третейских судах;

3) решение третейского суда вынесено по спору, не предусмотренному третейским соглашением, либо по вопросам, выходящим за пределы третейского соглашения.

Если в решении третейского суда выводы по вопросам, которые охватываются третейским соглашением, могут быть отделены от тех, которые выходят за пределы третейского соглашения, то может быть отменена только та часть решения третейского суда, которая содержит выводы по вопросам, выходящим за пределы третейского соглашения;

4) состав третейского суда или третейское разбирательство не соответствовали требованиям законодательных актов о третейских судах, регламенту постоянно действующего третейского суда, третейскому соглашению;

5) имеются существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны одной из сторон на момент третейского разбирательства;

б) вступившим в законную силу приговором суда установлены заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, подложность документов либо вещественных доказательств, повлекшие за собой принятие незаконного или необоснованного решения третейского суда.

Суд по результатам рассмотрения заявления об отмене решения третейского суда выносит определение об отмене решения третейского суда или об отказе в отмене решения третейского суда [6].

В связи с вышеизложенным, хотелось бы отметить, что третейский суд является достойной альтернативой государственным судам в рассмотрении и разрешении гражданских споров.

Список использованных источников

1. Основные статистические показатели работы судов общей юрисдикции [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ – Дата доступа: 01.09.2020.

2. О третейских судах: Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://pravo.by/> – Дата доступа: 02.05.2020.

3. Дубовик, Э.Г. Третейское разбирательство в Республике Беларусь: становление и развитие / Эвелина Дубовик, Надежда Тарасюк // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2013. – № 7. – С. 89 – 94.

4. Реестр третейских судей и постоянно действующих третейских судов [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал. – Режим доступа: https://minjust.gov.by/directions/compare_coverage/registry_arbitrators/ – Дата доступа: 01.09.2020.

5. Каменков, В.С. Третейские судьи, кто они? / Виктор Каменков // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2013. – № 3. – С. 61 – 68.

6. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : закон Респ. Беларусь, 11 янв. 1999 г., № 238-3 // Консультант-Плюс: Беларусь. Технология Проф. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Иванова, Т.В. Правовой статус третейских судов в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Репозиторий БНТУ. – Режим доступа: <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/17681/Правовой%20статус%20третейских%20судов%20в%20Республике%20Беларусь.pdf?sequence=1&isAllowed=y> - Дата доступа: 01.09.2020.

The article examines the procedure for dealing with disputes in arbitration courts, the choice of judges to hear cases, the advantages and disadvantages of the arbitration form of protection, the comparative analysis of cases in the arbitration court and civil proceedings, the procedure for adjudication, the entry into law, the appeal against the decision of the arbitration court.

Е. А. Иванченко

канд. юрид. наук, доц.

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

К ВОПРОСУ О ВАЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПАЦИЕНТА МЕДИЦИНСКИМ РАБОТНИКОМ

В статье исследуются некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности медицинских работников за вред, причиненный ими здоровью пациентов в процессе осуществления профессиональной деятельности. Автор акцентирует внимание на повышенной профессиональной этике и профессионализме лица, принимающего решение о возбуждении уголовного дела в отношении медицинского работника, а также судебно-медицинского эксперта, оказывающего помощь при принятии данного процессуального решения. В публикации подчеркивается важность основной задачи, стоящей перед органами предварительного расследования, - дифференциация «неизбежного», обоснованного вреда от вреда, возникшего вследствие ненадлежащего выполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей.

Условия продолжающейся эпидемии несколько отдалили актуальность проблемы, которую автор хотела бы рассмотреть в данной публикации, выведя на передний план профессиональную самоотдачу, а в отдельных случаях и героизм медицинских работников, но законы любой эпидемии одинаковы – рано или поздно она исчезнет и в СМИ опять начнут появляться репортажи о фактах халатности, преступного безразличия или даже умышленного причинения вреда здоровью граждан, обратившихся за медицинской помощью. Данные публикации традиционно вызывают широкий общественный резонанс, в том числе и в среде юридического сообщества, поэтому на обсуждение широкой научной общественности автор выносит отдельные вопросы, касающиеся оснований привлечения медицинских работников к уголовной ответственности.

Сфера профессиональной медицины всегда была сопряжена с повышенным профессиональным риском, увеличивающимся прямо пропорционально практике внедрения в медицинскую деятельность новейших технологий, как результата достижений самых разных отраслей научного знания.

В медицинской практике нередки случаи применения агрессивных препаратов и методов лечения, которые наряду с успешно решенной частной задачей, предполагают сопутствующие негативные последствия для здоровья пациента, избежать которые полностью иногда не представляется возможным. Именно поэтому такое большое значение

придается разъяснительной работе врача, обязанного уведомить пациента о всех возможных последствиях применения того либо иного препарата или метода и получить его согласие, а в случаях, когда это по определенным причинам невозможно – подобное разъяснение дается законному представителю больного.

Сам процесс оказания медицинской помощи становится все более наукоемкой деятельностью, предполагающей владение врачом большим количеством профессиональных компетенций, это касается и применения методов медицинского вмешательства, и использования сложнейшей медицинской техники, и выбора методик для диагностирования заболевания. Такое усложнение процесса неминуемо расширяет область «допустимого вреда», сопровождающую медицинскую деятельность, как работу, связанную с повышенным профессиональным риском.

К сожалению, следует признать, что неблагоприятный исход или осложнения в некоторых областях медицины относятся к категории нормы, а в силах врача только минимизировать причиняемый вред и облегчить течение наступивших осложнений. В данном контексте считаем необходимым подчеркнуть, что первоочередной задачей органов предварительного расследования является дифференциация «неизбежного» вреда здоровью пациента вследствие примененного метода лечения от вреда, возникшего в результате ненадлежащего профессионального отношения к пациенту медицинским работником.

Подобные факты, особенно транслируемые в СМИ, неизбежно вызывают широкий общественный резонанс и повышенное социальное внимание к результату предварительного расследования, отчасти это объясняется особенным отношением в обществе к профессии врача, ее некоторая идеализация, отчасти - отсутствием специальных медицинских познаний, иногда – общим недоверием к деятельности правоохранительной системы, а чаще всего – откровенной спекуляцией отдельными представителями СМИ фактами неблагоприятного исхода при оказании медицинской помощи в целях повышения собственного рейтинга.

Расследование преступления, совершенного медицинским работником, требует высокого уровня профессионализма не только от самого следователя, но и от эксперта, на которого возлагается разрешение вопросов, связанных с использованием медицинских познаний. Благодаря профессиональной оценке судебно-медицинских экспертов основное количество случаев причинения вреда здоровью пациента теряет свою уголовно-правовую природу и не доходит до суда.

Согласно статистическим данным, которые приводит признанный авторитет в области российского уголовного права А.М. Багмет [1, с. 7.], из числа уголовных дел, возбужденных в отношении медицинских

работников вследствие ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей, до суда доходят в среднем лишь около 10 % уголовных дел.

В данной статье мы проанализируем некоторые проблемные аспекты привлечения медицинских работников к уголовной ответственности, как исследованные уже на страницах специальной литературы, так и сформулированные автором под влиянием актуальной медицинской и судебной практики. Так, нарушение стандартов оказания медицинской помощи исследовалось в работе С. Попеску [2, с. 97.], М.В. Морозов [3], О.М. Сариев [4], А.Ш. Гильфанова [5] и еще ряд авторов подвергли анализу категорию «профессиональная ошибка» и ее влияние на уголовную ответственность медицинского работника, А.М. Багмет [1], А.В. Кузнецова [6] и некоторые другие исследователи детально изучили проблемы расследования преступлений, совершенных врачами, и доказывание их виновности, А.Л. Абрамов в целом цикле своих публикаций исследовал обстоятельства оказания медицинской помощи, которые полностью исключают уголовную ответственность врача за причиненный вред жизни и здоровью пациента [7], комплексный анализ уголовной ответственности медицинских работников провели в своем фундаментальном труде А.Г. Кибальник и Я.В. Старостина [8], категория «профессиональный долг» подверглась детальному осмыслению в работе Е.Х. Баринаова, Д.В. Сундукова, П.О. Романовского, О.Л. Романовой и Е.Н. Черкалиной [9], а также еще ряд полемических вопросов о квалификации действий медицинских работников, криминализированных российским уголовным законом, исследовался на страницах научной литературы: проведение параллельно с плановой операцией незапланированного оперативного вмешательства по прерыванию беременности без согласования с пациенткой; убийство пациента путем бездействия по мотиву жалости; отказ в медицинской помощи; отдельные аспекты заражения ВИЧ-инфекцией в медицинском учреждении; использование в профессиональной деятельности экспериментальных методик, не апробированных в РФ в установленном законом порядке и ряд других.

В целом следует признать, что в научном сообществе отсутствует единство взглядов на правовую природу, основания и вопросы квалификации уголовной ответственности медицинских работников. Мнения исследователей полярно разнятся от предложений полного освобождения врачей от уголовной ответственности за причинение вреда в процессе профессиональной деятельности до предложений радикального усиления ответственности и введения в уголовное законодательство новых составов преступлений для медицинских работников и даже отдельной главы [10, с. 353.].

Проведенный анализ позволил сформулировать следующие авторские гипотезы, к обсуждению которых я приглашаю широкую научную общественность.

Во-первых, поступательное ежегодное увеличение числа возбужденных уголовных дел в отношении медицинских работников мы никак не связываем с так называемой «охотой на ведьм», упоминаемой в некоторых периодических источниках. Нет никакого социального заказа и особого повышенного внимания к правонарушениям, сопряженным с дефектами оказываемой врачебной помощи. Происходит естественный процесс усиления государственного контроля за всеми сферами жизнедеятельности общества, за оказанием услуг разного характера: образовательных, транспортных и т.д., в том числе и медицинских.

Расширение перечня медицинских протоколов, регламентов совершения определенных действий и их последовательности, инструкций об особенностях работы медицинского персонала в условиях той или иной ситуации выявило большое количество проблем в системе здравоохранения:

1. Несоответствие между образовательными подходами и реальной практической деятельностью медицинского работника, требующее концептуального переосмысления подготовки профессиональных кадров для медицинской сферы. Достаточно сказать, что практику работы на новейшем медицинском оборудовании, поступающем в рамках федеральных программ в лечебные учреждения, осуществляют лишь единичные образовательные организации высшего образования;

2. Несоответствие между нормативно-установленным регламентом действий медицинского работника и реально существующей нагрузкой на каждую штатную единицу учреждения здравоохранения.

Во-вторых, каждое совершенное правонарушение требует тщательного и деликатного подхода к его уголовно-правовой оценке органами предварительного расследования. Не смотря на установленную независимость и самостоятельность в производстве досудебного разбирательства, работа следователя немыслима без субъективной оценки еще двух субъектов – судебно-медицинского эксперта и самого медицинского работника, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Попытаемся пояснить свою позицию тем, что существенное влияние на квалификацию действий (бездействия) медицинского работника имеет в том числе его версия события, и профессиональный взгляд на происшествие.

Лечебный процесс – это всегда взаимодействие двух субъектов, один из которых должен оказывать профессиональную медицинскую помощь, а другой четко следовать рекомендациям и неукоснительно соблюдать

запреты, установленные врачом. Необходимо помнить, что негативные последствия иногда бывают обусловлены халатным отношением больного к своему здоровью, несоблюдением врачебных предписаний.

У медицинского работника со всей тщательностью выясняются объективные причины несоблюдения нормативных предписаний, это весьма кропотливая и многоэтапная работа, состоящая в изучении нормативного акта и сопоставлении его положений с характером, временем, последовательностью, фактом применения или неприменения соответствующего оборудования, объемом действий медицинского работника. Эти установленные фактические данные параллельно должны анализироваться в преломлении таких институтов уголовного права как крайняя необходимость и обоснованный риск.

В-третьих, течение одного заболевания у отдельных людей может существенно различаться по своей клинической картине и на это влияет огромное количество факторов (срок и форма течения заболевания, питание, возраст, условия среды проживания, принимаемые параллельно лекарственные препараты, сопутствующие заболевания, условия профессиональной деятельности пациента и т.д.), это является темой отдельного исследования, но в рамках данной статьи необходимо отметить, что в обязанность следователя также входит выяснение типичности или неординарности клинической картины течения заболевания. Неординарность клинических признаков в некоторых случаях может повлиять на форму вины субъекта преступления или объем назначаемого уголовного наказания.

Понимая всю степень профессиональной ответственности, которая возложена на плечи медицинских работников, особенно в такой час испытания всей национальной системы здравоохранения, хочется пожелать правоохранителям осуществлять объективное и всестороннее разбирательство происшествий, связанных с дефектом оказания медицинской помощи, на высоком профессиональном уровне.

Список использованных источников

1. Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2018 года) / под общ. ред. А. М. Багмета. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. – 288 с.

2. Попеску С. Стандарты оказания медицинской помощи как критерии допустимости уголовной ответственности медицинских работников // Закон и право. – 2008. – № 12. – С. 96–98.

3. Морозов М. В. Профессиональная ошибка медицинского или фармацевтического работника как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность // Бизнес в законе. – 2008. – № 3. – С. 76 – 78.

4. Сариев О. М. Врачебные ошибки и их влияние на определение основания и пределов уголовной ответственности медицинских работников // Вестник СевКавГТИ. – 2014. – № 17. – С. 108–112.

5. Гильфанова А. Ш. Уголовная ответственность медицинских работников за врачебные ошибки // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 14. – С. 174–177.

6. Кузнецова А. В. Проблемы привлечения к уголовной ответственности медицинских работников и расследования таких уголовных дел // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2011. – № 4 (13). – С. 85–89.

7. Абрамов А. Л. Обстоятельства, исключающую уголовную ответственность медицинских работников, в уголовном законодательстве зарубежных стран // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2015. – № 2 (10). – С. 168–177.

8. Кибальник А. Г., Старостина Я. В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников. Монография / А. Г. Кибальник, Я. В. Старостина. – Москва, 2006. – 91 с.

9. Баринов Е. Х., Сундуков Д. В., Ромодановский П. О., Романова О. Л., Черкалина Е. Н. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением медицинскими работниками профессионального долга. – Москва, 2020. – 88 с.

10. Епифанова Е. В. Социальная обусловленность внесения в Уголовный кодекс отдельных статей об уголовной ответственности работников системы здравоохранения в силу повышенной общественной опасности деяний, совершаемых в медицинской сфере // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 11. – С. 351–353.

The article examines some problems of bringing medical workers to criminal responsibility for the harm they caused to the health of patients in the course of their professional activities. The author focuses on the increased professional ethics and professionalism of the person who makes the decision to initiate a criminal case against a medical worker, as well as the forensic medical expert who provides assistance in making this procedural decision. The publication emphasizes the importance of the main task facing the preliminary investigation authorities - differentiation of "unavoidable", justified harm from harm resulting from improper performance of professional duties by a medical professional.

Л. Д. Иванчикова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются проблемы реализации административной ответственности родителей за невыполнение ими обязанностей по их воспитанию детей, а также анализируется административно-правовой статус родителей, как законных представителей несовершеннолетних в административно-деликтных отношениях.

Современное состояние административно-деликтного законодательства Республики Беларусь свидетельствует о необходимости повышения предупредительной роли административной ответственности родителей за поведение, оказывающее непосредственное отрицательное влияние на несовершеннолетних, и в тех случаях, когда уже нарушены права и интересы несовершеннолетнего, и когда это еще не привело к серьезным нарушениям правопорядка подростками, но создает реальную возможность их антиобщественного поведения.

Легкомысленное либо безразличное отношение родителей и лиц, их заменяющих, к поведению детей, отсутствие должного контроля, оставление несовершеннолетних без присмотра, антиобщественный образ жизни членов семьи, являются одной из причин совершения правонарушений и преступлений несовершеннолетними. Следует обратить внимание, что принудить ребенка к исполнению своих обязанностей в семье с помощью закона невозможно и все зависит лишь от его воспитания. В Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989г., закреплено, что за процесс воспитания в ответе родители, которые обязаны защищать права и законные интересы детей. Однако нередко права ребенка нарушаются самими родителями. Следовательно, лица, осуществляющие родительские права в ущерб правам и законным интересам несовершеннолетних, должны нести в установленном порядке ответственность.

Анализ статистических данных свидетельствует о снижении почти в 3 раза числа родителей, привлеченных к административной ответственности по ст. 9.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) за невыполнение обязанностей по воспитанию детей (2015г. – 9 473, 2019г. – 2 866).

Однако, несмотря на снижение показателей по привлечению родителей к административной ответственности, судебная практика

указывает на незначительное снижение числа родителей лишенных родительских прав по причине неисполнения ими обязанностей по воспитанию и содержанию детей 2015г. – 2 908, 2019г. – 2674).

Поскольку лишение родительских прав является крайней мерой, направленной на защиту интересов детей, законодатель закрепляет возможность привлечения к административной ответственности родителей за неисполнение ими своих родительских обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних.

В современных условиях институт административной ответственности родителей выступает важным инструментом в механизме обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних, поскольку сохраняет право на проживание ребенка в семье, являясь одновременно действенной мерой профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Как свидетельствует анализ правоприменительной практики, снижение абсолютных показателей по ст. 9.4 КоАП связан с прекращением дел об административных правонарушениях, в связи с недоказанностью виновности лица, в отношении которого ведется административный процесс. Во многом такая ситуация сложилась из-за недостаточности правового регулирования административной ответственности родителей, в связи с чем необходимо проанализировать действующее законодательство, практику привлечения родителей к административной ответственности с целью совершенствования административного законодательства.

На наш взгляд, административную ответственность несовершеннолетних и родителей необходимо рассматриваться комплексно, поскольку за совершенные несовершеннолетними правонарушения административные взыскания могут быть наложены на родителей и лиц, их заменяющих.

Объектом рассматриваемого административного правонарушения являются общественные отношения, направленные на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. С объективной стороны правонарушение по ст.9.4 КоАП заключается в действии или бездействии родителей, что повлекло совершение несовершеннолетним правонарушения, при этом законодатель в диспозиции указанной нормы не уточнил, что относится к признакам неисполнения родительских обязанностей, характерных для данного правонарушения. При этом каких-либо судебных комментариев относительно ст. 9.4 КоАП не имеется. Более того, в доктринальном толковании также отмечается отсутствие единого понимания вопроса о признаках невыполнения родительских обязанностей, что вызывает трудности у правоприменителя при привлечении родителей к административной ответственности.

Приведем пример. Несовершеннолетний распивал спиртные напитки, в месте не предназначенном для распития спиртных напитков, чем совершил административное правонарушение по ст.17.3 КоАП, однако на момент совершения правонарушения не достиг возраста административной ответственности.

Согласно ст. 9.4 КоАП административная ответственность родителей за ненадлежащее воспитание детей предусмотрена только по факту совершения несовершеннолетним таких правонарушений, за которые он не несет юридической ответственности. При подготовке материалов дела об административном правонарушении по ст. 9.4 КоАП сотрудники органов внутренних дел часто сталкиваются с непониманием родителей, поскольку многие считают, что они добросовестно исполняют свои родительские обязанности, но ребенок игнорирует их требования, таким образом, они не видят оснований для привлечения их к административной ответственности.

Для уяснения содержания объективной стороны административного правонарушения по ст. 9.4 КоАП необходимо дать толкование понятия бездействия. Бездействие – это осознанное, волевое, пассивное поведение при наличии возможности и обязанности действовать определенным образом. При этом бездействие, как и действие – это юридическая норма, а не физическая категория. В указанном плане одним из важных является вопрос о фактическом основании административной ответственности родителей, предусмотренной в связи с нарушениями правопорядка несовершеннолетними. Так, согласно действующему законодательству административная ответственность родителей непосредственно связана с административным правонарушением ребенка. В данном случае основанием административной ответственности является фактический состав. Под фактическим (юридическим) составом следует понимать определенную совокупность жизненных факторов (необходимых элементов фактического состава), каждый из которых имеет юридическую значимость для наступления последствий, предусмотренных конкретной правовой нормой, но которые могут вызвать эти юридические последствия в совокупности. Именно из подобных фактов складывается правонарушение, являющееся основанием административной ответственности родителей.

В отличие от административных правонарушений – юридических фактов, представляющих собой одно деяние, включающее объективные и субъективные элементы состава правонарушения, административное правонарушение как фактический (юридический) состав складывается из двух самостоятельных деяний различных субъектов. Каждый из них содержит определенные объективные и субъективные элементы, совокупность которых придает ему юридическую значимость в фактическом составе. Между фактами должна существовать необходимая причинно-следственная связь.

Поэтому правонарушения подростков являются одновременно и основанием для применения административной ответственности к родителям за нарушения обязанностей по воспитанию и надзору за ними, которые повлекли совершение их детьми противоправных действий. В связи с этим, родители несут ответственность за правонарушения несовершеннолетних, при условии, если эти правонарушения находились в причинной связи с виновным поведением родителей.

Необходимо признать имеющими юридическую значимость для наступления административной ответственности родителей такие факты как их собственное аморальное, антиобщественное поведение, оказывающее вредное воздействие на детей, жестокое обращение с детьми, отсутствие надзора. При квалификации деяния следует помнить, что правовая обязанность родителей включает волевой элемент, т.е. они обязаны действовать в интересах несовершеннолетних, и имели возможность совершать эти действия. Наличие признаков и элементов состава правонарушения, заключающегося в неисполнении родителями обязанностей по воспитанию детей, является правовым основанием для привлечения их к ответственности. Уяснение этих признаков и правильное применение нормы способствуют соблюдению принципов законности и презумпции невиновности.

Говоря об административной ответственности родителей, следует затронуть и такую актуальную тему, как административно-правовой статус родителей. Особенности правонарушения, являющегося основанием административной ответственности родителей, должны учитываться процессуальными нормами, рассчитанными на регламентацию при рассмотрении дела по ст.9.4 КоАП, поскольку по таким делам ущемляются права и законные интересы ребенка и, как следствие несовершеннолетний признается потерпевшим. Административно-процессуальные нормы, определяющие правовой статус родителей, которые являются законными представителями своих детей, имеют свою специфику. С одной стороны, являясь законными представителями несовершеннолетних, они призваны защищать их права. Вместе с тем они сами могут быть привлечены к административной ответственности в связи с правонарушениями детей и поэтому могут иметь свои специфические интересы.

Так, при рассмотрении дела об административном правонарушении по ст. 9.4 КоАП обязательно участие самого несовершеннолетнего и его законного представителя. Родитель как субъект административной ответственности должен признаваться и в качестве лица, в отношении которого ведется административный процесс, и лицом, выступающим в качестве защитника несовершеннолетнего, с вытекающим из этого объемом процессуальных прав.

Однако процессуальные нормы не учитывают особое положение родителей как участников административного процесса. Таким образом, одной из проблем в реализации административной ответственности является двойственность правового положения родителей.

В заключение необходимо отметить, что анализируя действующее законодательство, регулирующее вопросы административной ответственности родителей, следует отметить, что совершенствование данного института позволит защитить права несовершеннолетних и государства в реализации такой задачи, как воспитание здорового, полноценного молодого поколения и профилактика правонарушений несовершеннолетних.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Республики 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // Консультант плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Ветошкин, Д. С. Правовые проблемы привлечения родителей несовершеннолетних к административной ответственности / Д. С. Ветошкин // Вестник Южно – Уральского государственного университета. Серия «Право». 2012. – № 20 (279). – С. 78–80.

3. Рябцев, Л. М. Административные правонарушения несовершеннолетних. Ответственность за их совершение : пособие / Л. М. Рябцев. – Минск : Амалфея, 2018. – 204 с.

The article discusses the problems of implementing the administrative responsibility of parents for failure to fulfill their obligations to raise their children, and analyzes the administrative and legal status of parents as legal representatives of minors in administrative-tort relations.

УДК 342.922

И. И. Казьянин

ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»

ПОощРЕНИЕ КАК ОСНОВНОЙ ВИД СТИМУЛИРОВАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

Статья раскрывает виды поощрений, которые используется государством в целях стимулирования военной службы, а также выделен наиболее значимый вид стимулирования –

поощрение. Рассмотрен перечень поощрений применяемых военнослужащими начальствующего состава к подчиненным, а также рассмотрен порядок применения поощрений и сделано предложение по активизированию военнослужащих как субъектов правоотношений.

Создание вооруженных сил в каком либо государстве непосредственно связано с их основным предназначением: защитой интересов государства на политическом пространстве и интересов общества, территориальной целостности и независимости страны. Эволюция вооружённых сил непосредственно взаимосвязано с социально-экономическим развитием государства.

В соответствии со ст. 1 Конституции Республика Беларусь в настоящее время является унитарным демократическим социальным правовым государством. В связи с чем, ее безопасность обеспечивают Вооруженные Силы Республики Беларусь.

Так как Вооружённые Силы Республики Беларусь (далее – ВС) являются главной вооружённой организацией государства, то ее деятельность организует и контролирует непосредственно государство. Учитывая тот факт, что Республика Беларусь является правовым государством, то и ВС осуществляют свою деятельность на основании определенных нормативных правовых актов.

Основными документами, регламентирующими службу в ВС, являются Уставы Вооруженных Сил Республики Беларусь, среди которых Дисциплинарный устав (далее – ДУ) определяет ответственность за нарушение воинской дисциплины, виды дисциплинарных взысканий, права и обязанности командиров и начальников по наложению взысканий, оснований привлечения к ответственности нарушителей дисциплины, порядок обжалования дисциплинарных взысканий и виды поощрений военнослужащих.

Анализируя законодательство, регламентирующее военную службу в Республике Беларусь, автор считает необходимым классифицировать способы стимулирования военнослужащих по видам.

Итак, следующими видами стимулирования автор считает определить:

1. социальные льготы и гарантии для военнослужащих;
2. приобретение специального административно-правового статуса – военнослужащий, который позволяет в административном процессе применять меры различны по отношению к обычным гражданам;
3. пенсионное обеспечение военнослужащих;
4. обязательное страхование жизни и здоровья военнослужащих при исполнении обязанностей военной службы;

5. поощрение военнослужащих при исполнении служебных обязанностей и воинского долга.

Данный перечень далеко не исчерпывающий, и он может дополняться в процессе исследования института стимулирования военнослужащих.

Но, тем не менее, основным видом активизации военнослужащего в процессе службы на основании ст. 13 ДУ является поощрение, которое представляет собой важное средство укрепления воинской дисциплины и правопорядка, стимулирования добросовестного исполнения военнослужащими своего воинского долга. Тем самым, поощрение представляет собой единый и основной способ воздействия на военнослужащего, заставляя его на подсознательном уровне стремиться быть замеченным, а за успехи в службе вознагражденным. Кроме того, поощрение играет и воспитательную роль, заставляя других военнослужащих ориентироваться на поощренного делая его тем самым примером для всех остальных. В результате применения поощрения авторитет военнослужащего значительно увеличивается и, таким образом, реализовывается потребность военнослужащего в признании, а также появляется благодарность к начальнику или командованию.

В отличие от поощрений работников, виды которых определяются в соответствии со ст. 196 ТК коллективным договором, соглашением или правилами внутреннего трудового распорядка, а также уставами и положениями о дисциплине, поощрения военнослужащих определяются ст. 16 ДУ и являются:

снятие ранее наложенного дисциплинарного взыскания;

объявление благодарности;

разрешение на увольнение из расположения воинской части военнослужащим срочной военной службы, в том числе с выездом за пределы гарнизона, на срок до трех суток;

сообщение родителям (лицам, на воспитании которых находился военнослужащий) или по месту прежней работы (учебы, жительства) об образцовом исполнении воинского долга и полученных поощрениях;

увеличение военнослужащим срочной военной службы продолжительности отпуска за весь период военной службы на срок до десяти суток;

награждение грамотой, ценным подарком или деньгами;

награждение личной фотографией военнослужащего, снятого при развернутом Боевом Знамени воинской части;

присвоение военнослужащим, имеющим воинское звание «рядовой», воинского звания «ефрейтор»;

присвоение военнослужащим, имеющим воинские звания «сержант», «старший сержант», очередного воинского звания на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного согласно занимаемой штатной воинской должности;

занесение фамилии военнослужащего в Книгу почета воинской части.

Указанный перечень поощрений в ст. 16 ДУ не является исчерпывающим, поскольку иные виды поощрений применяются непосредственно к различным категориям военнослужащих. Следствием вышеизложенного является ст. 22 ДУ, согласно которой к офицерам применяется поощрение в виде досрочного присвоения очередного воинского звания, кроме того старших офицеров, помимо вышеуказанного поощрения, можно наградить за весь период службы именованным оружием.

Тем самым, анализируя виды поощрений военнослужащих целесообразно сделать вывод о том, что они будут существенно отличаться от поощрений работников, что непосредственно связано со спецификой военной службы.

В отношении порядка применения поощрения к военнослужащему, то оно может применяться непосредственно к одному военнослужащему или к группе лиц. Кроме того в ст. 13 ДУ предусмотрена обязанность непосредственного начальника применять поощрения по отношению к своим подчиненным за разумную инициативу, усердие и отличие по службе, а также подвиги.

При реализации одного из видов поощрения, командир подразделения обязан руководствоваться ст. 38 ДУ и объявлять его перед строем военнослужащих подразделения либо на служебном совещании, а также в приказе или лично. Кроме того, вручение государственных наград осуществляется в торжественной обстановке, как правило, при проведении концерта или торжественного построения. Вручение государственных наград должен осуществлять руководитель в должности не ниже командира части. Данное правило законодательством не установлено, но применяется командованием во всех воинских формированиях.

А само примененное поощрение заносится в служебную карточку военнослужащего и визируется командиром подразделения. При осуществлении записи поощрения в служебную карточку вносятся следующие данные: формулировка поощрения, дата его применения, вид поощрения и номер приказа, а также должность поощрившего. Тем самым служебная карточка военнослужащего является информационным сообщением, которое показывает дисциплинарную историю за весь период службы военнослужащего. Особенностью при ведении служебных карточек заключается в том, что при переводе в другую воинскую часть на военнослужащего заводится новая служебная карточка.

Но между тем, анализируя порядок применения поощрений военнослужащих, автор обнаружил коллизию в ДУ, а в частности согласно ч.3 ст. 25 ДУ командир (начальник), представивший военнослужащего к поощрению вышестоящему начальнику, имеет право на поощрение военнослужащего своей властью, когда представление осталось нереализованным. То есть командир может поощрить своего подчиненного, если старший начальник считает поступок военнослужащего не достаточным для применения поощрения от его имени. Но в случае, когда военнослужащий имеет не снятое дисциплинарное взыскание от вышестоящего командира, которое может снять только тот начальник, который его наложил, то нижестоящий начальник в силу ч. 1 ст. 26 ДУ не может воспользоваться своим правом на применение поощрения к подчиненному указанного в ст. 25 ДУ. Таким образом, право на поощрение нижестоящим начальником остается не реализованным, а статья ДУ неприменима.

Как известно, дисциплинарное взыскание применяется к военнослужащему за разовое нарушение воинской дисциплины, то есть проступок носит эпизодический характер, а снять его имеет право только тот начальник, который его наложил. В связи с этим дальнейшие заслуги военнослужащего перед нижестоящим командиром (начальником) могут оставаться не замеченными и не подлежать поощрению в связи с имеющимся наложенным взысканием.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами автор считает, что в положения ДУ, а в частности в стст. 25 и 26 необходимо внести изменения и активизировать реализацию права нижестоящего начальника (командира) на поощрение военнослужащего вне зависимости от наличия дисциплинарного взыскания. Таким образом, автор предлагает ч. 3 ст. 25 ДУ дополнить следующим содержанием: «Командир (начальник) может поощрить военнослужащего объявлением благодарности, вне зависимости от наличия у подчиненного неснятого дисциплинарного взыскания от прямого начальника».

Тем самым, указанное выше изменение поможет реализовать право непосредственного начальника (командира) указанное в ч. 3 ст. 25 ДУ, а также показать прогресс исправления военнослужащего. В виду отсутствия в ВС накопительной бонусной системы и системы учета добросовестных поступков военнослужащих, вышеуказанное изменение позволит анализировать динамику исправления военнослужащего, а соответственно в дальнейшем аргументировано представить военнослужащего старшему начальнику для снятия ранее наложенного дисциплинарного взыскания.

Таким образом, поощрения, применяемые к военнослужащим различны по своему составу и значимости. Для каждой категории военнослужащих различают различные поощрения, но каждое из них направлено на стимулирование добросовестного исполнения обязанностей военной службы и надлежащего поведения. Но порядок применения поощрений в настоящее время требует переосмысления и внесения определенных корректировок, которые помогут более объективно оценивать деятельность каждого военнослужащего, а соответственно и создать условия для реализации нижестоящим командиром (начальником) своего права на поощрение военнослужащего, если тот считает необходимым поощрить своего подчиненного вне зависимости от воли старшего начальника и наличия неснятых дисциплинарных взысканий. Данное изменение позволит повысить уровень морально психологического состояния военнослужащего и будет стимулировать военнослужащего продолжать исполнять обязанности военной службы на высоком уровне. А непосредственному начальнику позволит показать динамику исправления военнослужащего, что в дальнейшем даст возможность аргументировано ходатайствовать перед вышестоящим командованием о снятии с военнослужащего ранее наложенного дисциплинарного взыскания.

Список использованных источников

1. Бердычевский, В. С. Трудовое право: учеб. пособие / В. С. Бердычевский. – Ростов н/Д : Феникс, 2002. – 512 с.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996г. и 17 окт. 2004г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.3. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Республики Беларусь», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Республики Беларусь») [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 26 июня 2001г., № 355: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 4 сент. 2014г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 26 июля 1999г., № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2019г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

5. Тюрин, А. И. Стимулирование исполнения обязанностей военной службы: практические рекомендации для командиров и начальников / А. И. Тюрин. – Москва: «За права военнослужащих», 2008. – 208 с.

The article reveals the types of incentives that are used by the state to encourage military service, and also highlights the most significant type of incentive – encouragement. Reviewed list of incentives used by military personnel officers to subordinates, as well as the application of incentives and a proposal to activate military personnel ka of legal entities.

УДК 327.7

А. Г. Караткевич

д-р полит. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

РЕИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СНГ

В статье анализируются проблемы активизации интеграционных процессов в постсоветском регионе. Заостряется внимание, что в 1990-х гг. ярко обозначились два противоречивых политических вектора развития постсоветских государств: прозападный – глобализационный и интеграционный – СНГ, Союзное государство Беларуси и России, ЕвразЭС, ОДКБ и др. Анализируются различные понятия (глобализация, интеграция, дезинтеграция, реинтеграция, трансформация) и дается их собственная трактовка. Автор выделяет принципы осуществления интеграционных процессов. Подчеркивается, что в XXI в. четко обозначились три мировые системы – США, Китай и объединенная Европа. В связи с чем, наилучшим выходом для постсоветских государств, да и не только являлось бы создание четвертого собственного рынка – рынка общей сферы не только экономического, но и политического сотрудничества. В этом случае интеграция в какой-то мере выступила противовесом глобализации. Однако существуют факторы, способствующие развитию дезинтеграционных процессов. Вместе с тем существуют и реинтеграционные факторы, определяющие развитие постсоветского пространства. В заключении констатируется, что реинтеграция – не самоцель, главная цель – создание в постсоветском регионе своего крупного рынка с высоким уровнем самообеспеченности и самодостаточности.

В 1990-е гг. Россия не определяла тип политического развития других стран СНГ, тем не менее векторная направленность движения, конституционные параметры, политические институты во многих постсоветских государствах формировались не без российского идейного влияния. В это время ярко обозначились два противоречивых политических вектора развития постсоветских государств: 1) прозападный – глобализационный; 2) интеграционный – СНГ, Союзное государство Беларуси и России, ЕвразЭС, ОДКБ и др. Первый – прозападный политических курс трансформации государства и общества исходил из

общей геополитической идеи, что постсоветские государства являются частью Запада, поэтому неизбежно должны ориентироваться на его модель развития. Вторым вариантом реформ в своей геополитической составляющей ориентировался на так называемое «ближнее зарубежье». Речь шла о восстановлении прежних не только экономических, но и политических связей. С середины 1990-х годов геополитическая конкуренция за влияние на постсоветские государства между Западом и Россией стремительно возрастала. Достаточно быстро прозападные геополитические установки были восприняты прибалтийскими республиками, Украиной, Грузией.

Поэтому, чтобы понять сущность обозначенных противоречий, необходимо рассматривать некоторые теоретические положения и составляющие этих противоположностей – глобализацию и интеграцию. Любое из которых в определенной мере связано с озабоченностью постсоветских государств своим геополитическим статусом в международных отношениях. Понятие «интеграция» появилось в политическом словаре сравнительно недавно, в первой половине XX столетия. Применялось оно в сфере анализа общественных отношений, авторы имели в виду объединения государств в некую социально-политическую общность. Позже произошел перенос термина «интеграция» в другие сферы политической, экономической и культурной жизни общества. Сегодня выделяют: политическую интеграцию, социальную интеграцию, экономическую интеграцию, финансовую интеграцию, культурную интеграцию, научную и образовательную интеграцию и др. Вместе с тем, двигателем интеграционных процессов считается политическая составляющая. Интеграционные процессы проявляются в большом количестве моделей объединения, поэтому в научной литературе мы не встретим двух одинаковых определений термина «интеграция». В «Большом энциклопедическом словаре» интеграция (лат. integer - целое) трактуется как восполнение, восстановление (понятие, означающее состояние связанности отдельных частей и их функций в целое) [2].

В экономическом смысле интеграцию представляют как комплекс организационных форм развитого сотрудничества (где сотрудничество - это совместная, связанная деятельность) предприятий и организаций различных сфер, отраслей и видов деятельности [3]. Исследователи проблем международной интеграции считают, что в экономическом плане – это объективный, осознанный (т.е. добровольный) и направляемый процесс сближения, взаимоприспособления и сращивания национальных хозяйственных систем, обладающих потенциалом саморегулирования и саморазвития [5].

Несмотря на внешние различия приведенных выше определений, каждое из них имеет понятие «связь». Именно интеграционные функции

проявляются в установлении связей между ранее разрозненными элементами интегрирующихся единиц. Таким образом, интеграция – это процесс, означающий состояние связанности отдельных элементов системы в единое целое.

Учитывая вышеперечисленные признаки, будем считать, что в политическом, экономическом, культурном и международном планах интеграция – это добровольное объединение двух или более ранее самостоятельных субъектов путем установления между ними различных типов и форм связей, оговоренных посредством заключения правовых актов, с целью реализации эффективного совместного сотрудничества во благо каждого из объединяемых субъектов.

Уточнение сущности процесса интеграции значимо в понимании особенностей ее проведения. Особенно ценно, по нашему мнению, выделение принципов осуществления интеграционных процессов, так как процесс, проведенный без учета основных правил, может, как минимум, иметь собственный отрицательный результат, а, как максимум, быть вредным для всех интеграционных систем. Процесс интеграции, как и любой общественный процесс, должен строиться на основных правилах, признаваемых такими в силу того, что они устойчиво повторяются в массе случаев. Исходя из этого, выделим основные принципы интеграции:

- принцип политической и экономической целесообразности и научной обоснованности создания новой объединенной структуры. Данный принцип означает, что при формировании интегрированного объединения необходима предварительная работа по определению будущего эффекта такого объединения, строящаяся на использовании научных подходов оценки;

- принцип социальной направленности деятельности новой объединенной структуры. Данный принцип подразумевает, что структура при реализации собственных целей должна одновременно участвовать в реализации социальных программ, содействуя решению проблем занятости и увеличения доходов населения;

- принцип демократии вхождения субъекта в новую объединенную структуру означает, что коллективная деятельность объединяющихся субъектов должна обеспечиваться определенными правами всех участников. Формирование интегрированных систем требует выполнения условий, которые в первую очередь определяются необходимостью достижения интегрирующихся целей [7, с. 3–6].

Такой подход позволяет отнести объединение, имеющее указанные признаки, именно к интеграционному, и никакому другому. Основным отличием данного подхода является ударение на добровольность совершения процесса объединения, поэтому не следует отождествлять

понятия «интеграция» и «глобализация» – это две противоположности, т.к. глобализация использует в своей основе другие принципы. Действительно, как считает ряд исследователей, в конце XX в. четко обозначились три мировые системы – США, Китай и объединенная Европа [1, с. 158].

Сегодня вырисовываются три глобальных полюса-региона, причем не только экономических, но и политических: Западноевропейский, охватывающий своими границами почти 400 млн человек; Североамериканский (США, Канада) – 400 млн человек; Тихоокеанский – со стремительно развивающимся Китаем – конечно, значительно более многонаселенный.

Постсоветские государства, страны Центральной и Восточной Европы насчитывают также почти 400 млн человек. Поэтому наилучшим выходом для них являлось бы создание четвертого собственного рынка – рынка общей сферы не только экономического, но и политического сотрудничества. В этом случае интеграция в какой-то мере выступила противовесом глобализации [4, с. 135].

Однако этот вариант при реализации столкнулся с рядом сложностей: всплески сепаратизма и открытое противодействие Запада восстановлению интеграционной роли России над трансформирующимся пространством. Поэтому сегодня можно уверенно говорить о необходимости реинтеграции. Следует не путать понятия – реинтеграция и дезинтеграция, так как это две противоположности, два полюса. Поэтому мы будем понимать реинтеграцию (лат. *re* – повторное действие и *integratio* – восстановление, восполнение), как ускорение и совершенствование.

В этом контексте для реинтеграции постсоветских государств принципиальное значение имеет то, что совершенствование регионального интеграционного объединения (СНГ) осложнено развитием и взаимодействием в нем двух глобальных процессов: дезинтеграционного и реинтеграционного.

К факторам, способствующим развитию дезинтеграционных процессов, многие исследователи относят: разнородность государств СНГ с точки зрения их исторических и географических условий развития, различия в уровне развития рыночной экономики; глубокий кризис во всех сферах общественной жизни стран СНГ – экономике, политике, идеологии, международных отношениях, несовершенство системы экономических взаимоотношений, рассогласование экономической политики, отсутствие в ряде случаев обязательных для исполнения государствами-участниками совместных программ проведения экономических реформ; несовершенство законодательств стран СНГ, их несогласованность, не дающая возможности разработки механизмов сдерживания, локализации и погашения конфликтов

разного типа; существенные отличия политического устройства, межпартийная и внутрипартийная борьба; распространенность в массовом сознании сепаратистских настроений, провоцируемых и используемых партиями и элитами, негативно относящимися к идее интеграции.

К реинтеграционным факторам, определяющим развитие постсоветского пространства, отнесем: опыт длительного многовекового совместного существования, традиции совместной деятельности народов в своей истории; высокая степень этническое разнообразие населения и объединительные настроения в массовом сознании; зависимость экономического и технологического пространства, достигшего высокой степени специализации в советский период, сохранение наработанного потенциала технологических связей; невозможность без согласованного подхода, силами одного государства решения ряда внутренних проблем: обеспечение территориальной целостности и безопасности, охрана границ; обеспечение экологической безопасности; сохранение единого культурно-образовательного пространства, сложности в решении проблем, связанных с трудностями выхода на мировой рынок в одиночку, в то же время возможности создания собственного рынка [6, с. 125–126].

Однако, сегодня в рамках Содружества существуют определенные проблемы. В ряде стран СНГ начали разрушаться условия сбалансированности во взаимной торговле. В результате хозяйственные взаимоотношения для государств Содружества стали иметь меньшую значимость, чем взаимосвязь со странами дальнего зарубежья. Эти обстоятельства побуждают некоторых лидеров государств Содружества искать пути для консолидации и совместного решения назревших вопросов.

В этих условиях основная проблема, это нахождение нового типа Содружества, имеющего федеративные в сочетании с конфедеративными признаки при сохранении политической независимости, суверенитета и государственности каждого из государств. Как вариант предлагаем сохранение действующих структур СНГ. Однако, в этом случае эффективность Содружества (возникших в его структурах институтов) может быть повышена за счет: практического применения предусмотренного международным правом и Уставом СНГ механизма ответственности членом содружества за неисполнение договоров и соглашений; поддержки деловых инициатив и инновационных проектов; актуализации содержания работы структур СНГ. Возможны и другие варианты. Например, придать институтам СНГ наднациональный характер. Создать Генеральную Ассамблею, решения которой будут обязательны для исполнения всеми государствами членами. Однако данная проблема требует дополнительных исследований.

Таким образом, подчеркивая необходимость интеграции и в рамках СНГ и др. интеграционных структур, хотелось бы заметить, что реинтеграция – это не самоцель, главная цель, к которой подталкивают наши национальные экономические системы – это создание крупного рынка с высоким уровнем самообеспеченности и самодостаточности и обеспечения на этой основе устойчивого экономического и социально – политического развития.

Список использованных источников

1. Альтернативы российской модернизации, или реставрация мэйджи по-русски // Полис. 2009. – № 5. – С. 158.
2. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М., 1991. Т. 1.
3. Гатаулин, А. М. Экономическая теория: микро- и макроэкономика. – М., 2004.
4. Идеология и политика глобализации: влияние на процесс строительства Союзного государства / Беларусь – Россия – Китай: к новой парадигме истории. Сб. науч. трудов. – Мн., – 2003. – С. 135.
5. Международные экономические отношения / В. Е. Рыбалкин, Ю. А. Щербанин, Л. В. Балдин и др. – М., 2003.
6. Сокович, В. А. Объективный характер интеграционных процессов в современном мире / К 10-летию образования СНГ: итоги и перспективы. – Мн., 2002. С. 125–126.
7. Сорокина, И. О. Теоретические основы понятия «интеграция» и принципы ее осуществления // Менеджмент в России и за рубежом. – 2008. – № 2. С. 3–6.

The article analyzes the problems of activation of integration processes in the post-Soviet region. It is pointed out that in the 1990s. two contradictory political vectors of the development of post-Soviet states were clearly identified: pro-Western - globalization and integration - CIS, the Union State of Belarus and Russia, EvraAZES, CSTO, etc. Various concepts are analysed (globalization, integration, disintegration, reintegration, transformation) and their own interpretation is given. The author highlights the principles of integration processes. It is emphasized that in the XXI century. three world systems were clearly identified - the USA, China and a united Europe. In this regard, the best way out for the post-Soviet states, and not only would be the creation of a fourth own market - a market in the general sphere of not only economic, but also political cooperation. In this case, integration has somewhat counterbalanced globalization. However, there are factors contributing to the development of disintegration processes. At the same time, there are also reintegration factors that determine the development of the post-Soviet space. In conclusion, it is stated that reintegration is not an end in itself, the main goal is to create its large market in the post-Soviet region with a high level of self-sufficiency and self-sufficiency.

Е. А. Ковалёва

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

УСЛОВИЯ ТРУДА МИГРАНТОВ

В статье проводится анализ международных норм, законодательства об охране труда и законодательства о миграции об условиях труда трудящихся-иммигрантов на территории Республики Беларусь. Анализируются условия, которые должны содержаться в трудовых договорах с иностранными работниками, здоровые и безопасные условия труда. В результате проведена классификация условий труда мигрантов, сделаны выводы и предложены отдельные пути совершенствования нормативных правовых актов.

Заключая трудовой договор, стороны договариваются о выполнении трудовой функции на определенных условиях, которые часто называют условиями труда.

В научной литературе и законодательстве условия труда работников рассматриваются в широком смысле. К ним относят условия как закрепленные в трудовом договоре, так и отсутствующие в нем.

Рассматривая труд мигрантов, содержание понятия «условия труда» еще больше расширяется и включает не только трудовые, но и иные социально-экономические права.

В основополагающих конвенциях МОТ о труде мигрантов в большей степени нормы об условиях их труда закреплены в Конвенции № 97 О правах мигрантов 1939 г., пересмотренная в 1949 г. (далее – Конвенция 97). Согласно ст. 6 указанного акта государства обязуются создавать иммигрантам, законно пребывающим на его территории, такие же условия труда и пребывания, которыми пользуются его собственные граждане, без дискриминации по признаку национальности, расы, религии или пола. Основными из них являются:

1) условия трудового договора, включая заработную плату и пособия в случаях, когда эти пособия составляют часть заработной платы; рабочее время; сверхурочные работы; оплачиваемые отпуска; ограничения надомного труда; возраст приема на работу; ученичество и профессиональное обучение; охрану труда женщин и подростков;

2) членство в профессиональных союзах и возможность пользоваться преимуществами, предоставляемыми коллективными договорами;

3) жилищные условия;

4) социальное обеспечение, расследование несчастных случаев на производстве, охрана материнства, трудоспособности, инвалидности, старости, смерти, безработицы и семейных обязанностей, а также другие

условия социального обеспечения по законодательству страны пребывания. Причем Конвенция допускает, что между государствами могут существовать и особые соглашения по этим вопросам;

5) налоги, сборы или взносы, уплачиваемые за трудящегося;

6) гарантии защиты нарушенных прав в суде.

На основании ст. 8 Конвенции 97 трудящийся-мигрант, постоянно проживающий на территории государства, а также члены его семьи не высылаются в страну происхождения или страну эмиграции по причине болезни или увечья, препятствующих продолжению выполняемой работы после его приезда, кроме случаев, когда трудящийся сам желает вернуться на родину, или если это предусматривается в международных соглашениях, подписанных данным государством. При этом государствам предоставляется право установить срок, не превышающий 5 лет со дня выдачи разрешения на постоянное проживание, по истечении которого вышеназванная гарантия может применяться к трудящемуся-мигранту [1].

Статья 12 Конвенции МОТ № 143 О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения 1975 г. гарантирует равенство условий труда всем трудящимся-мигрантам, выполняющим одинаковые функции, какими бы особыми ни являлись условия их занятости. А ст. 2 обязывает государства контролировать, имеются ли на его территории незаконно нанятые трудящиеся-мигранты, а также не противоречат ли условия их труда соответствующим актам, многосторонним или двусторонним международным соглашениям, национальному законодательству [2].

Конвенции МОТ о труде мигрантов не содержат понятие «условия труда», а на уровне стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) такое понятие содержится в ст. 1 Конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников СНГ 2008 г. Под условиями труда понимается совокупность факторов трудового процесса и производственной среды, в которой осуществляется трудовая деятельность человека, оказывающих влияние на его здоровье и работоспособность в процессе труда, а также установленные в соответствии с законодательством принимающей стороны продолжительность рабочего времени и времени отдыха, порядок предоставления оплачиваемых отпусков, оплата труда и другие условия труда [3].

Условия труда для трудящихся-мигрантов в странах СНГ создаются такие же, которые в соответствии с законодательством предоставляются гражданам своего государства, в частности:

безопасные условия труда;

равное вознаграждение за равнозначную работу, включая получение доплат и компенсаций для лиц, имеющих на них право;

социальное обеспечение и социальное страхование, кроме пенсионного, в соответствии с законодательством;

обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в соответствии с законодательством;

возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания [3].

Условия труда мигрантов на территории Республики Беларусь закреплены в Законе от 30 декабря 2010 г. № 225-З «О внешней трудовой миграции» (далее – Закон о миграции) [4].

Согласно ст. 32 Закона о миграции в трудовом договоре трудящихся-иммигрантов должны содержаться условия труда, предусмотренные Трудовым кодексом Республики Беларусь (ТК) и содержащиеся в законодательстве о миграции.

Согласно ст. 19 ТК трудовой договор должен содержать в качестве обязательных следующие условия:

– место работы с указанием структурного подразделения, в которое работник принимается на работу;

– трудовая функция, т.е. работа по одной или нескольким профессиям, должностям с указанием квалификации в соответствии со штатным расписанием нанимателя, должностной (рабочей) инструкцией, технологическими картами и другими документами;

– основные права и обязанности работника и нанимателя;

– срок трудового договора (для срочных трудовых договоров);

– режим труда и отдыха;

– условия оплаты труда.

Трудовой договор может предусматривать дополнительные условия, не ухудшающие положения работника по сравнению с законодательством и коллективным договором [5].

Закон о миграции предусматривает обязательное включение в трудовой договор с иностранным работником порядок, основания прекращения, изменения и продления, срок трудового договора, условия переезда в Республику Беларусь, питания, проживания, медицинского обслуживания трудящегося-иммигранта (ст. 32), а также для мигрантов из числа высококвалифицированных специалистов размер месячной заработной платы не ниже 15-кратной величины месячной минимальной заработной платы, установленной в Республике Беларусь (ст. 1). Кроме того, трудоустройство иностранных работников осуществляется при соблюдении определенных условий и установленной процедуры.

Анализ вышеназванных международных и национальных актов позволяет нам классифицировать условия труда мигрантов на:

1) условия трудоустройства;

- 2) здоровые и безопасные условия труда;
- 3) условия, содержащиеся в трудовом договоре;
- 4) другие условия, которые могут предусматриваться как самим трудовым договором, так и законодательством.

Важную роль для трудящихся-мигрантов имеют здоровые и безопасные условия труда, предотвращающие или уменьшающие воздействие на работников вредных производственных факторов, нацеленные на сохранение здоровья и работоспособности в процессе труда, предупреждение профессиональных заболеваний и содержащиеся в законодательстве об охране труда.

Проведенные учеными исследования в области охраны труда мигрантов указывают, что такие работники находятся в более уязвимом положении по вопросам охраны труда по причинам преимущественной занятости в секторе высоких рисков на низкоквалифицированных работах, а также в связи с частыми сверхурочными работами, что сказывается на их здоровье, а, в результате, они более склонны к травматизму и получению профессиональных заболеваний. Самыми распространенными сферами осуществления трудовой деятельности мигрантов в Беларуси является строительство, сельское хозяйство, транспорт, торговля и общественное питание [6].

В то же время следует отметить, что законодательство Республики Беларусь об охране труда и социальном страховании в полной мере распространяется и на трудящихся-мигрантов, в частности:

- 1) обеспечение на каждом рабочем месте здоровых и безопасных условий труда, соответствующих требованиям по охране труда, гарантируется ст. 17 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 356-З «Об охране труда» [7];

- 2) расследование и учет несчастных случаев осуществляется в соответствии с Правилами расследования и учета несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2004 г. № 30 [8];

- 3) жизнь и здоровье иностранных граждан подлежат обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на основании заключенных трудовых договоров, а также обязательному медицинскому страхованию (п. 271 и 272, глава 15 Положения о страховой деятельности в Республике Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530) [9];

- 4) иностранные работники включаются в систему государственного социального страхования и уплату страховых взносов (ст. 1 и 7 Закона Республики Беларусь от 31 января 1995 г. № 3563-ХІІ «Об основах государственного социального страхования») [10].

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. Анализ международных норм и национального законодательства о здоровых и безопасных условиях труда мигрантов позволяет нам сделать вывод, что последнее в полной мере соответствует требованиям международных стандартов. Законодательство об охране труда предусматривает, в частности, равные права с гражданами Республики Беларусь по вопросам охраны труда, включающие обучение, инструктаж, проверку знаний, обеспечение средствами индивидуальной и коллективной защиты, расследование и учет несчастных случаев на производстве. Иностранцы работники подлежат обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, им гарантируются выплаты в связи с утратой здоровья, профессиональной трудоспособности или их смертью вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (ст. 33 Закона о миграции).

2. В то же время основной законодательный акт о труде мигрантов – Закон о внешней трудовой миграции не содержит в качестве основной гарантии трудящимся-иммигрантам право на здоровые и безопасные условия труда при осуществлении трудовой деятельности в Республике Беларусь. Учитывая важность вышеназванных прав, их первостепенность, а также закрепленную в ст. 33 Закона о миграции гарантию на выплаты в связи с утратой мигрантами здоровья, профессиональной трудоспособности или смертью вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, считаем целесообразным дополнить ст. 33 абзацем 3. Абзацы 3, 4, 5 считать соответственно абзацами 4, 5, 6.

В результате ст. 33 Закона о миграции будет выглядеть следующим образом:

«При осуществлении трудовой деятельности в Республике Беларусь трудящимся-иммигрантам гарантируются:

равное с гражданами и иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь, вознаграждение за труд равной ценности;

здоровые и безопасные условия труда в соответствии с законодательством Республики Беларусь об охране труда;...».

Указанное дополнение с учетом имеющихся норм способно обеспечивать мигрантов работать в надлежащих условиях труда и защищать свое здоровье на всех этапах производственной деятельности.

Список использованных источников

1. О трудящихся-мигрантах: Конвенция МОТ № 97 1939 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства, возможности и обращения: Конвенция МОТ № 143 1975 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. О правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников Содружества Независимых Государств: Конвенция, 14 нояб. 2008 г., г. Кишинев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О внешней трудовой миграции: Закон Республики Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 225-З, с изм. и доп. // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2016. – 2/2351.

5. Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. с изм. и доп. [Электронный ресурс] // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН»: версия 6.5 / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Супрунович, Р.М. Рынок труда для иностранца [Электронный ресурс] / Р.М. Супрунович, Е.В. Масленкова // Беларуская думка. – 2012. – № 1. – С. 64–71. – Режим доступа: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_833881.pdf, http://www.iacis.ru/upload/iblock/217/prilozhenie_k_postanovleniyu_43_5_2.pdf. – Дата доступа: 20.09.2020.

7. Об охране труда: Закон Республики Беларусь, 23 июня 2008 г. № 356-З с изм. и доп. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. Правила расследования и учета несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 15 янв. 2004 г. № 30 с изм. и доп. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. Положение о страховой деятельности в Республике Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь, 25 авг. 2006 г. № 530 с изм. и доп. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

10. Об основах государственного социального страхования: Закон Республики Беларусь, 31 янв. 1995 г., № 3563-ХІІ, с изм. и доп. // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2017. – 2/2452.

The article analyzes international norms, legislation on labor protection and legislation on migration on the working conditions of immigrant workers in the territory of the Republic of Belarus. The article analyzes the conditions that should be contained in employment contracts with foreign employees, as well as healthy and safe working conditions. As a result, the classification of working conditions of migrants is carried out, conclusions are drawn and separate ways of improving regulatory legal acts are proposed.

УДК 368. 5

Н. П. Ковалёва

УО «ГГУ им. Ф.Скорины»

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются виды обязательного имущественного страхования в Республике Беларусь, проводится анализ основных показателей развития рынка обязательного имущественного страхования по видам, формулируются отдельные выводы и предложения в исследуемой области.

В соответствии с Указом № 530 от 25 августа 2006 г. «О страховой деятельности» к обязательному имущественному страхованию относят: обязательное страхование строений, принадлежащих гражданам и обязательное страхование с государственной поддержкой урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы.

С 1 сентября 2019 года вступил в силу Указ Президента Республики Беларусь от 11 мая 2019 г №175 «О страховании» (далее – Указ №175), которым были внесены изменения в Положение о страховой деятельности в Республике Беларусь[1], а также с 01.01.2020 г. изменен порядок учета строений, подлежащих обязательному страхованию строений. В целях обеспечения страховой защитой лиц, постоянно проживающих в строениях, собственники которых умерли и на которые не оформлены правоустанавливающие документы, с 2019 года предусмотрена возможность страхования таких строений, в соответствии с пунктом 103 Положения о страховой деятельности обязательному страхованию в 2020 году будут подлежать строения, зарегистрированные в установленном законодательством порядке и постоянно используемые для проживания и хозяйственных нужд по состоянию на 01 января 2020 г., а также строения, собственник которых умер в 2019 г., но строения используются для постоянного проживания наследником при условии, что от наследника поступит письменное заявление страховщику об учете строения для целей обязательного страхования и уплате страховых взносов [2].

Основанием для учета в 2020 году строений, собственники которых умерли в 2019 году, будет являться заявление, полученное в 2019 году либо в течение 2020 года. В случае перехода строения, подлежащего обязательному страхованию, к другому собственнику права и обязанности страхователя переходят к новому собственнику, если строения постоянно используются для проживания и хозяйственных нужд новым собственником или членами его семьи, иными лицами с его согласия [3, п. 103].

При этом под строениями для целей данного обязательного страхования понимаются многоквартирные жилые дома и строения, сооружения, пространственно не отделенные от их объема, предназначенные для хозяйственно-бытовых нужд граждан, зарегистрированные организацией по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, квартиры в блокированном жилом доме и строения, сооружения, пространственно не отделенные от их объема, предназначенные для хозяйственно-бытовых нужд граждан. Не подлежат обязательному страхованию: ветхие строения; садовые домики (дачи), гаражи, строения, принадлежащие гражданам, место пребывания которых неизвестно, приватизированные квартиры в многоквартирных жилых домах [3, п.103], в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 4 сентября 2018 г. № 357 «О пустующих и ветхих домах [4, п.1].

Объектом обязательного страхования сельскохозяйственной продукции выступают имущественные интересы страхователя, связанные: с гибелью принятых на страхование сельскохозяйственных культур, с гибелью (падежом), вынужденным убоем (уничтожением) принятых на страхование скота и птицы [2]. Законодательством установлен Перечень сельскохозяйственных культур, скота и птицы, подлежащих обязательному страхованию, а именно Указом № 23 от 23 января 2020 «О страховании урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы в 2020 году» [5], определяется:

перечень сельскохозяйственных культур, скота и птицы и страховые тарифы по обязательному страхованию с государственной поддержкой урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы на 2020 год;

процент возмещения ущерба и затрат на пересев на 2020 год при гибели озимых сельскохозяйственных культур сева 2019 года на уровне 30 процентов;

процент возмещения ущерба и затрат на пересев на 2020 год при гибели сельскохозяйственных культур сева 2020 года на уровне 15 процентов;

процент возмещения ущерба при гибели (падеже), вынужденном убое (уничтожении) скота и птицы на 2020 год на уровне 100 процентов [5].

Страховыми случаями в рассматриваемых видах страхования выступают: при страховании строений - утрата (гибель) или повреждение строений в результате сильного ветра (в том числе шквала, смерча, урагана), града, сильного дождя, сильного снегопада, сильного мороза, сильной жары и других опасных явлений природы, которые по своей интенсивности (силе), масштабу распространения и (или) продолжительности могут причинить вред строениям, в результате высокого уровня воды (при половодьях, паводках, заторах, зажорах), выхода подпочвенных вод, просадки грунта, обвала, оползня, землетрясения, удара молнии, пожара, взрыва, аварии отопительной системы, водопроводных и канализационных сетей, падения летательных аппаратов, а также случаи, когда для прекращения распространения пожара либо в связи с внезапной угрозой стихийного бедствия, было необходимо разобрать строения или перенести их в другое место [3, п.106], а при страховании сельскохозяйственной продукции: гибель сельскохозяйственных культур в результате пожара, вымокания, выпревания, вымерзания, засухи, заморозка, иных опасных гидрометеорологических явлений и гибель (падеж), вынужденный убой (уничтожение) в результате инфекционных заболеваний, пожара, взрыва, опасных гидрометеорологических явлений, разрушения (повреждения) мест содержания скота и птицы, а также вынужденный убой (уничтожение) скота и птицы по распоряжению специалиста в области ветеринарии в связи с проведением мероприятий по борьбе с эпизоотией, за исключением гриппа птиц [3, п. 382].

Страхование строений осуществляется на основании договора страхования после внесения страхового взноса, рассчитываемого страховщиком в соответствии со страховыми тарифами по состоянию на 1 января текущего года. Согласно Указу № 175 с 01 января 2020 г. страховой тариф по обязательному страхованию строений установлен в размере 0,13 процента от страховой суммы. Страховая сумма устанавливается в размере 50% от страховой стоимости (страховой оценки) строений, подлежащих страхованию [1, п. 125]. Определение страховой стоимости строений производится страховщиком самостоятельно в соответствии с нормами для оценки жилых домов, садовых домиков, дач, примыкающих к ним строений, а также расположенных отдельно от них хозяйственных (подсобных и дворовых) построек и гаражей, утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 мая 2007 г. № 623 [6], или на основании документов технической инвентаризации, произведенной компетентным органом. Страховой взнос должен уплачиваться страхователем ежегодно до 1 ноября. Законодательством уставлен срок обязательного страхования строений: с 01 января 2020 по 31 декабря 2020.

В целях повышения социальной поддержки населения расширен перечень категорий граждан, имеющих право на освобождение от уплаты страховых взносов и от уплаты освобождены граждане, относящиеся к категориям, перечисленным в пунктах 2-13 статьи 3 Закона Республики Беларусь от 14.06.2007 г. «О государственных социальных льготах, правах и гарантиях для отдельных категорий граждан» и лица, строения которых находятся в совместной собственности супругов, один из которых относится к этим категориям граждан, итак согласно пункту 124 Указа № 530 от уплаты страховых взносов освобождаются следующие страхователи:

граждане, относящиеся к категориям, перечисленным в пунктах 2–13 статьи 3 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2007 года «О государственных социальных льготах, правах и гарантиях для отдельных категорий граждан»[7];

лица, строения которых находятся в совместной собственности супругов, один из которых относится к категории граждан, указанной в пунктах 2–13 статьи 3 Закона Республики Беларусь «О государственных социальных льготах, правах и гарантиях для отдельных категорий граждан»;

неработающие пенсионеры и инвалиды, размер пенсии которых за январь текущего года не превышает трех базовых величин, установленных на 1 января, при условии, что с ними не проживают или проживают, но не ведут совместное хозяйство, трудоспособные члены семьи;

граждане, у которых совокупный доход на члена семьи за прошедший календарный год не превышает трех базовых величин в месяц [8].

Предоставление льгот по уплате страховых взносов производится по заявительному принципу. Таким образом, отличительной особенностью данного вида страхования в том, что оно осуществляется в силу закона и наличием у потенциального страхователя установленной законом обязанности быть застрахованным и основывается на действии принципов: во-первых, сплошного охвата указанных в нормативном акте объектов, во-вторых, автоматичности распространения страхования на все объекты и в-третьих, действии обязательного страхования независимо от внесения страховых взносов страхователем, бессрочности и нормирования страхового покрытия.

Договор обязательного страхования сельскохозяйственной продукции заключается на срок: по страхованию урожая сельскохозяйственных культур – со дня, следующего за днем уплаты страхователем 5 процентов страхового взноса, до дня окончания им уборки урожая каждого вида сельскохозяйственных культур, а по страхованию скота и птицы – на 1 год [3, п. 391]. Также законодательством определены сроки заключения, например, яровых культур – не позднее 20 календарных дней со дня

завершения сева (посадки), озимых культур – не позднее 1 декабря года, при страховании скота и птицы – не позднее 20 января текущего года и т.д. Удельный вес взносов по обязательному страхованию строений в общей сумме взносов за 2019 в целом по Республике Беларусь составляет 7,2%, а в страховом портфеле этот процент составляет 12,7% [9]. Структура страховых взносов на 1 апреля 2020 представлена в таблице

Таблица - Структура страховых взносов и страховых выплат по обязательному страхованию имущества на 1 апреля 2020 года

Вид страхования	Страховые взносы (премии)	В % к		Страховые выплаты
		общей сумме взносов	соответствующему периоду прошлого года	
имущественное страхование: ВСЕГО	14 562 604	3,83	126,70	1 015 136
страхование строений, принадлежащих гражданам	4 087 899	1,08	101,30	1 015 136
обязательное страхование с государственной поддержкой урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы	10 474 705	2,76	140,45	–

Основываясь на вышеизложенном можно сделать вывод, что при осуществлении данного вида страхования возникает пробел при осуществлении учета. Так страхованию подлежат строения, принадлежащие на праве собственности физическим лицам, в том числе иностранным гражданам и лицам без гражданства, и постоянно используемые ими, членами их семей или иными лицами с согласия собственника для проживания и хозяйственных нужд строения, зарегистрированные в установленном законодательством порядке. То есть на страхователях лежит обязанность уплачивать страховые взносы, соответственно необходимо стать на учет в страховую компанию для начисления вышеуказанных взносов. Соответственно предлагаем дополнить пункт 29 Закона Республики Беларусь от 22 июля 2002 № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» пунктом 2.5 следующего содержания «Белорусскому республиканскому унитарному предприятию «Белгосстрах» для постановки на учет по обязательному страхованию строений».

В заключение можно отметить, что законодательством к обязательному страхованию имущества относит обязательное страхование строений, принадлежащих гражданам и обязательное страхование с государственной поддержкой урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы. Страховщиком в данных видах страхования выступает БРУСП «Белгосстрах», а страховым объектом являются имущественные интересы граждан, юридических лиц связанные с утратой (гибелью) или повреждением строений или с гибелью принятых на страхование сельскохозяйственных культур (с гибелью (падежом), вынужденным убоем (уничтожением) принятых на страхование скота и птицы)

Список использованных источников

1. О страховании: Указ Президента Республики Беларусь, 11 мая 2019 г. №175 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, – 2019. – 1/18348
2. Основы страхования, учебник, 2-е изд. перераб. и доп., под ред. Гвозденко А. А., изд. М. : «Финансы и статистика», – 2016. – 320 с.
3. О страховой деятельности: Указ Президента Республики Беларусь, 25 августа 2006 г. №530 (в ред. Указа от 01 мая 2019 г. №175) // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2019. – 1/18348.
4. О пустующих и ветхих домах: Указ Президента Республики Беларусь, 04 сентября 2018 г. №357 //Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2018. – 1/17913
5. О страховании урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы в 2020 году: Указ Президента Республики Беларусь, 23 января 2020 г. № 23 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2020. – 1/18812.
6. О нормах для оценки жилых домов, садовых домиков, дач, примыкающих к ним строений, а также расположенных отдельно от них хозяйственных (подсобных и дворовых) построек и гаражей: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 17 мая 2007 г. № 623 // Нац. реестр правовых автор Республики Беларусь. – 2007. – 5/25213.
7. О государственных социальных льготах, правах и гарантиях для отдельных категорий граждан: Закон Республики Беларусь, 14 июня 2007 г. № 239-З (ред. от 09 января 2017) // Национальный реестр правовых автор Республики Беларусь. – 2007. – № – 2/1336.
8. Алексеева, Е. В. Обязательное страхование в России: монография / Е.В. Алексеева; Бузулукский гуманитарно-технолог. ин-т (филиал) ОГУ. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», – 2012. – 133 с.

9. Статистика по объему страхования // [Электронный ресурс] – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://www.minfin.by/ru> – Дата доступа: 25.09.2020.

The article examines the types of compulsory property insurance in the Republic of Belarus, analyzes the main indicators of the development of the compulsory property insurance market by type, formulates certain conclusions and proposals in the area under study.

УДК 349.227

Т. В. Ковалева

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ОТСТРАНЕНИЕ РАБОТНИКА ЗА ХИЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВА НАНИМАТЕЛЯ

В статье проводится анализ норм трудового, а также уголовно-процессуального законодательства, касающихся вопросов отстранения работника за хищение имущества нанимателя, а также рассматриваются проблемные вопросы осуществления указанного права нанимателем. В результате исследования даются конкретные предложения об изменении отдельных норм Трудового кодекса Республики Беларусь.

В соответствии изменениями и дополнениями, внесенными в Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) [1] Законом Республики Беларусь от 18.07.2019 г. № 219-З «Об изменении законов» [2], дается легальное определение отстранения как временного недопущения работника к исполнению своих трудовых обязанностей в связи с обстоятельствами, предусмотренными статьей 49 ТК. Ранее указанное определение содержалось в абз. 2 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.06.2012 № 4 «О практике применения судами законодательства о трудовой дисциплине и дисциплинарной ответственности работников» [3].

В ст. 49 ТК непосредственно перечисляются основания для отстранения работника по инициативе нанимателя, а также дается отсылка на иное законодательство, в соответствии с которым работник может быть отстранен от работы, частности, в соответствии с:

1) пп. 3.4. Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» руководитель вправе незамедлительно отстранять работника от работы при выявлении допущенных им нарушений производственно-технологической, исполнительской или трудовой дисциплины, повлекших или способных повлечь причинение организации ущерба [4];

2) абз. 3 ч. 5 ст. 36 Закона Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» по представлению органов государственного строительного надзора заказчик отстраняет от работы на объектах строительства должностных лиц подрядчиков, систематически не обеспечивающих выполнения обязательных для соблюдения требований технических нормативных правовых актов и требований проектной документации, а также работников, неудовлетворительно осуществляющих проведение контроля за качеством работ, технический надзор и авторский надзор за строительством [5].

Одним из оснований для отстранения работника по инициативе нанимателя является хищение имущества нанимателя (ч. 7 ст. 49 ТК). В таких случаях отстранение от работы производится до вступления в законную силу приговора суда или постановления органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания.

Кроме того, отстранение от должности как за хищение имущества нанимателя, так и за совершение иного преступного деяния, может осуществляться по требованию уполномоченного лица, если есть достаточные основания полагать, что, оставаясь в должности, они будут препятствовать предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовного дела, возмещению причиненного преступлением вреда или продолжать заниматься преступной деятельностью, связанной с пребыванием в этой должности (ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)) [6]. Однако отстранить по требованию органа, ведущего уголовный процесс, возможно только лицо, занимающее определенную должность, отстранение рабочего не предусмотрено.

Таким образом, отстранение работника за хищение имущества нанимателя является как правом нанимателя, если решение принимается им самостоятельно, так и обязанностью, если требование направлено уполномоченным на это лицом.

В процессе отстранения наниматель может столкнуться с рядом проблем.

1. В соответствии со ст. 26 Конституции Республики Беларусь никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда [7].

Действующая редакция ч. 7 ст. 49 ТК не в полной мере соответствует принципу презумпции невиновности, так как, отстраняя работника, наниматель признает его вину, в то время как признать человека виновным в совершении преступления или правонарушения может суд или уполномоченный орган.

С учетом конституционной нормы, работник, будет считаться совершившим хищение имущества нанимателя, только после вступления приговора суда или постановления органа, ведущего административный процесс, в законную силу. В то же время в ч. 7 ст. 49 ТК указано, что отстранить работника можно до этого времени.

Следует отметить, что ни в ТК Российской Федерации [8], ни в ТК Казахстана [9], ни в КЗоТ Украины [10] отстранение за совершение хищения имущества нанимателя не предусмотрено.

2. В ч. 7 ст. 49 ТК не указано, с какого момента можно отстранить работника.

Некоторые авторы указывают, что у нанимателя возникает право на отстранение работника только в случае, когда работник был задержан:

- в момент совершения хищения имущества нанимателя;
- по месту работы, то есть на территории, на которой осуществляется производственная или иная деятельность нанимателя [11].

Другими авторами отмечалось, что отстранение от работы допускается только на период с даты установления факта хищения: после получения (оглашения) официального документа – приговора суда или постановления органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания [12].

Считаем, что с учетом действующей редакции ТК и презумпции невиновности более обоснованным является второе мнение.

Исходя из содержания ст. 131 УПК можно сделать вывод, что отстранение от должности может быть совершено после придания лицу статуса подозреваемого или обвиняемого. С учетом изложенного считаем целесообразным внести соответствующее изменение в ст. 49 ТК, при этом вынуждены использовать уголовно-правовую терминологию, т.к. имеется тесная взаимосвязь указанных общественных отношений.

3. По общему правилу, отстранение производится до момента, когда отпали обстоятельства, послужившие основанием для отстранения. Однако при отстранении за хищение имущества нанимателя указано иное правило: отстранение представляется возможным до вступления в законную силу приговора суда или постановления органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания. В соответствии со ст. 374, ст. 381, ч. 1 ст. 399 УПК этот срок составляет не менее десяти суток (срок для обжалования приговора), но не более двух месяцев с момента поступления апелляционной жалобы, а в исключительных случаях не более трех месяцев. В соответствии со ст. 12.7 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях жалоба на постановление по делу об административном правонарушении рассматривается в месячный срок со дня ее поступления [13].

После вступления в законную силу приговора суда или постановления органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания, у нанимателя появляется право прекратить трудовые отношения с работником в целом.

4. Для отстранения от работы необходимо установление факта хищения имущества именно нанимателя. Факт совершения хищения не только имущества нанимателя, но и имущества других лиц на территории нанимателя подрывает доверие к работнику. Считаем, что отстранять от работы возможно в случаях хищения имущества по месту работы.

5. В соответствии со ст. 49 ТК оплата труда за время отстранения за хищение имущества нанимателя от работы в случае вынесения оправдательного приговора не предусмотрена. В соответствии с ч. 3 ст. 131 УПК временно отстраненные от должности подозреваемый или обвиняемый имеют право на ежемесячное государственное пособие, если они не занимаются иной оплачиваемой деятельностью.

Считаем, что при применении меры в виде отстранения наниматель должен быть убежден, что работник будет привлечен к ответственности за хищение имущества. В противном случае, при наличии обоснованных сомнений указанная мера не должна применяться. Видится целесообразным предусмотреть своеобразную санкцию за необоснованное отстранение от работы: в случае постановления оправдательного приговора работнику производится оплата труда за все время отстранения от работы.

На основании вышеизложенного предлагаем изложить в новой редакции:

1) ч. 7 ст. 49 ТК: «Работника, подозреваемого или обвиняемого в совершении хищения имущества по месту работы, или в отношении которого ведется административный процесс по факту совершения хищения по месту работы, наниматель имеет право отстранить от работы до вступления в законную силу приговора суда или постановления органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания».

2) ч. 9 ст. 49 ТК: «При отстранении от работы работника, который не прошел инструктаж, стажировку и проверку знаний по вопросам охраны труда, медицинский осмотр либо освидетельствование на предмет нахождения в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения в случаях и порядке, предусмотренных законодательством, не по своей вине, а также в случае постановления оправдательного приговора по факту хищения имущества по месту работы, постановления о прекращении дела об административном правонарушении в связи с отсутствием в деянии состава административного правонарушения, ему производится оплата труда за все время отстранения от работы в соответствии с частью первой статьи 71 настоящего Кодекса».

Список использованных источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Об изменении законов : Закон Республики Беларусь от 18 июля 2019 г., № 219-3 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. О практике применения судами законодательства о трудовой дисциплине и дисциплинарной ответственности работников : постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2012 № 4 с изм. и доп. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций : Декрета Президента Респ. Беларусь от 15.12.2014, № 5 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь : Закона Республики Беларусь от 5 июля 2004 г., № 300-3 с изм. и доп. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
7. Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 21 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 г., с изм. и доп. // КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/. – Дата доступа: 26.01.2020.
9. Трудовой кодекс Республики Казахстан : принят 23 ноября 2015 г., № 414-V с изм. и доп. // Параграф. Правовые системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38910832#pos=5;-155. – Дата доступа: 26.01.2020.

10. Кодекс законов о труде Украины : введен в действие с 1 июня 1972 г. Законом Украинской ССР от 10 декабря 1971 г. № 322 – VIII с изм. и доп. // Законодавство України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/322-08>. – Дата доступа: 26.01.2020.

11. Самосейко В.Э. Алгоритм кадровых действий по увольнению работника в связи с совершением по месту работы хищения имущества нанимателя (п. 8 ст. 42 ТК) (часть 2) / В.Э. Самосейко [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

12. Кривой В.И. Комментарий к статье 49 Трудового кодекса Республики Беларусь / В.И. Кривой [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

13. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 20 декабря 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 ноября 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 декабря 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

The article analyzes the norms of labor, as well as criminal procedural legislation concerning the issues of dismissal of an employee for theft of the employer's property, and also discusses the problematic issues of the implementation of this right by the employer. As a result of the study, specific proposals are made on changing certain norms of the Labor Code of the Republic of Belarus.

УДК 34.349.2

И. В. Колодинская

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ: СТАТИСТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье предпринята попытка определить взаимосвязь между ростом производительности труда и наличием образования в СССР в период с 1930-х по 1970 гг., а также влияние процента неграмотности, средней продолжительности жизни и заработной платы на рост производительности труда.

Научно-техническая революция, изменяя характер и содержание труда все большего числа участников производственного процесса, вызывала потребность в новом типе работника, способном осваивать

новые профессии и новую технологию, новое оборудование и новые виды продукции.

В этой ситуации рост общеобразовательного уровня работников отражал не только общие социальные потребности общества, но и изменения в структуре материального производства. Важно место в комплексе задач хозяйственного, социального и культурного строительства занимало развитие и совершенствование народного образования, которому Коммунистическая партия и Советское государство уделяли огромное внимание.

Статистическая оценка взаимосвязи между факторами проводилась на основе коэффициента корреляции Спирмена (Spearman), который позволяет оценить взаимосвязь между порядковыми признаками, а также количественными признаками, не подчиняющимся нормальному закону распределения.

Статистическая значимость выявленной взаимосвязи между рассматриваемыми переменными определяется по уровню значимости (p-level). Если расчетное значение $p < 0,05$, нулевая гипотеза об отсутствии взаимосвязи отвергается и делается вывод о том, что коэффициент корреляции статистически значимо отличается от нуля ($p < 0,05$). Оценка силы корреляционной связи проводится согласно шкале Чеддока. В таблице 1 приведены основные факторы, по которым проводилось исследование в данной статье.

Таблица 1 – Факторы исследования

Год	Рост производительности труда, в % к предыдущему году	Высшее образование, тыс. чел.	Среднее образование, тыс. чел.	Неграмотное население, %	Ученики, % от общего числа рабочих	Средняя продолжительность жизни, в годах	Среднемесячная заработная плата по всем отраслям труда, руб
1930	51	121,1	236,8	43,4	4,4	42	72,24
1940	69	176,9	313,7	10,3	3,8	44	62,4
1950	68	338	527,9	1,5	2,7	63	91,8
1960	67	564,9	1018,7	0,8	1,5	69,5	157,6
1970	84	630,8	1033,3	0,3	1,9	68	170

Примечание: Источники [1]–[6].

На основе коэффициента корреляции Спирмена можно построить корреляционную матрицу, чтобы выяснить коэффициент взаимодействия исследуемых факторов, а также вывить качественную оценку (таблица 2).

Таблица 2 – Корреляционная матрица

	Рост производительности труда, в % к предыдущему году	Высшее образование, тыс. чел.	Среднее образование, тыс. чел.	Неграмотное население, %	Ученики, % от общего числа рабочих	Средняя продолжительность жизни, в годах	Среднемесячная заработная плата по всем отраслям труда, руб
Рост производительности труда, в % к предыдущему году	1,0	0,6	0,6	-0,6	-0,3	0,6	0,3
Высшее образование, тыс. чел.	0,6	1,0	1,0	-1,0	-0,9	1,0	0,9
Среднее образование, тыс. чел.	0,6	1,0	1,0	-1,0	-0,9	1,0	0,9
Неграмотное население, %	-0,6	-1,0	-1,0	1,0	0,9	-1,0	-0,9
Ученики, % от общего числа рабочих	-0,3	-0,9	-0,9	0,9	1,0	-0,9	-0,8
Средняя продолжительность жизни, в годах	0,6	1,0	1,0	-1,0	-0,9	1,0	0,9
Среднемесячная заработная плата по всем отраслям труда, руб	0,3	0,9	0,9	-0,9	-0,8	0,9	1,0

Коэффициент корреляции между ростом производительности труда и высшим образованием равен 0,6, что говорит о заметной связи между показателями. С ростом числа людей, имеющих высшее образование, наблюдается постоянный рост производительности труда. Такие же выводы можно сделать и о коэффициенте корреляции высшего образования и среднего (коэффициент равен 0,6).

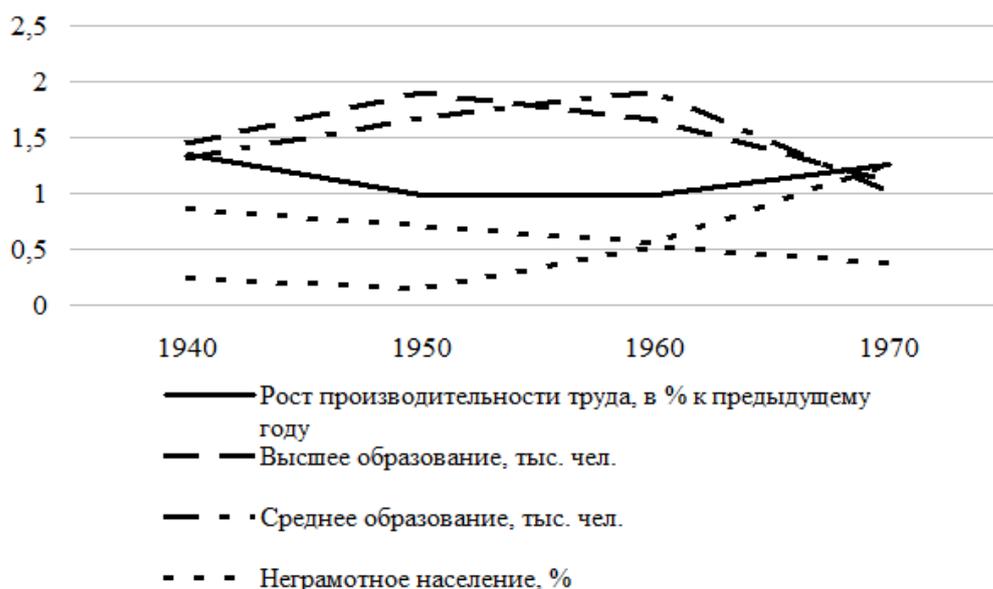
Также можно проследить взаимосвязь образования от процента неграмотного населения. Как видно из матрицы процент неграмотного населения указан со знаком « $\leftarrow$ ». Это говорит об обратной взаимосвязи, т.е. растет уровень образования, что ведет к снижению процента неграмотных. В 30-е гг. более трех четвертей населения страны проживали в сельской местности. С 1931 г. в СССР был введен так называемый «культжилсбор» – «налог на образование и культуру». Каждый крестьянский двор был обязан платить ежегодно порядка 20–80 рублей. Для деревни это были очень большие деньги. Помимо этого, за образование своих детей крестьяне платили «самообложением». К концу 30-х гг. неграмотность утратила характер острой социальной проблемы, т.к. вводится всеобщее обязательное начальное четырехклассное обучение (с восьми лет). По данным переписи 1939 г. грамотность лиц в возрасте от 16 до 50 лет приближалась к 90 %. К началу 40-х гг. задача ликвидации безграмотности была в основном решена. А к началу 50-х гг. безграмотность в СССР была практически ликвидирована.

Коэффициент корреляции учеников равен $-0,3$, что говорит о том, что количество учеников уменьшалось, а следовательно количество людей, имеющих высшее образование, увеличивалось. Здесь стоит отметить тот факт, что связь между этими показателями была, но слабая.

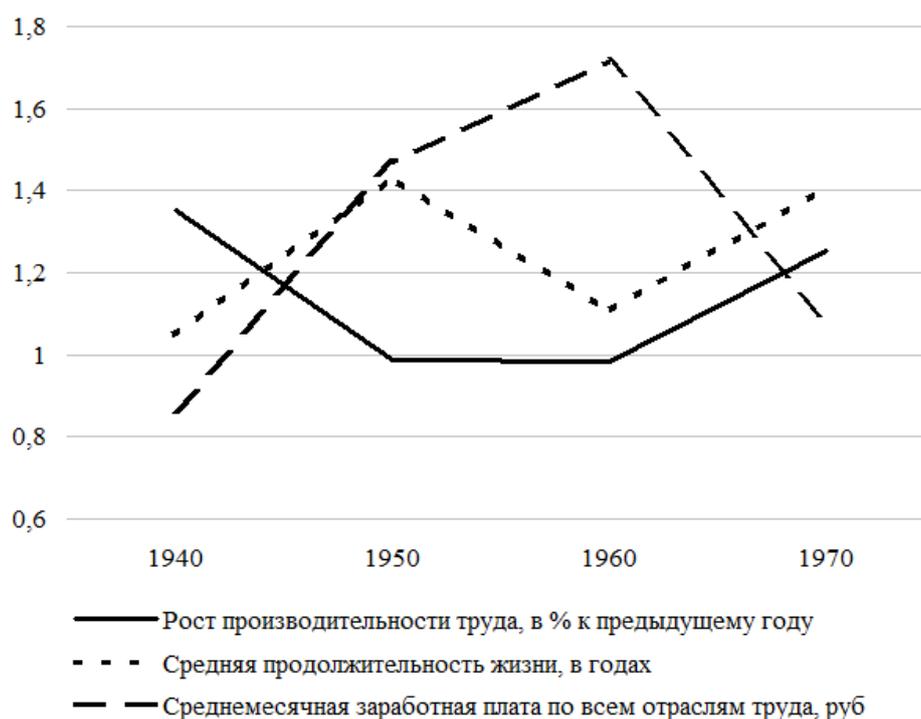
Средняя продолжительность жизни также положительно коррелирует с ростом производительности труда (коэффициент равен 0,6), т.е. увеличивает рост производительности труда с увеличением продолжительности жизни.

При этом среднемесячная заработная плата слабо связана с ростом производительности труда (коэффициент равен 0,3). Важнейшим условием повышения эффективности производства является опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом средней заработной платы. Такое соотношение в темпах обеспечивает экономию себестоимости продукции по элементу заработной платы. Этот принцип необходимо выдерживать для обеспечения соответствия между покупательским спросом населения и товарными массами потребительских товаров, снижения затрат на единицу продукции, роста прибыли и рентабельности. Однако мы наблюдаем обратную зависимость – правильную организацию оплаты труда, которая влияет на рост производительности. Нарушение плановых соотношений роста производительности труда и средней заработной платы оказывает непосредственное влияние на уровень себестоимости продукции предприятия. Необоснованное увеличение роста средней заработной платы промышленно-производственного персонала приводит к увеличению ее расхода на единицу выпущенной продукции. При этом высшее и среднее образование находится в сильной связи с ростом производительности труда (коэффициент равен 0,9).

Далее мы можем проследить динамику изменения исследуемых показателей, а также их взаимосвязь (рисунки 1 и 2).

Рисунок 1 – Темпы изменения роста производительности труда, образования и неграмотного населения

Рисунок 2 – Темпы изменения роста производительности труда, средней продолжительности жизни и среднемесячной заработной платы

На основе рисунков можно сделать вывод, что средние темпы роста производительности труда положительное коррелировали с темпами роста количества учеников (коэффициент равен 0,8) и отрицательно с темпами роста других показателей. В частности, если мы наблюдаем рост производительности труда, то близко к единице были темпы роста заработной платы, а также имеются отрицательные взаимодействия темпов роста образования и количества неграмотных со средней продолжительностью жизни. При этом темпы роста производительности труда и темпы роста среднего образования были в наиболее тесной связи (коэффициент равен $-0,8$).

Отметим, что разными темпами идут рост производительности труда с уменьшением количества неграмотных (коэффициент равен $-0,4$). Однако темпы увеличения людей, имеющих высшее образование, положительно коррелирует с темпами роста среднего образования.

Если же мы наблюдаем рост темпов высшего образования, то темпы роста учеников были более медленными (коэффициент равен $-0,8$). Также по этим показателям заметна связь с темпами уменьшения числа неграмотных (коэффициент равен $-0,4$), а также заметна положительная связь с ростом среднемесячной заработной платы (коэффициент равен 0,6).

Одинаковыми темпами идет уменьшение количества неграмотных с темпами заработной платы (коэффициент равен 0,4), т.е. можно сказать, что они шли одинаковыми темпами. Также одинаковыми темпами шел

рост среднего образования и увеличения заработной платы (коэффициент равен 0,8).

В заключении важно отметить, что повышение производительности труда было связано с качеством подготовки кадров квалифицированных рабочих и служащих [7]. В СССР была создана система подготовки молодых рабочих, инженерно-технических работников и служащих, а также повышения квалификации работающих членов общества. Благодаря всё более широкому внедрению профессиональной ориентации, многие юноши и девушки уже в средней школе определяли будущую профессию и часть из них после окончания 8-летней школы поступала в техникумы, сельские и городские профессионально-технические училища (ПТУ) или школы ФЗУ, где получали среднее образование и специальность; на базе 10-летнего образования – в технические училища.

Дальнейшее развитие образовательной системы связано с принятием Верховным Советом СССР Закона от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [8], которым была утверждена новая система общего среднего, профессионально-технического, среднего специального и высшего образования, фактически произошла перестройка системы народного образования. В соответствии с этим законом различные виды профессиональных учебных заведений были реорганизованы в сельские профессионально-технические училища. За 1940–1975 гг. в системе профессионально-технического образования было подготовлено 33 млн. чел. Но наиболее распространённая форма обучения рабочих – непосредственная подготовка их на предприятиях (в процессе индивидуального, бригадного и курсового обучения), в учреждениях и организациях, где действовала система повышения квалификации рабочих и служащих. В 1975 г. было обучено новым профессиям и прошло обучение по повышению квалификации 2,6 млн. чел.

Огромное внимание уделялось подготовке высококвалифицированных специалистов в системе высшего и среднего специального образования. За 1918–1975 вузы и техникумы подготовили 33 млн. специалистов, из них 13,6 млн. человек с высшим и 20,4 млн. – со средним специальным образованием. К концу 70-х гг. высшее и среднее (полное и неполное) образование имело 77 % населения.

Список использованных источников

1. СССР за 15 лет (статистические материалы по народному хозяйству) / Центральное управление народно-хозяйственного учета СССР. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1932. – 423 с.

2. Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.) : статистический сборник / Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана при СНК СССР. – Москва–Ленинград : Госпланиздат, 1939. – 198 с.

3. Справка о средней продолжительности жизни в СССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд 1562. – Оп. 33. – Д. 2986. – Л. 14–29.

4. Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения по республикам, краям и областям : по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. – М. : Госстатиздат, 1960. – 39 с.

5. СССР в цифрах в 1963 г. (краткий статистический сборник) / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. – М. : Изд-во «Статистика», 1964. – 224 с.

6. Народное образование, наука и культура в СССР : статистический сборник / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. – М. : Изд-во «Статистика», 1971. – 395 с.

7. Большая советская энциклопедия : в 65-ти т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – М. : Советская энциклопедия, 1947. – Т. 55. – 986 с.

8. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР : Закон СССР, 24 дек. 1958 г. // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 5.

The article attempts to determine the relationship between the growth of labor productivity and education in the USSR from the 1930s to 1970, as well as the influence of the percentage of illiteracy, average life expectancy and wages on the growth of labor productivity.

УДК 341.215

Н. В. Копыткова

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ МИГРАНТОВ ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются способы обеспечения прав мигрантов органами публичной власти Республики Беларусь. Рассматривается деятельность в сфере защиты прав мигрантов таких государственных органов, как Администрация Президента, Департамент по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь, прокуратура, суд. Предлагается внести дополнение в Закона Республики Беларусь «О прокуратуре» в части специальной надзорной функции за соблюдением прав и свобод человека. Обосновывается необходимость конкретизации отдельных положений Закона

«О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» во избежание широкого толкования и произвольного применения его норм правоохранительными органами.

Международно-правовые акты в области защиты прав человека содержат в себе нормы, устанавливающие систему отношений между государством и индивидом, в соответствии с которыми государства принимают на себя обязательства не только реализовывать права человека, но и защищать их на всех уровнях органов государственной власти.

Конституционные основы правового статуса иностранных граждан и лица без гражданства на территории Республики Беларусь закреплены в ст.11 Конституции, согласно которой эти лица пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами. Также конституционным является право Республики Беларусь на предоставление убежища лицам, преследуемым в других государствах за политические, религиозные убеждения или национальную принадлежность (ст.12). На конституционном уровне гарантируется равенство всех перед законом и право на равную защиту прав и законных интересов без всякой дискриминации (ст. 22) [1].

Статья 16 Закона «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» гарантирует иностранцам возможность пользоваться всеми средствами правовой защиты прав и свобод личности, предусмотренными законодательством Республики Беларусь [2].

Особенности правового положения иностранцев, которые ходатайствуют или которым уже предоставлен статус беженца, или дополнительная защита, или убежище в Республике Беларусь регулируются Законом «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь» [3]. Согласно ст. 69 указанного закона иностранные граждане и их законные представители при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей, имеют право на обжалование решений государственных органов Республики Беларусь, действий (бездействия) должностных лиц государственных органов Республики Беларусь, связанных с реализацией настоящего Закона, в вышестоящий государственный орган Республики Беларусь (вышестоящему должностному лицу государственного органа Республики Беларусь) и (или) в суд.

Защиту прав мигрантов в Республике Беларусь осуществляют как республиканские органы исполнительной и судебной власти, так и органы власти административно-территориальных единиц.

Президент Республики Беларусь является гарантом конституционных прав и свобод человека и гражданина. Одним из структурных подразделений Администрации Президента является отдел по вопросам гражданства и помилования, который создан для реализации конституционных полномочий Президента по вопросам гражданства Республики Беларусь, осуществления помилования и предоставления политического убежища. Обеспечение реализации Президентом Республики Беларусь полномочий по работе с обращениями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц осуществляется через Администрацию Президента Республики Беларусь. Непосредственно этими вопросами занимается главное управление по работе с обращениями граждан и юридических лиц Администрации.

Правительство Республики Беларусь, в соответствии со ст. 106 Конституции осуществляет исполнительную власть, руководит системой подчиненных ему органов государственного управления и других органов власти. В области миграционной политики Совет Министров Республики Беларусь обеспечивает реализацию единой государственной миграционной политики и утверждает государственные программы в данной сфере.

Вопросы регулирования миграционных процессов на территории Беларуси входят в наибольшей степени в компетенцию Министерства внутренних дел. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 603 от 30 декабря 2003г. «О некоторых мерах по совершенствованию системы органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь» был образован Департамент по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь.

В соответствии с Положением о Департаменте по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 4 июня 2004 г. № 268, основными задачами Департамента являются: разработка и осуществление мер, направленных на реализацию законодательства о правовом положении иностранцев в Республике Беларусь, предоставлении статуса беженца, дополнительной или временной защиты либо убежища, внешней трудовой миграции, регистре населения; совершенствование правового регулирования вопросов гражданства, миграции и регистра населения; организация контроля за миграционными процессами и миграционной ситуацией в Республике Беларусь, противодействие незаконной миграции; организация научных исследований по проблемам миграции; обеспечение информационного взаимодействия и сотрудничества государственных органов и иных организаций, в том числе в ходе межгосударственного и международного информационного обмена и др. Функции Департамента

на местах реализуют управления и отделы по гражданству и миграции органов внутренних дел [4].

В настоящее время государственными органами Республики Беларусь, вовлеченными в миграционные взаимоотношения можно также считать Министерство иностранных дел, Министерство здравоохранения, Министерство образования, Государственный пограничный комитет и др. Вместе с тем основными органами, которые обязаны осуществлять социальную защиту вынужденных мигрантов, являются Министерство труда и социальной защиты и его органы на местах (комитеты по труду облисполкомов и Минского горисполкома).

Прокуратура Республики Беларусь осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь и поэтому должна выполнять одну из самых главных ролей в системе защиты прав человека. В настоящее время значительное внимание органы прокуратуры уделяют надзору за соблюдением законодательства о привлечении и использовании иностранной рабочей силы, а также за использованием труда незаконных мигрантов.

Анализ Закона Республики Беларусь «О прокуратуре» к сожалению, позволяет констатировать отсутствие функции надзора за соблюдением прав и свобод человека в перечне полномочий прокурора и надзорных функций прокуратуры. Можно, конечно, возразить на данное замечание, так как задачами прокуратуры являются обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций. Безусловно, деятельность прокуратуры по защите прав и свобод граждан является комплексной и осуществляется в интересах всех граждан. Однако было бы целесообразным предусмотреть в указанном законе в качестве самостоятельного предмета надзора - соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Предлагаю внести в закон «О прокуратуре» дополнительную главу «Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина» и соответствующую статью следующего содержания: «Предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина органами исполнительной власти, Следственным комитетом Республики Беларусь, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, органами и учреждениями, исполняющими наказание и их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций». Наличие данной нормы в законе подтвердит роль прокуратуры как гаранта реального соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также будет способствовать усилению ее правозащитной функции.

В соответствии со ст. 60 Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки. Законодательство Республики Беларусь гарантирует иностранным гражданам право на обращение в суд с целью защиты их личных, имущественных и иных прав. Согласно ст. 541 ГПК Республики Беларусь «Иностранцы граждане и лица безгражданства имеют право беспрепятственного обращения в суды Республики Беларусь и пользуются в них всеми гражданскими процессуальными правами наравне с гражданами Республики Беларусь» [5].

Суды в системе защиты прав человека занимают весьма важное положение, так как, в отличие от органов МВД и прокуратуры, именно суды в большей степени выполняют защитную функцию, а не функцию принуждения. Кроме того, суды фактически выступают завершающим звеном в цепочке правозащитных государственных органов.

Как свидетельствует судебная практика, наиболее частыми причинами обращения вынужденных мигрантов в суд за защитой является отказ уполномоченных органов в предоставлении или продлении соответствующего статуса. В последнее время появились и новые причины обращения, связанные с выдачей мигрантов на родину. Так, в феврале 2020 г. гражданин Турции Хиджри Мамаша обратился к властям Республики Беларусь о предоставлении ему защиты. Он заявил, что его преследуют по политическим мотивам по причине участия в мирных акциях, но власти Турции вменяют ему совершение уголовного преступления. Однако Департамент по гражданству и миграции Беларуси отказал в предоставлении международной защиты. В начале апреля суд Центрального района Минска оставил решение в силе и 23 апреля 2020 года Генеральная прокуратура Республики Беларусь удовлетворила просьбу Министерства юстиции Турецкой Республики о выдаче гражданина Турции Хиджри Мамаша для привлечения к уголовной ответственности по ст. 302/1 Уголовного кодекса Турции («покушение на единство и территориальную целостность государства»). Верховный суд Республики Беларусь не удовлетворил жалобу представителя гражданина Турции на решение Генеральной прокуратуры о выдачу на родину. Данное решение обжалованию не подлежит [6].

Нельзя говорить о том, что Верховный суд не мог досконально исследовать ситуацию и принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, представляющие угрозу жизни и здоровью заявителю жалобы. Полагаю, что белорусским судам следовало учесть тот факт, что в Турции постоянно допускаются грубые и массовые нарушения прав человека, в том числе применение пыток, о чем свидетельствуют

многочисленные сообщения СМИ и отчеты международных организаций, и все же предоставить защиту гражданину Турции в нашем государстве. Следует заметить, что Республика Беларусь является участницей Конвенции против пыток и других жестоких, унижающих достоинство видов обращения и наказания, которая гласит: «Ни одно Государство-участник не должно высылать, возвращать или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток» [7]. Кроме того, Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», содержит норму, согласно которой «Иностранцы не могут быть выдворены за пределы Республики Беларусь в иностранное государство, где им угрожают пытки» [3].

Хотелось бы обратить внимание еще на несколько противоречивых норм нашего законодательства. Так, иностранец может быть выслан из Республики Беларусь в интересах национальной безопасности Республики Беларусь, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод граждан Республики Беларусь и других лиц по решению органа внутренних дел или органа государственной безопасности. Следует заметить, что во многих странах, в том числе в Российской Федерации решение о высылке может принять только суд. На мой взгляд, это единственно возможный способ полноценной защиты прав мигранта, попавшего в ситуацию, грозящей ему высылкой. Преимущества судебной защиты очевидны, так как правосудие осуществляется в установленной законом процессуальной форме, что гарантирует законность и обоснованность решения; дело рассматривается независимыми и беспристрастными судьями при участии сторон и других заинтересованных лиц, что в конечном итоге способствует принятию справедливого решения.

Вызывает сомнение формулировка еще одного положения выше указанного закона. Так, согласно ст. 57, разрешение на постоянное проживание, выданное иностранцу, может быть аннулировано, если «пребывание иностранца в Республике Беларусь противоречит интересам национальной безопасности Республики Беларусь, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод граждан Республики Беларусь и других лиц» [3]. Такие административные нарушения, как например, превышение водителем скорости, купание в неполюженном месте, разведение костров в лесу и т.п. всегда противоречат общественному порядку. Не лишать же человека права на постоянное проживание в стране за однократное подобное нарушение. Многозначительность и некорректность

формулировок в законе позволяют представителям правоохранительных органов произвольно и весьма широко толковать норму права и принимать абсурдные решения. Полагаю, что следует исключить из ст. 57 анализируемого закона указанные основания аннулирования разрешения на постоянное проживание.

Таким образом, наделяя мигрантов правами, государство берет на себя обязанность по защите этих прав через систему органов государственной власти. Такая защита может быть эффективной лишь при наличии максимально выверенного законодательства и при условии его точного и беспристрастного применения должностными лицами.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1994 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон от 23.06.2008 N 354-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 04.01.2010 № 105-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Положение о Департаменте по гражданству и миграции министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]: в ред. Указов Президента Республики Беларусь от 28.05.2008 № 286, от 18.06.2009 N 323, от 02.10.2010 N 519, от 06.10.2011 № 450, от 06.01.2012 № 17 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респуб. Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З (ред. от 17 июля 2020 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Беларусь не дала защиту турецкому курду [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://humanconstant.by/belarus-ne-dala-zashhitu-tureckomu-kurdu-i-otpravlyaet-ego-na-pytki/>. / - Дата доступа: 06.10. 2020.

7. Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс: [Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture. – Дата доступа: 05.10.2020.

УДК 342.7

Д. Н. Лычковский

УО «Академия МВД Республики Беларусь»

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы свободы, неприкосновенности, достоинства личности. Проводится анализ различных аспектов в определении понятия «неприкосновенность личности» в конституционном праве, раскрывается содержание термина «неприкосновенность личности», предлагается авторское определение понятия «неприкосновенность личности» как в широком, так и в узком смыслах.

Рассматривая неприкосновенность личности как теоретико-правовое явление, следует указать, что его формирование началось исходя из общих взглядов на право человека на свободу. Данный взгляд возник и развился в Новое время и эпоху Просвещения. Особое внимание этому вопросу посвятил Шарль Луи Монтескье в своем трактате «О духе законов» где обращался к проблеме политической свободы в двух аспектах: в ее отношении к государственному строю и к отдельной личности, гражданину. Первый аспект этих отношений, выраженный в правовом закреплении трех властей (законодательной, исполнительной, судебной), выступает в качестве необходимого средства обеспечения гражданских прав и свобод, безопасности личности. Другой аспект – политическая свобода в ее отношении не к государственному устройству, а к отдельному гражданину, заключающаяся в его безопасности. Рассматривая средства обеспечения такой безопасности, Ш. Монтескье придавал особое значение доброкачественности уголовных законов и судопроизводства [1, с. 316–318], что имеет место в теории права и по наше время. Так, О.Г. Селихова, например, постулирует неразрывность прав человека на свободу и личную неприкосновенность «каждый свободен, его личная свобода выражается через неприкосновенность души и тела», «личная неприкосновенность индивида представляет собой одно из проявлений его свободы» [2, с. 33, 48].

В сфере конституционного права также до сих пор не поставлена точка в споре о соотношении понятий «личная неприкосновенность» и «неприкосновенность личности». Ряд российских ученых-юристов придерживаются той позиции, что принятие термина «личная неприкосновенность» будет больше способствовать усвоению национальным законодательством содержания международных стандартов в данном вопросе. Л. Н. Анисимов пишет, что «российский законодатель, ориентируясь на международные стандарты в сфере прав человека, последовательно приводит юридический понятийный аппарат правовой системы Российской Федерации в соответствие с подобной терминологией мирового сообщества. Использование норм международного права в национальном законодательстве имеет не только правовое, но и политическое значение, поскольку единообразное понимание и строгое соблюдение международных стандартов о правах человека является важной предпосылкой гармоничного внутривнутриполитического развития государства, фактором цивилизованного международного общения» [3, с. 115]. И. В. Балашкина предлагает во многом поддерживаемую нами позицию о том, что «личная неприкосновенность по своей сущности означает правовой режим, основу взаимоотношений между личностью и обществом, гражданином и государством: этот режим исключает необоснованное стеснение, ущемление прав и свобод индивидов» [4, с. 57]. Г.Т. Овадюк, что «права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства, что конституционные права и свободы обеспечиваются государством и не могут быть упразднены» [5, с. 25] и др.

В противовес этому мнению существует взгляд о приоритете более широкого содержания понятия «неприкосновенность личности», которое является устоявшимся на протяжении многих десятков лет. Как указывает Г.Б. Романовский «в модели «личная неприкосновенность» заложен важнейший институт естественного права, содержащий идею о неразрывной связи и взаимообусловленности основных прав и свобод личности: права на жизнь, свободу, уважение чести и достоинства, на невмешательство в личную жизнь, личную и семейную тайну, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства и так далее. Личную неприкосновенность и другие естественные права человека принято относить к числу священных в виду их особой значимости. Именно они провозглашены как основа конституционного статуса личности» [6, с. 359]. В.А. Иванов называет «неприкосновенность личности» как «свободное, не зависящее от чьей-либо воли состояние гражданина, при котором он может по своему усмотрению реализовать принадлежащие ему права и исполнять возложенные на него обязанности» [7, с. 55–56]. Б. А. Кистяковский рассматривал неприкосновенность личности как «законные рамки для полномочий органов власти

по пресечению нарушений законов в правовом государстве» [8, с. 561]. «Правовой формой опосредования личной неприкосновенности, утверждает О.Е. Кутафин, выступает право граждан на личную неприкосновенность, а также нормы целого ряда отраслей российского права, составляющего в совокупности правовой институт неприкосновенности личности» [9, с. 119].

Вместе с тем, окончательная точка в данной дискуссии так и не поставлена. Широкое определение понятия неприкосновенности личности, по мнению некоторых ученых-юристов, охватывает и защиту от противоправных посягательств иных граждан, и защиту от причинения иного вреда здоровью. Так Л. Д. Воеводин видит здесь две стороны: гарантию от преступных посягательств и защиту от неправомерных арестов и задержаний [10, с. 291 – 292]. Такого же мнения придерживается и Л. А. Григорян, который, говоря о более широком толковании, считает, что неприкосновенность личности предполагает «защиту человека не только от незаконных и необоснованных арестов и задержаний, но и от всяких неправомерных посягательств на его свободу, жизнь, здоровье, имущество, честь и достоинство» [11, с. 34]. В. А. Патюлин трактует неприкосновенность личности в широком смысле, как «фактически складывающуюся и обеспечиваемую ... возможность личности располагать собой, охрану и защиту ее жизни, здоровья, индивидуальной свободы и безопасности, чести и достоинства во взаимоотношениях должностных лиц и граждан, а также граждан между собой» [12, с. 161]. И. Л. Петрухин отмечал: «Заключенные под стражу должны содержаться в условиях, исключающих возможность причинения вреда их здоровью ... Следует уважать и личную неприкосновенность, нарушение которой не сопряжено с угрозой для жизни или здоровья (половая неприкосновенность; неприкосновенность, связанная с чувством стыдливости; неприкосновенность в буквально бытовом смысле слова)», поясняя, что «физическая неприкосновенность в бытовом смысле слова опирается на нравственные нормы, требующие, чтобы к личности относились с должным уважением, не допускали фамильярности, не предпринимали ничего, что было бы неприятно, нежелательно» [13, с. 349–350].

Особого интереса заслуживает мнение отдельных авторов о включении в содержание неприкосновенности личности такого структурного элемента, как личная безопасность, о чем говорил, например, А. В. Мингес [14, с.5], по мнению А.С. Прудникова, при личной безопасности «совокупность общественных отношений направлена на защиту конкретной жизни, здоровья, телесной неприкосновенности и свободы человека и гражданина от противоправных насильственных посягательств, совершаемых с применением или попыткой применения насилия либо с угрозой таковых, а безопасность личности предполагает неопределенный круг лиц» [15, с. 24], однако данные утверждения не нашли

дальнейшей теоретической разработки, и на наш взгляд, существенно ограничили научные осмысления содержания неприкосновенности личности. Тем не менее, вопросы понятия и содержания личной безопасности имеют уже определенную теоретическую проработку в иных исследованиях.

С учетом вышеобозначенных позиций широкой палитрой мнений было отмечено и право на неприкосновенность личности. Определение данного права включает и узкопроцессуальное, данное Н. И. Матузовым в духе *Habeas corpus act*: право на неприкосновенность личности означает, что никто не может быть подвергнут аресту и лишен свободы без санкции прокурора или постановления суда. Граждане вправе требовать от соответствующих должностных лиц и органов законного разрешения на арест и от всех прочих граждан – воздержания от посягательства на свою свободу, привлечения к ответственности тех, кто нарушил это его право или не считается с ним [16, с. 161]. Также данное право рассматривалось Ф. М. Рудинским как право на защиту лица от любых противоправных посягательств на его личную безопасность: «неприкосновенность личности представляет собой субъективное право каждого гражданина на государственную охрану и защиту от неправомерных посягательств кого бы то ни было на его личную безопасность» [17, с. 70].

Со временем благодаря научным трудам С. Л. Лысенкова в которых он писал, что «в содержание данного права входят: право на правовую защиту со стороны государственных органов и общественных организаций; право на личную свободу и безопасность; недопустимость противоправного ограничения свободы, физической и нравственной неприкосновенности» [18, с. 30], Н. И. Матузова который отмечал, что «принадлежащее субъекту право (как вид и мера его возможного поведения) зависит в известных пределах от его воли и сознания, личного желания и усмотрения особенно в смысле использования» [19, с. 105], А. А. Опалевой, которая считает «право на личную неприкосновенность может быть рассмотрено как единство четырех правомочий личности: возможность быть огражденной от незаконного ограничения физической неприкосновенности, индивидуальной свободы психической и нравственной неприкосновенности личности (недопустимость такого ограничения); возможность беспрепятственно пользоваться свободой от неправомерных посягательств на личную неприкосновенность; возможность требовать от других лиц не нарушать ее неприкосновенность; возможность прибегать к государственной защите в случае посягательств на ее неприкосновенность» [20, с. 89] и др. неприкосновенность личности была структурирована посредством формулирования ряда ее составляющих: права на физическую неприкосновенность, права на нравственную неприкосновенность, права на психическую неприкосновенность, права на индивидуальную свободу,

права на личную безопасность. Но названная позиция всеобщей поддержки не получила.

Кроме того, следует отметить, что не получили научной проработки и вопросы о соотношении содержания неприкосновенности личности с иными личными правами: правом на жизнь, правом на неприкосновенность личной жизни, правом на неприкосновенность достоинства личности, правом на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, неприкосновенность жилища иных законных владений.

В результате проведенного исследования представляется, что по сравнению с термином «личная неприкосновенность» термин «неприкосновенность личности» в широком смысле охватывает весь комплекс личных прав. «Личная неприкосновенность», на наш взгляд, является составным элементом «неприкосновенности личности», поэтому употребление понятия «личная неприкосновенность» как синонима «неприкосновенности личности» является не совсем точным.

С точки зрения обязанностей государства и иных субъектов правоотношений неприкосновенность личности, на наш взгляд, включает два основных элемента: невмешательство и защищенность. Защищенность, в свою очередь, предусматривает охрану и защиту неприкосновенности личности.

Определение понятия неприкосновенности личности также не имеет однозначной трактовки, представляется, что:

неприкосновенность личности, в узком смысле – это институт конституционного права, закрепляющий право личности на правовую охрану и защиту со стороны государственных органов, должностных лиц, на личную свободу и безопасность, на гарантии от незаконного заключения под стражу или арестов, на неприкосновенность личной жизни;

под неприкосновенностью личности в широком смысле понимается установленный государством, регулируемый комплекс отношений, позволяющий личности реализовать права, свободы, а также право на защиту и право на собственные действия по обеспечению неприкосновенности личности, право требовать соблюдения неприкосновенности и восстановления нарушенных прав.

На наш взгляд, содержание термина «неприкосновенность личности» охватывает широкий круг отношений. К ним относятся: физическая неприкосновенность; нравственная; психическая; индивидуальная свобода личности. В отношении социальной жизни речь идет обо всем комплексе личных прав и свобод человека, гарантированных государством. Суть понятия «неприкосновенность личности» включает также возможность требовать от других субъектов не нарушения такого права, равно как и права на собственные действия по обеспечению своей неприкосновенности и права на обращение за защитой в государственные органы в случае ее нарушения.

Список использованных источников

1. Монтескье, Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье ; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М. : Госполитиздат, 1955. – 800 с.
2. Селихова, О. Г. Конституционно-правовые проблемы осуществления права индивидов на свободу и личную неприкосновенность : дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.02 / О. Г. Селихова. – Саратов, 2002. – 220 л.
3. Анисимов, Л. Н. Имплементация норм международного права в национальное законодательство / Л. Н. Анисимов // Международное право в современном мире : [сб. ст.] / отв. ред. Ю. М. Колосов. – М., 1991. – С. 115–119.
4. Балашкина, И. В. Право на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И. В. Балашкина. – М., 2007. – 187 л.
5. Овадюк, Г. Т. Конституционное право на личную неприкосновенность человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Г. Т. Овадюк. – М., 2006. – 191 л.
6. Романовский, Г. Б. Способы нормативного закрепления естественных прав человека / Г. Б. Романовский // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : в 2 т. / Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 359–361.
7. Иванов, В.А. Гарантии прав личности в сфере административного принуждения / В.А. Иванов // Совет. государство и право. – 1972. – № 8. – С. 55–56.
8. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право : очерки по методологии соц. наук и общ. теории права / Б. А. Кистяковский. – М. : М. и С. Сабашниковы, 1916. – IV, 704 с.
9. Кутафин, О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации / О. Е. Кутафин. – М. : Юристъ, 2004. – 407 с. – (Res cottidiana).
10. Воеводин, Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан / Л. Д. Воеводин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 300 с.
11. Григорян, Л. А. Неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки и телефонных переговоров / Л. А. Григорян. – М. : Знание, 1980. –
12. Патюлин, В. А. Государство и личность в СССР: правовые аспекты взаимоотношений / В. А. Патюлин. – М. : Наука, 1974. – 246 с.
13. Петрухин, И. Л. Человек и власть: в сфере борьбы с преступностью / И. Л. Петрухин. – М. : Юристъ, 1999. – 391 с.
14. Мингес, А. В. Реализация конституционного права на неприкосновенность личности в сфере специального административного пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. В. Мингес ; Свердл. юрид. ин-т. – Свердловск, 1990. – 18 с.

15. Прудников, А. С. Безопасность личности и ее обеспечение органами внутренних дел: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. С. Прудников ; Юрид. ин-т МВД России. – М., 1999. – 38 с.

16. Матузов, Н. И. Личность, права, демократия : теорет. проблемы субъектив. права / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. – 292 с.

17. Рудинский, Ф. М. Личность и социалистическая законность : учеб. пособие / Ф. М. Рудинский. – Волгоград : Высш. следств. шк. МВД СССР, 1976. – 159 с.

18. Лысенков, С. Л. Развитие правового статуса советских граждан в Конституции СССР 1977 года и задачи органов внутренних дел по обеспечении его реализации : учеб. пособие / С. Л. Лысенков. – Киев : Киев. высш. шк. МВД СССР, 1980. – 54 с.

19. Матузов, Н. И. К делению права на объективное и субъективное / Н. И. Матузов // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1971. – № 2. – С. 103–111.

20. Опалева, А. А. Институт личной неприкосновенности: теоретико-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Опалева. – М., 2008. – 457 л.

The article deals with the issues of freedom, inviolability, and dignity of the individual. The article contains the analysis of various aspects in the definition of security of person in the constitutional law, the content of the term "security of person", the author's definition of integrity as a broad and narrow sense.

УДК 343.137.2

Н. В. Машинская

канд. юрид. наук, доц.

Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В.Ломоносова

А. Г. Никитин

Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В.Ломоносова

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

На основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также мнений различных авторов, формулируется вывод о необходимости совершенствования законодательного регулирования дознания в сокращенной форме. Отправным моментом реформирования должно стать соответствие упрощенной процедуры требованиям доказательственного права, а также принципам уголовного судопроизводства, обеспечивающим права его участников.

Несмотря на имеющиеся в юридической литературе дискуссии о необходимости создания единой системы следственных органов, современное досудебное производство остается дифференцированным на предварительное следствие и дознание. В последние годы законодатель активно включал в УПК РФ правовые институты, отвечающие требованиям процессуальной экономии. Одним из таких примеров является производство дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ).

Учитывая неоднозначность избранного государством направления уголовно-процессуальной политики, в юридической литературе развернулись дискуссии относительно проблем законодательной регламентации производства дознания вообще, и производства дознания в сокращенной форме, в частности.

В силу схожести процедуры дознания с предварительным следствием, авторы называют дознание упрощенным вариантом предварительного следствия или предварительное следствие именуют квалифицированным дознанием [11, с.9]. Однако при существующем формализованном подходе регламентирования производства дознания, оно вряд ли может признаваться упрощенным вариантом предварительного расследования. Так, Т.К. Рябина справедливо отмечает, что существующее законодательное регулирование дознания в сокращенной форме не позволяет эффективно использовать возможности оперативно-розыскной деятельности, существенно забюрократизировано. Такое регулирование не способно обеспечить производство дознания в сокращенные сроки, что в итоге не отвечает замыслу законодателя и ожиданиям правоприменителей. Учитывая сложившуюся ситуацию, автор предлагает использовать в реформировании современного дознания опыт судебной реформы XIX в., а также модели досудебного производства отдельных зарубежных стран [17, с.44–48].

Встречаются и другие предложения по реформированию процедуры дознания. Все подходы можно дифференцировать на две группы: 1) сохранить дознание как самостоятельную форму предварительного расследования, откорректировав ее процедуру [10, с. 13–14; 14, с.67; 15, с.25–27;]; 2) исключить дознание и считать предварительное следствие единственной формой предварительного расследования [5, с.41; 7, с.52; 8, с.83-84; 13, с.17–20]. Определенной оригинальностью обладает предложение А.Л. Оболкиной, которая считает, что дознание может существовать только в виде проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении и в виде ускоренного производства по преступлениям небольшой и средней тяжести [16, с.9]. Наряду с высказанными предложениями активно обсуждался вопрос о включении вместо дознания в УПК РФ процедуры подобной протокольной форме досудебной подготовки материалов, известной УПК РСФСР [1, с.40; 4, с.3–4; 9, с.12; 14, с.64].

Однако законодатель пошел по иному пути и Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ включил в УПК РФ дознание в сокращенной форме. С принятием указанной процедуры научная полемика еще более обострилась. Так, Т.К. Рябинина считает, что новая процедура не направлена на упрощение дознания, поскольку дознаватель вынужден в краткий срок (15 суток) выполнить ряд необходимых процессуальных действий, связанных с расследованием преступления и надлежащим обеспечением прав потерпевшего, подозреваемого, а также других участников процесса [17, с.44–48]. Таким образом, вместо достижения цели сокращения сроков производства дознания, законодатель включил в УПК РФ еще одну достаточно формализованную процедуру, которая способна подорвать качество производства по уголовным делам. Аналогичное мнение высказывают А.А. Белавин и С.А. Бочинин [2, с.12–17]. Еще более парадоксальная ситуация наблюдается при продлении прокурором сроков производства дознания в порядке ч.9 ст. 226.7 УПК РФ до 20 суток. Как следует из указанной нормы, срок дознания может быть продлен лишь на 5 суток, в течение которых дознавателю предстоит выполнить все следственные и процессуальные действия, связанные с заявленными сторонами ходатайствами, составить обвинительное постановление, а также вновь ознакомить участников предварительного расследования с материалами дела и с итоговым процессуальным документом, после чего рассмотреть и разрешить вновь заявленные ходатайства сторон, направить уголовное дело прокурору. В этой связи не исключена ситуация, при которой дознаватели будут вынуждены переходить к производству дознания в общем порядке, что нивелирует усилия законодателя по ускорению досудебного производства, а также лишает сторону защиты возможности реализовать свое право на применение более мягкого уголовного закона [6, с.47–49].

Другие авторы правомерно задаются вопросом о пределах упрощения производства по уголовному делу. Так, Т.В. Трубникова придерживается мнения о необходимости выработки критериев упрощения производства по уголовным делам. По мнению автора, критерием упрощения должно выступать надлежащая реализация участниками уголовного судопроизводства права на судебную защиту [18, с. 131–139].

Реализация права на судебную защиту в полном объеме возможна только тогда, когда суд непосредственно и устно исследовал все обстоятельства дела, заслушал позицию сторон, разрешил ходатайства и заявления, поступившие от участников процесса. Именно такой порядок гарантирует принятие правосудного решения по уголовному делу. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ приговор по делу, расследованному дознавателем в сокращенной форме, выносится на основании исследования

и оценки только тех доказательств, которые изложены в обвинительном постановлении. Помимо этого, в судебном разбирательстве допускается представление стороной защиты дополнительных сведений о личности подсудимого. В этой связи оправданной критике подвергается законодательное регламентирование доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. В соответствии с ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. В то же время, ст. 73 УПК РФ обязывает дознавателя устанавливать и другие обстоятельства совершенного деяния. Таким образом, законодатель предусмотрел «усеченный» предмет доказывания при проведении дознания в сокращенной форме. Причем в указанной процедуре дознаватель освобожден от необходимости устанавливать обстоятельства, характеризующие личность виновного, смягчающие и отягчающие наказание, что в соответствии с общими началами назначения наказания учитывается судом при вынесении приговора (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Восполнить указанные пробелы в ходе судебного разбирательства представляется весьма сомнительным. Реализация такой возможности обвиняемым, требует тщательного разъяснения указанного права в стадии предварительного расследования, однако напрямую соответствующая обязанность на дознавателя законом не возложена. Остается рассчитывать на то, что должностное лицо будет действовать в соответствии с принципом, закрепленным в ст. 11 УПК РФ. Как показывает практика, подавляющее большинство уголовных дел расследуются и рассматриваются в судах с участием защитников по назначению, в условиях постоянной замены одного другим, при которой адвокат, участвовавший в ходе дознания, далеко не всегда оказывает юридическую помощь в суде. Сложившаяся практика существенно снижает гарантии реализации прав подзащитных. В итоге складывается ситуация, при которой обвиняемый может даже не знать, что имеет право (возможность) предоставить суду какие-либо дополнительные документы, что повышает вероятность постановления несправедливого приговора.

Кроме того, ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ предписывает дознавателю совершать только те следственные и иные процессуальные действия, неисполнение которых может повлечь за собой невозможность установления следов преступления или иных доказательств. А ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ позволяет дознавателю: не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение

для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам проверки сообщения о преступлении (за исключением случаев, когда необходимо установить дополнительные имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства или проверить выводы специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, или когда имеются предусмотренные ст. 196 УПК РФ основания для обязательного назначения судебной экспертизы); не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Таким образом, как справедливо заметил О.Л. Васильев, может оказаться, что все расследование будет проведено до возбуждения уголовного дела. А если на стадии его возбуждения доказательства не собирались, то дознавателю остается своими следственными действиями зафиксировать лишь невосполнимые следы преступления (по всей видимости, только провести осмотр места происшествия) [3, с. 100–108]. В этой связи автор обоснованно резюмирует: «при этом в качестве основного, неоспоримого и, безусловно, относимого, допустимого, достаточного и достоверного доказательства в деле будет фигурировать лишь полное признание подозреваемым вменяемого ему в вину деяния» [3, с. 100–108], что противоречит ч.2 ст. 77 УПК РФ. Разделяя указанное мнение, В.А. Лазарева В.А. и С.А. Шейфер пишут: «...законодатель разрушает десятилетиями формировавшееся представление о допустимом доказательстве как доказательстве, полученном в строгой процессуальной форме, фактически ликвидирует институт допустимости доказательств, а с ним и саму процессуальную форму, не создавая притом иного механизма, обеспечивающего как права личности, так и достоверность предлагаемой в качестве доказательства информации» [12, с. 16–21].

Позволяя осудить лицо в указанном порядке, законодатель одновременно запрещает обжаловать приговор в части его обоснованности (ч. 1 ст. 226.9 и ст. 317 УПК РФ). Такой порядок существенно снижает право граждан на судебную защиту. В целом, соглашаясь с идеей о необходимости применять в современной уголовно-процессуальной практике сокращенные производства, следует заметить, что указанные процедуры должны допускаться лишь при наличии следующих условий: 1) проводиться по ограниченному кругу уголовных дел; 2) признание подозреваемым свой

вины не должно исключать необходимости собирать другие доказательства; 3) суд должен проводить судебное разбирательство в общем порядке, предоставляя реальную возможность реализовать сторонам право на судебную защиту.

Помимо высказанных выше замечаний, законодательное регулирование производства дознания в сокращенной форме вызывает и другие нарекания. Как установлено в п. 2 ч.2 ст. 226.1 УПК РФ указанная процедура возможна при признании подозреваемым своей вины, обстоятельств, связанных с причинением преступлением вреда, а также если он не оспаривает юридическую оценку деяния. В то же время, ч. 1 ст. 226.9 УПК РФ предписывает рассмотрение уголовного дела в особом порядке. Однако в соответствии с главой 40 УПК РФ обвиняемый должен согласиться с предъявленным обвинением, а не признавать свою вину. Как отмечают авторы, в контексте принципа презумпции невиновности обвиняемого наблюдается существенная разница между признанием вины и согласием с обвинением [6, с. 47–49].

Таким образом, существующее законодательное регулирование производства дознания в сокращенной форме в силу его противоречивости не обеспечивает замысла законодателя по осуществлению эффективного предварительного расследования в краткие сроки. Разнообразие мнений авторов о направлении совершенствования законодательства в сфере производства дознания свидетельствует об отсутствии сформировавшейся в теории уголовного судопроизводства концептуальной модели его развития. Представляется, что реформирование дознания в сокращенной форме должно происходить при одновременном усилении гарантий прав граждан за счет приведения в соответствие уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство дознания в сокращенной форме правилам доказывания, а также принципам уголовного судопроизводства, гарантирующим права его участников.

Список использованных источников

1. Бекетов, М. Дознание: история и перспективы / Бекетов М. // Уголовное право. – 2008. – № 4.
2. Белавин, А. А., Бочинин, С. А. Проблемы сокращенной формы дознания / А. А. Белавин, С. А. Бочинин. // Российский следователь. – 2016. – № 13.
3. Васильев, О. Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. / О. Л. Васильев // Закон. – 2013. – № 8.
4. Гуляев, А. П. Концепция реформирования предварительного расследования преступления / А. П. Гуляев // Российский следователь. – 2012. – № 11.

5. Зинатуллин, З. З. Досудебному производству по уголовным делам – надлежащее правовое регулирование / З. З. Зинатуллин // Российская юстиция. – 2011. – № 1.

6. Ковтун, Н. Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования/ Н.Н. Ковтун // Российская юстиция. – 2013. – № 12.

7. Колоколов, Н. А. Укрепление власти следственной / Н. А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2007. – № 7.

8. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Под ред. С. А. Пашина. М.: Республика, 1992. – 110с.

9. Коомбаев, А. А. О некоторых направлениях совершенствования досудебного производства по уголовным делам: теория и практика / А. А. Коомбаев // Российский следователь. – 2012. – № 2.

10. Корниенко, В. Т. Предварительное следствие и состязательный судебный процесс в Российской Федерации: конфликт интересов / Корниенко В. Т. // Российский судья. – 2008. – № 4.

11. Королев, Г. Реорганизация досудебного производства: проблемы и перспективы / Г. Королев // Законность. - 2008. - № 1.

12. Лазарева, В. А., Шейфер, С. А. О понятии доказательства в связи с особенностями дознания, проводимого в сокращенной форме / В. А. Лазарева, С. А. Шейфер // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 5.

13. Малышева, О. А. К вопросу о совершенствовании правового регулирования досудебного производства по уголовным делам / О. А. Малышева // Российский судья. – 2008. – № 4.

14. Махов, В. Реформа досудебного производства в уголовном процессе России необходима / В. Махов // Уголовное право. – 2004. – № 4.

15. Мичурина, О. В. О перспективах совершенствования института дознания / О. В. Мичурина // Адвокатская практика. – 2008. – № 2.

16. Оболкина, А. Л. Модели предварительного (досудебного) производства по уголовным делам: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, – 2005. – 3 с.

17. Рябинина, Т. К. Дознание – самостоятельная форма досудебного производства / Т. К. Рябинина // Российский следователь. – 2013. – № 19.

18. Трубникова, Т. В. Пределы упрощения уголовного процесса / Т. В. Трубникова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12.

On the basis of the analysis of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the opinions of various authors, a conclusion is formulated on the need to improve the legislative regulation of inquiry in an abridged form. The starting point of the reform should be the compliance of the simplified procedure with the requirements of evidence, as well as the principles of criminal proceedings, ensuring the rights of its participants.

Д. И. Михайлов

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВА НА ОСПАРИВАНИЕ И ФАКТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ

В данной статье анализируются проблемы, которые могут возникнуть в связи с законодательным закреплением правила, ограничивающего право на оспаривание сделок, а также на иск о признании договора незаключенным для принявшей исполнение стороны, в зависимости от степени добросовестности предшествующего поведения всех участников сделки.

Проектом изменений подраздела 2 раздела 3 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года (далее ГК) предусматривается, в частности, ряд правил, направленных на имплементацию в систему гражданского права Беларуси принципа «эстоппель», сформировавшегося в рамках англо-саксонской правовой системы [1; 2]. Сущность принципа «эстоппель» (от англ. estop – «лишать права выдвигать возражения») заключается в том, что лицо лишается права заявлять о юридически значимых фактах, а также пользоваться принадлежащим ему правом вопреки своему предшествующему поведению [1; 2]. Данным законопроектом предусмотрена норма (ст. 401-1 ГК), согласно которой принявшая исполнение сторона оспоримого недействительного договора, заключенного при осуществлении предпринимательской деятельности, утрачивает право на его оспаривание и применение последствий недействительности, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям, предусмотренным статьями 174, 179 и 180 ГК [3]. При этом условиями применения указанного правоограничения являются:

- полное или частичное неисполнение оспоримого договора стороной, намеревающейся оспорить его в суде;
- отсутствие заведомо недобросовестных действий стороны, осуществляющей исполнение оспоримого договора.

В соответствии с другой нормой указанного законопроекта, основанных на этом принципе, лицо, принявшее исполнение по незаключенному договору при осуществлении предпринимательской деятельности, утрачивает право на иск о признании соответствующего договора незаключенным при условии, если такое требование будет противоречить принципам добросовестности и разумности.

Данное правило нашло отражение в п. 3 ст. 401-2 редакции ГК, которую предполагается сформировать в соответствии с ст. 135 проекта Закона о внесении изменений в кодексы Республики Беларусь [3]. Аналогичное правило ранее было закреплено в п. 3 ст. 432 Части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако данной нормой ГК России ограничение права на оспаривание факта заключения договора поставлено в зависимость от добросовестности его реализации, но не от разумности. Основным целевым назначением правила п. 3 ст. 401-2 ГК является стимулирование сохранения договорных отношений, особенно в случаях неэквивалентного исполнения договоров, существенные условия которых не согласованы, но могут быть подтверждены с той или иной степенью достоверности посредством доказательств, определенных ст. 163 ГК.

Целью данной работы является анализ возможных неблагоприятных последствий законодательного закрепления норм, устраняющих право участника сделки, принявшего исполнение, на защиту его интересов посредством признания недействительности оспоримой сделки, применения последствий ее недействительности, а также устраняющих право на защиту интересов стороны договора посредством заявления требования о признании договора незаключенным.

Законодательное закрепление вышеуказанных норм, основанных на принципе «эстоппель», значительно осложнит защиту интересов ряда категорий субъектов имущественно-стоимостных отношений. К данным субъектам следует отнести, прежде всего, кредиторов экономически несостоятельного должника, чьи интересы будет сложнее защитить посредством оспаривания антикризисным управляющим неблагоприятных сделок должника и участников (акционеров) хозяйственных обществ, защита интересов которых посредством оспаривания крупных сделок и сделок с заинтересованностью аффилированных лиц также будет осложнена.

Оспаривание антикризисным управляющим неблагоприятных оспоримых сделок должника будет осложнено рассматриваемым запретом «эстоппель», главным образом, в связи со значительной сложностью доказывания факта недобросовестности предоставления исполнения контрагентом организации-должника по неблагоприятной сделке, совершенной в преддверии банкротства. Правила ст. 109 и 110 Закона о банкротстве предусматривают в качестве составляющих оснований для оспаривания неблагоприятных сделок должника факт осведомленности контрагента об увеличении неплатежеспособности должника в результате исполнения сделки или о заведомой неэквивалентности обязательств сторон [4, с.76–80]. Доказанный факт осведомленности контрагента может быть интерпретирован как обстоятельство, подтверждающее заведомую недобросовестность предоставления исполнения с его стороны.

Исключением являются оспоримые сделки, совершенные за 6 месяцев до возбуждения дела о банкротстве и направленные на предпочтительное удовлетворение требований одних кредиторов перед другими (абз.2 ч.1 ст. 109 Закона о банкротстве). Заключая, например, договор поставки, с условием о предоплате всех партий товаров, принимая при этом соответствующую предоплату и поставляя первую партию товара, поставщик может добросовестно заблуждаться относительно степени платежеспособности покупателя.

Аналогично правилам об оспоримых сделках несостоятельного должника на специфике волеизъявления юридических лиц основаны нормы Закона от 9 декабря 1992 «О хозяйственных обществах» о сделках с заинтересованностью аффилированных лиц и крупных сделках, а также правило ст. 175 ГК об оспоримых сделках с превышением полномочий органа управления юридического лица и представителя.

Законодательное закрепление запрета на оспаривание сделок принявшей исполнение стороной поставит защиту интересов хозяйственного общества, нарушенных неблагоприятными последствиями сделок с заинтересованностью, в зависимость от доказывания факта недобросовестного предоставления исполнения со стороны контрагентов по таким сделкам. В этом случае вероятность доказывания будет зависеть от типа и степени взаимосвязи между контрагентом общества и его аффилированным лицом. Если контрагентом общества по неблагоприятной сделке будет выступать само аффилированное лицо и оно, в силу своих полномочий, будет предположительно осведомлено о неблагоприятности сделки для общества, то доказывание заведомой недобросовестности предоставления исполнения таким контрагентом существенно не осложнит процессуального положения истца. Доказывание факта заведомой недобросовестности принятия исполнения контрагентом общества по сделке с заинтересованностью существенно осложнится в случае, если в качестве такового выступит юридическое лицо, значимым участником будет являться организация-аффилированное лицо общества. В этом случае субъекту, оспаривающему сделку с заинтересованностью, потребуется доказывание следующих фактов:

- осведомленности организации-контрагента об участии одного из его участников в уставном фонде хозяйственного общества;
- неодобрения сделки с заинтересованностью высшим или наблюдательным органом общества;
- угрозы возникновения неблагоприятных для общества последствий исполнения сделки.

Закрепленное в итоговом варианте рассматриваемого законопроекта ограничение права на оспаривание недействительных договоров

значительно усложнит защиту интересов хозяйственного общества, нарушенных совершением неблагоприятной для него крупной сделки, в отсутствие одобрения ее высшим органом. Это будет обусловлено тем, что доказывание факта осведомленности контрагента значительно осложнится, в сравнении со сделками с заинтересованностью, по причине отсутствия взаимосвязи между обществом и его контрагентом. Контрагент общества по крупной сделке не обязан запрашивать информацию о соотношении суммы данной сделки и стоимости активов хозяйственного общества на момент ее совершения. При этом именно для крупных сделок вероятность неполного встречного исполнения со стороны добросовестного хозяйственного общества исключительно высока именно по причине значительного объема денежного обязательства и (или) суммы денежного обязательства.

Аналогичным образом осложнится также оспаривание сделок, совершенных исполнительным органом любого юридического лица с превышением его уставных полномочий, то есть не одобренных высшим или наблюдательным органами данного лица в случаях, прямо предусмотренных в его уставе. Доказывание факта заведомой недобросовестности предоставления исполнения противоположной стороной при этом будет означать доказывание фактов ознакомления контрагента с уставом юридического лица и получения им информации о неодобрении (ненадлежащем одобрении) сделки.

Таким образом, запрет оспаривания сделок принявшим исполнение субъектом значительно усложняет или исключает защиту интересов юридических лиц и их участников, несмотря на то, что заключение недействительных сделок, а также принятие их исполнения обусловлено недобросовестными действиями руководителей и, возможно, отдельных участников.

В другой из названных ранее норм (п. 3 ст. 401-2 проекта изменений ГК), предлагаемой к законодательному закреплению, предусмотрено ограничение права на иск о признании договора незаключенным [3]. Прекращение данного права ставится в зависимость от соответствия его реализации принявшей исполнение стороной принципу добросовестности и разумности [3]. В проекте рассматриваемой нормы об ограничении права на оспаривание факта заключения договора закрепление отсылки к принципу добросовестности и разумности не обусловлено аналогией права. Такая отсылка является способом преодоления ряда значимых проблем, которые могут возникнуть при прекращении права субъекта предпринимательской деятельности на иск о признании незаключенным договора, полностью или частично исполненного в пользу данного субъекта.

Согласно мнению А.А. Чукреева, принцип добросовестности означает обязанность участника гражданских правоотношений при реализации своих

прав заботиться о соблюдении прав и законных интересов других участников [5, с.100–104]. Исходя из этой точки зрения, принцип добросовестности и разумности как раз и предназначен для ограничения права на оспаривание факта заключения договора, исходя из степени соблюдения интересов обеих сторон. В то же время, в отсутствие надлежащего согласования условия о предмете, принятие исполнения может быть обусловлено как добросовестным, так и недобросовестным поведением принимающей стороны. При этом соответствие действий принимающего исполнение субъекта принципу разумности во многом будет зависеть от того, являются ли эти действия добросовестными или нет.

Однако оценка соответствия данному принципу не действий по принятию исполнения, а исковых требований о признании договора незаключенным, порождает большую правовую неопределенность в квалификации поведения принявшей исполнение стороны. Предъявление иска о признании договора незаключенным стороной принявшей его исполнение, может соответствовать принципу добросовестности и разумности в зависимости от ряда факторов:

- вида предполагаемого сторонами договорного обязательства;
- сущности согласованных условий заключаемого договора;
- степени несогласованности существенного условия договора, а также наличия письменных доказательств, позволяющих в минимально достаточной степени восполнить данную несогласованность;
- степени исполнения договора, которая может быть подтверждена в аспекте количественной составляющей правоотношения как применительно к предполагаемому сторонами обязательству, так и в отношении его аналогов;
- соотношения неблагоприятных экономических последствий, которые возникнут у обеих сторон в результате исполнения договора, с одной стороны, и признания договора незаключенным – с другой;
- степени добросовестности действий стороны, принявшей исполнение по незаключенному договору.

Само по себе наличие такого количества факторов, которые могут не только соответствовать, но также противоречить друг другу, с точки зрения степени соответствия принципу добросовестности и разумности (его составляющим), представляет собой сложнейшую задачу для правоприменителя. Однако данная задача будет дополнительно осложнена производным характером применения принципа добросовестности и разумности. Установление несоответствия реализации права на иск о признании договора незаключенным принципу добросовестности и разумности будет зависеть от соответствия тому же принципу действий обладателя данного права по принятию исполнения по договору лишь

отчасти. При этом добросовестность и разумность действий по принятию исполнения по незаключенному договору может исключить недобросовестность и (или) неразумность реализации права на иск о признании договора незаключенным только в зависимости от иных, вышеперечисленных факторов. В этой связи следует отличать прямое действие принципов гражданского права, в том числе принципа добросовестности и разумности, при регламентации отношений, носящих заведомо оценочный характер, а также тех, которые наделены оценочными свойствами той или иной правовой нормой. Как справедливо отмечает Н. Л. Бондаренко, использовать основные начала гражданского законодательства, закрепленные в ст. 2 ГК Республики Беларусь, следует не только в случаях применения аналогии права, но и в качестве самостоятельного регулирующего компонента гражданско-правового регулирования [6, с.47–48].

Анализ прогнозируемых последствий законодательного закрепления правил, запрещающих принявшей исполнение стороне требовать признания недействительности сделки или признания договора незаключенным, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Закрепление указанного правоограничения поставит оспаривание управляющим неблагоприятных сделок несостоятельного должника, совершенных в преддверии банкротства, в зависимость от доказывания факта осведомленности (недобросовестности) контрагента, что существенно усложнит, например, оспаривание договоров, направленных на предпочтительное удовлетворение денежных требований одних кредиторов перед другими.

2. Внесение рассмотренных изменений в ГК существенно усложнит защиту интересов юридических лиц, руководители которых действовали в ущерб их интересам как на момент совершения сделок с превышением полномочий, так и на момент принятия их исполнения.

3. Для разрешения означенных проблем следует усовершенствовать указанные правила по следующим направлениям:

– установление запретов на признание недействительности сделки и реституцию по инициативе принявшей исполнение стороны в зависимости не только от заведомой недобросовестности передающей имущество стороны, но также от степени добросовестности принимающей исполнение стороны;

– ограничение действия данного правила в отношении неблагоприятных оспоримых сделок несостоятельного должника посредством изъятий из презумпции добросовестности контрагентов несостоятельного субъекта по таким сделкам.

4. Не отрицая роли принципов гражданского права, в том числе, добросовестности и разумности, в качестве самостоятельного регулятивного

компонента следует признать, что возможная конкретизация условий прекращения права на иск о признании договора незаключенным, соответствующих принципу добросовестности и разумности, позволит минимизировать рассмотренные проблемы при реализации данного права на основании принципа «эстоппель».

Список использованных источников

1. О Словаре юридической терминологии для государств – участников МПА СНГ: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества независимых государств от 23 ноября 2012 г. № 38-23// Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 20.04.2020.

2. Белявский, С.Ч. Обзор планируемых к принятию новелл Гражданского кодекса Республики Беларусь// Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 20.04.2020.

3. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь: проект Закона Республики Беларусь. – Режим доступа: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf – Дата доступа: 20.04.2020.

4. Михайлов, Д.И. Сделки с заинтересованностью в отношении должника, влекущие причинение ущерба его кредиторам/ Д.И. Михайлов// Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2013. – № 2. – С. 73 – 81.

5. Чукреев, А. А. Добросовестность в системе принципов гражданского права/ А.А. Чукреев //Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 100 – 104.

6. Бондаренко, Н. Л. О роли принципов гражданского права в нормотворческой и правоприменительной деятельности: постановка проблемы// Юридический журнал. – 2005. – №1. – С. 45 – 48.

This article analyzes the problems that may arise in connection with the legislative consolidation of the rule that restricts the right to challenge transactions, as well as to claim that the contract is not concluded for the party that accepted the execution, depending on the degree of good faith of the previous behavior of all participants in the transaction.

Л. Е. Можяева

УО «ГГУ имени Ф. Скорины»

А. С. Колесник

УО «ГГУ имени Ф. Скорины»

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРИПТОВАЛЮТЫ В РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В статье анализируются подходы к определению понятия «криптовалюта» в законодательстве различных государств. Уделяется внимание особенностям правовой регламентации криптовалюты в Республике Беларусь. Авторы делают вывод о формировании соответствующей правовой категории и необходимости выработки на международном уровне единого подхода к ее определению.

Виртуальная реальность охватывают все сферы жизни человека, не является исключением и финансовая сфера. Безналичные платежи с использованием карточек уже давно укоренились в жизни белорусов. В сфере денежного обращения начинают активно использоваться электронные деньги. Появляются и концептуально новые понятия, например, криптовалюта.

Понятие «криптовалюта» является довольно неоднозначным и спорным. Различные государства используют свои подходы к определению данного термина и свои способы правового регулирования. В некоторых государствах вовсе не определен их правовой статус, что порождает определенные сложности (к примеру, случаи отмывания денег с использованием криптовалюты). Именно поэтому данный вопрос является, пожалуй, самым обсуждаемым в юридической литературе.

По классификации ФАТФ (Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег - Financial Action Task Force, FATF) криптовалюта – это распределенные, виртуальные (или цифровые) деньги, использующие математические и криптографические методы и открытый исходный код, не имеющие единого центра управления, отслеживания или контроля [1].

В Консультативном документе Базельского комитета по банковскому надзору о последствиях финтехразработок для банков и надзорных органов от октября 2017 года содержится понятие «криптовалюта», под которым понимается актив, существующий в электронном виде и который, не являясь законным платежным средством, может использоваться в качестве платежного средства, средства сбережения, единицы счета [2].

Евросоюз, к примеру, вместо термина «криптовалюта» использует другой – «виртуальная валюта». Подходы к определению виртуальных денег

неоднократно изменялись и только в 2018 году была принята Директива 2018/843/EU Европейского Парламента и Совета Европейского Союза о внесении поправок в Директиву 2015/849/EU о предотвращении использования финансовой системы для отмывания денег и финансирования терроризма, а также о внесении поправок в Директивы 2009/138/ЕС и 2013/36/EU», в которой дается определение «виртуальной валюты», довольно четко описывающее криптовалюту.

В соответствии с данной Директивой под виртуальной валютой понимается цифровое представление ценности, которое не выдается или не обеспечивается центральным банком или государственным органом, не привязывается к юридически установленной валюте и не имеет юридического статуса валюты или денег, но принимается физическими или юридическими лицами в качестве средства обмена, которое может быть передано, сохранено и продано в электронном виде [3].

Как видно из данного определения, Евросоюз рассматривает криптовалюту как средство обмена.

Япония по праву считается страной, внедрившей первую криптовалюту «Bitcoin». С момента его появления прошло уже более 10 лет. Долгое время страна использовала такой термин как «виртуальная валюта», одна в настоящее время криптовалюта классифицируется как криптоактив.

Украина использует такой термин, как «виртуальный актив». В соответствии с проектом закона Украины от 11 июня 2020 г. № 3637 «О виртуальных активах» под виртуальным активом понимается особый вид имущества, который является ценностью в электронной форме, существует в системе обращения виртуальных активов и может находиться в гражданском обороте [4]. Позже данный проект закона был отозван для того, чтобы доработать его с участием представителей рынка и ключевых стейкхолдеров виртуальных активов. Новая редакция проекта изменила статус криптовалюты с особого вида собственности на вид нематериального блага. Отмечается, что законопроект является рамочным, то есть механизмы и процедуры токенизации и других действий с виртуальными активами в нем не прописаны – проект их только определяет и разрешает. Практическое же применение будет прописываться дополнительно в подзаконных актах [5].

Республика Казахстан оперирует термином «цифровой актив». Цифровой актив в данном государстве рассматривается как имущество, созданное в электронно-цифровой форме, с применением средств криптографии и компьютерных вычислений, не являющееся деньгами, ценными бумагами, производными финансовыми инструментами, базовым активом которых являются ценные бумаги, а также электронно-цифровая форма удостоверения имущественных прав.

Если говорить о Российской Федерации, то здесь следует отметить, что государство придерживается достаточно жесткой политики в отношении обращения криптовалюты. Первое определение понятия «криптовалюта» было представлено в Федеральном законе от 31 июля 2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный закон ввел понятия «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта», которой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам. [6]. Данный закон вступит в силу с 1 января 2021 года.

В Республике Беларусь понятие «криптовалюта» было закреплено Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет №8). В соответствии с данным Декретом криптовалюта – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена [7]. В настоящее время Беларусь является одним из самых прогрессивных государств на постсоветском пространстве относительно правового регулирования криптовалюты. Так, Декрет № 8 в отношении физических лиц устанавливает налог на криптовалюты 0% до 2023 года, позволяет ее свободный обмен между физическими лицами, майнинг без ограничений, налогов и регистрации в качестве юридического лица. Что же касается юридических лиц и криптовалюты, то Декрет № 8 разрешает проведение ICO, покупку и продажу криптовалют; создание бирж криптовалют, деятельность операторов обмена криптовалют, инвестиционную деятельность с токенами (налог 0%), использование договоров конвертируемого займа и др.

Из вышеизложенного следует, что понятие «криптовалюта» постепенно становится правовой категорией. Однако единого подхода к его содержанию в мире пока не существует. Каждое государство рассматривает криптовалюту с разных позиций: некоторые государства относят криптовалюту к особому виду имущества, некоторые - считают, что криптовалюта является виртуальными (цифровыми) деньгами, которые

также могут выполнять функцию сбережения и оплаты. Различия в подходах к определению криптовалюты тормозят ее развитие, в то время как ее использование имеет ряд неоспоримых преимуществ. Незнание, слабая правовая регламентация, низкий уровень контроля со стороны государства способствуют увеличению преступлений с использованием криптовалюты. Поэтому считаем необходимым выработать на международном уровне единый подход к определению понятия «криптовалюта».

Список использованных источников

1. Virtual Currencies: Key Definitions and Potential AML/CFT Risks [Electronic resource] // FATF. – Mode of access : <http://www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/virtual-currency-definitions-aml-cft-risk.html>. – Date of access : 28.09.2020.

2. Консультативный документ Бразильского комитета по банковскому надзору о последствиях финтех разработок для банков и надзорных органов от октября 2017 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.bis.org/bcbs/publ/d415.pdf>. - Дата доступа : 29.09.2020.

3. An official website of the European Union: Anti-money laundering directive V (AMLD V) - transposition status [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access : https://ec.europa.eu/info/publications/anti-money-laundering-directive-5-transposition-status_en. – Date of access : 28.09.2020.

4. О виртуальных активах : проект закона Украина, 11 июня 2020 г., № 3637 [Электронный ресурс] // Главный правовой портал Украины. - Режим доступа : <https://www.ligazakon.ua/ru/>. - Дата доступа : 29.09.2020.

5. В Раду внесли законопроект «Про виртуальные активы». Он урегулирует сферу криптовалют [Электронный ресурс] // AIN.UA.– Режим доступа : <https://ain.ua/2020/09/18/zakonoproekt-pro-virtualnie-aktivy/>. - Дата доступа : 29.09.2020.

6. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон, 31 июля 2020 года, № 259-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. - Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/. - Дата доступа : 29.09.2020.

7. О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 декабря 2017 года, №8 [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. - Режим доступа : http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716/. - Дата доступа : 29.09.2020.

The article analyzes approaches to the definition of the concept of "cryptocurrency" in the legislation of various states. Attention is paid to the peculiarities of the legal regulation of cryptocurrency in the Republic of Belarus. The authors conclude that the corresponding legal category has been formed and that it is necessary to develop a unified approach to its definition at the international level.

УДК 347.73

Л. Е. Можяева

УО «ГГУ имени Ф. Скорины»

Е. Н. Новицкая

УО «ГГУ имени Ф. Скорины»

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ФИНАНСОВОМ КОНТРОЛЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И СНГ

В статье дается сравнительно-правовой анализ норм о государственном финансовом контроле законодательства Республики Беларусь и модельного законодательства Содружества Независимых Государств. Уделяется внимание понятию «государственный финансовый контроль», его уровням, формам, методам и др. Авторы выделяют как схожие черты в регулировании государственного финансового контроля, так и отличительные особенности национального законодательства Республики Беларусь.

Осуществление контроля в финансовой сфере обеспечивает государство всеми необходимыми финансовыми ресурсами, которые предназначены для выполнения государственными органами непосредственно возложенных на них функций и задач. Финансовый контроль тесно связан с контрольной функцией финансов, что проявляется в установлении контроля со стороны государства за формированием централизованных и децентрализованных денежных фондов, складывающихся в процессе осуществления экономических отношений. Вместе с этим, стоит отметить, что финансовый контроль в целом присущ любому обществу с товарно-денежными отношениями. Так, в свою очередь, государственный финансовый контроль составляет существенную часть норм финансового права, поскольку присущ многим финансово-правовым институтам особенной части финансового права.

В настоящее время Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 4 декабря 2004 г. № 24-11 принят Модельный закон «О государственном финансовом контроле» (далее – Модельный закон «О государственном финансовом контроле») [1].

В Республике Беларусь осуществление государственного финансового контроля регулируется Указом Президента Республики Беларусь 16 октября 2009 г. №510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности» (далее – Указ Президента №510) [2].

В соответствии с Модельным законом «О государственном финансовом контроле» государственный финансовый контроль – это проверка соблюдения органами государственной власти и органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами действующего национального финансового законодательства, рациональности и эффективности использования государственных финансовых и материальных ресурсов [1].

Вместе с этим, данный контроль призван включать в себя контроль за исполнением национального государственного бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов, соблюдения организацией денежного обращения, использованием государственных кредитных ресурсов, состоянием государственного внутреннего и внешнего долга, государственных резервов, предоставлением финансовых и налоговых льгот, финансовой эффективностью использования государственной собственности, переданной хозяйствующим субъектам в той или иной форме, обращением государственных финансовых средств в кредитно-финансовых организациях.

Указ Президента №510 не дает дефиниции государственного финансового контроля, однако исходя из определения Модельного закона «О государственном финансовом контроле» можно отметить, что по сути государственный финансовый контроль в Республики Беларусь соответствует вышеуказанному определению.

Модельный закон «О государственном финансовом контроле» предполагает осуществление контроля на следующих уровнях: общегосударственном уровне – по отношению к налогообложению физических и юридических лиц, соблюдению установленных законом форм бухгалтерской отчетности, а также соблюдению правил внешне-экономической и банковской деятельности; уровень государственных образований (например, области) – в отношении соблюдения данными образованиями бюджетных и внебюджетных средств, а также контроль на муниципальном уровне – по отношению к использованию органами местного самоуправления финансовых и материальных ресурсов, переданных им в той или иной форме органами государственной власти. Вместе с этим, все хозяйствующие субъекты обязаны организовывать учет получаемых государственных финансовых и материальных ресурсов.

Указ Президента №510 не устанавливает вышеизложенные уровни, однако государственный финансовый контроль в Республике Беларусь

характеризуется системностью и планированием своего осуществления, что позволяет сделать вывод о том, что данный вид контроля охватывает все возможные сферы реализации государственной финансовой политики.

Модельный закон «О государственном финансовом контроле» устанавливает четкую систему субъектов контроля – глава государства (президент), парламент, административный и независимый государственный контроль. Национальное законодательство Республики Беларусь, в свою очередь, определяет слаженную систему контроля в лице уполномоченных государственных органов, аудиторских организаций и аудиторов-индивидуальных предпринимателей, внутрихозяйственный контроль, который осуществляется на местах субъектами хозяйствования, и общественный контроль в лице профсоюзных организаций. Указ Президента №510 детально уточняет систему государственных органов, четко прописывая их функции и полномочия, определяя при этом организацию осуществления контроля в его формах и методах. Президентский, парламентский и независимый финансовый контроль регулируются иными нормативными правовыми актами, которые определяют их полномочия в данной сфере.

Модельный закон «О государственном финансовом контроле» устанавливает следующие формы осуществления контроля: предварительный, текущий и последующий. Данное положение фактически реализуется в Республике Беларусь через формы и методы контрольной деятельности. Так, в соответствии с Указом Президента №510 государственный финансовый контроль осуществляется в формах выборочных проверок, внеплановых проверок, мероприятий технического (технологического, поверочного) характера, мер профилактического и предупредительного характера.

Отметим, что Модельный закон «О государственном финансовом контроле» определяет ревизии, проверки, обследования и экспертизы в качестве методов осуществления контроля, что отличается от закрепленного в Республике Беларусь подхода в данном направлении.

Законодательство СНГ предлагает четкое разграничение понятий форм и методов осуществления контроля, конкретизируя данные аспекты исчерпывающим перечнем. Законодательство Республики Беларусь в большей степени уделяет внимание систематизации форм контроля, в то время как Модельный закон «О государственном финансовом контроле» в большей степени определяет методы осуществления контроля. В Республике Беларусь мониторинг, экспертиза существуют в рамках мер профилактического характера, а понятие «ревизия» с учетом изменений в законодательстве было заменено на проверки. Следует подчеркнуть, что разработкой классификации форм и методов контроля занимается теория финансового

права, которая после изменений Указа Президента №510 определила встречную проверку как метод государственного финансового контроля.

Также существуют различия в определении периодичности осуществления контроля. Модельный закон «О государственном финансовом контроле» устанавливает следующую периодичность: для проведения ревизий и проверок поступлений и расходований бюджетных средств органами государственной власти – не чаще одного раза в год, проведения ревизий и проверок поступления и использования иных государственных средств – не чаще одного раза в два года. Проведение контрольных мероприятий по одним и тем же вопросам на одних и тех же объектах в течение указанного периода не допускается.

Указ Президента №510 устанавливает периодичность проведения выборочных проверок планами выборочных проверок, которые формируются на полугодие. Вместе с этим, данный Указ предусматривает возможность не проводить проверки в течение двух лет для определенной категории субъектов. Данная норма законодательства объясняется экономическими причинами. Так государство позволяет развиваться частному бизнесу, не перезагружая при этом систему государственных органов власти. В свою очередь, внеплановая тематическая оперативная проверка не может проводиться чаще одного раза в три месяца на одной и той же территории проведения проверки.

Модельный закон «О государственном финансовом контроле» определяет, что формы, стандарты и методы отчетности устанавливаются национальным законодательством. Так, например, в Республике Беларусь при осуществлении независимого финансового контроля результаты оформляются в виде заключения, при осуществлении государственного финансового контроля – акт проверки с возможным последующим вынесением постановления по делу об административном правонарушении либо справка проверки в случаях, когда нарушений не было выявлено.

Кроме того, Модельный закон «О государственном финансовом контроле» определяет взаимодействие органов финансового контроля, ответственность и гарантии их правового статуса, что также получило свое отражение в национальном законодательстве Республики Беларусь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодательство о государственном финансовом контроле СНГ и национальное законодательство Республики Беларусь имеют как сходные черты, так и отличительные. Так, например, общими являются определение основных начал, принципов, гарантий, ответственности государственных органов при осуществлении государственного финансового контроля. В то время как в отношении определения форм, методов и периодичности осуществления контроля имеется ряд отличительных черт, которые допустимы и могут

быть объяснены национальными особенностями Республики Беларусь. Так, Указ Президента №510 более детально регулирует именно сферу осуществления государственного финансового контроля, а значит, имеет и несколько отличительные по содержанию черты. Регулирование иных видов контроля в Республике Беларусь получило свое отражение в специальных нормативных правовых актах, что в целом подтверждает масштабность осуществления финансового контроля в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. О государственном финансовом законе : Модельный Закон Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 4 декабря 2004 г., № 24-11 [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://etalonline.by>. – Дата доступа : 28.09.2020 г.

2. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 16. окт. 2009 г., №510 : текст по состоянию на 04.09.2019 г. [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://etalonline.by>. – Дата доступа : 28.09.2020 г.

The article provides a comparative legal analysis of the norms on state financial control of the legislation of the Republic of Belarus and model legislation of the Commonwealth of Independent States. Attention is paid to the concept of "state financial control", its levels, forms, methods, etc. The authors highlight both similar features in the regulation of state financial control and distinctive features of the national legislation of the Republic of Belarus.

УДК 343.9:316.346.2

А. Э. Набатова

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

И. М. Сеница

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОЙ КРИМИНОЛОГИИ: ПОДХОД, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается методологический подход, основанный на правах человека и гендерном равенстве при формировании теоретических и прикладных основ гендерной криминологии. Авторами определяются современные тенденции, влияющие на преступность и структуру личности преступника. Определяются пути совершенствования криминологии

через разработку научного направления – гендерная криминология. Это позволит вывести изучение личности преступника, преступности на новый уровень.

Борьба с преступностью как реакция общества и государства на противозаконные деяния отдельных индивидов, ее причины и условия на теоретико-правовом и практико-эмпирическом уровнях являлись предметом исследований на всех исторических этапах становления государственности. Современный период развития юридических наук и отраслей права характеризуется сменой парадигм, вызванной цифровизацией общества, экономики, государственных услуг. Указанные процессы повлияли на криминологические показатели преступности, которая претерпевает существенные трансформации, вызванные развитием информационно-телекоммуникационных технологий. Меняются способы, средства, орудия совершения преступлений, структура личности преступника.

На основании изложенного, можно констатировать, что весьма важной представляется адекватная научно обоснованная постановка задач в области реагирования на преступность в плоскости криминологической науки с позиций теории личности преступника. На наш взгляд, актуальным для криминологии направлением является изучение гендерных различий в структуре личности преступника. Результаты такого изучения могут послужить основанием для разработки наиболее эффективным мер профилактики преступности и усилению социального контроля над ней. Перспективным представляется формирование самостоятельного научного направления – гендерная криминология.

Следует отметить зарождение гендерного подхода к изучению преступности в рамках социологического направления в криминологии (А. Герри, Ш. Глюк, Э. Глюк, Э. Дюркгейм, А. Кетле, Р. Кларк, А. Коэн, Д. Кресси, Э. Сатерленд, Э. Шур). К основным криминологическим (социологическим) теориям в США и странах Западной Европы относятся теории: «социальной дезорганизации»; «конфликта культур»; «дифференциальной ассоциации»; «множественности факторов»; «научно-технической революции»; «критической криминологии». Социологические теории причин преступности США и стран Западной Европы объединяют два основных момента: объяснение существования причин преступности социальными процессами, происходящими в обществе; постановка вопроса о необходимости улучшения условий жизнедеятельности людей как основы предупреждения преступности [1, с. 9–17].

Исследованию преступности, личности преступника с позиций гендерных групп посвящены публикации и диссертационные работы С.Г. Гавшиной, О.Ю. Ильченко, А.А. Хорошиловой, О.В. Карповой, С.Г. Куликовой, А.В. Куприяновой, Т.Н. Радочиной, Д.В. Синькова, Б.Н. Хачак. В Республике Беларусь защищен ряд кандидатских диссертаций,

посвященных гендерным аспектам в изучении и предупреждении преступности: С.М. Свило (Минск, 2007 г.), О.В. Русецкий (2010 г.), Ю.И. Селятыцкий (Минск, 2014), Е.А. Шаркова (2016 г.). Обращаясь к исследованиям ученых, можно говорить о наметившихся перспективах по разработке положений гендерной криминологии. Обусловлено это тенденциями отхода большинства исследований от поиска причин преступности и переход к изучению корреляционных зависимостей между преступностью и такими факторами в структуре личности преступника как пол, возраст, класс, раса.

Вместе с тем полагаем необходимым особо подчеркнуть роль международных стандартов в области прав человека и гендерного равенства, которые приобретают центральное место при формировании теоретических и прикладных основ гендерной криминологии. В настоящее время равное положение мужчин и женщин относится к фундаментальным ценностям, являющимися базой для социально-экономического, политического, культурного и научного развития мира. Международное сообщество признало, что права женщин являются неотъемлемой частью прав человека. И, в связи с тем, что не во всех странах мира идея равенства мужчин и женщин законодательно оформлена, международно-правовые нормы (принимаемые в рамках таких международных организаций как ООН, МОТ и др.) имеют особое значение.

Глобальный сдвиг в осознании статуса женщины как равного мужчине субъекта был закреплен на международном уровне с принятием таких универсальных актов, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и др. Среди международных актов, целью которых является защита прав женщин, к основным можно отнести Конвенцию о политических правах женщин (Нью-Йорк, 31 марта 1953 г.), Конвенцию о гражданстве замужней женщины (Нью-Йорк, 20 февраля 1957 г.), Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.), Конвенцию Международной Организации Труда №156 о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями (Женева, 3 июня 1981 г.).

В Пекине в 1995 г. были подписаны Декларация и Платформа действий IV Всемирной конференции ООН по положению женщин, где подчеркивается необходимость соблюдения гендерного равенства. Отдельно можно отметить акты, регламентирующие и защищающие права трудящихся женщин (наряду с упомянутой выше, приняты Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности,

Конвенция о дискриминации в области труда и занятий, Конвенция об охране материнства и др.).

Одной из глобальных целей Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. является обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. Региональные международно-правовые акты также последовательно закрепляли стандарты современного общества в вопросе гендерного равенства. Соответствующие положения были закреплены в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека, Европейской социальной хартии, Пересмотренной Европейской социальной хартии, Американской Конвенции о правах человека, Африканской Хартии прав человека и народов, Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека и др.

Все вышеперечисленные акты рассматривают права женщин как равноправных членов гражданского общества, фокусируясь, главным образом, на политической, семейной, экономической и трудовой сферах человеческой жизнедеятельности. Вопросы, которые могли бы быть отнесены к сфере уголовного правосудия (в широком смысле), если и затрагиваются, то не имеют достаточного раскрытия. На наш взгляд, на данный момент в международном праве им уделяется недостаточное внимание, как в отношении защиты прав женщин – жертв преступлений, так и правового положения женщин-преступниц.

Среди специальных актов, направленных на защиту женщин и детей как наиболее уязвимых категорий населения, можно назвать Декларацию о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов, принятую в 1974 г. Но только в последние десятилетия насилие в отношении женщин стало рассматриваться как одна из форм дискриминации и нарушения прав человека женщин. «Создание всеобъемлющей правовой и политической основы для решения проблемы насилия в отношении женщин и принятие законов по вопросам насилия в отношении женщин являются в настоящее время главными направлениями деятельности на международном и региональном уровнях» [2, с. 5].

Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, Типовые стратегии и практические меры по искоренению насилия в отношении женщин в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (Палермский протокол) и Римский статут Международного уголовного суда (Римский статут) стали теми актами, которые подняли проблему женщин-жертв преступных посягательств на новый уровень.

Подавляющее большинство важнейших универсальных международных документов, регулирующих обращение с лицами, вовлеченными в сферу уголовного правосудия, – это разработанные в рамках и под эгидой ООН договоры (пакты, конвенции) о защите прав и свобод человека, уже упоминавшиеся нами. Кроме того, отдельно были приняты Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), Правила ООН по защите несовершеннолетних, лишенных свободы, Руководящих принципах Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы). При этом гендерные признаки субъекта, совершившего преступления, отдельно в них не рассматриваются.

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными (Правилах Нельсона Манделы), Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правилах) женщина уже упоминается как субъект, имеющий особые, отличные от мужчин нужды и, соответственно, права. Однако долгое время отсутствовал отдельный международный документ в отношении женщин-правонарушителей, каковым в 2010 г. стали Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила). Данный документ признал, что особой защите подлежат женщины (совершившие преступления, потерпевшие, осужденные и т.д.) уже в силу своих физиологических, эмоционально-психологических и иных особенностей, отличающих их от мужчин.

Подобное, на наш взгляд, является одним из ярких свидетельств признания гендерного аспекта преступности как фактора, требующего внимания, и отхода от позиции, когда преступность, ее причины и способы противодействия ей, ассоциировались почти исключительно с мужчинами. Такое признание на международном уровне подчеркивает необходимость вовлечения гендерного измерения в исследование преступности и соответствующей работы в каждом конкретном государстве.

Я.И. Гишинский цитирует исследователя Пола Рока (Paul Rock), писавшего, что «преступления носят выраженный гендерный характер. А интеллектуальный урожай анализа связей между полом и преступлением еще не был полностью исследован, и женщины «входят в тело

социологической криминологии» в больших количествах». Именно с этим связана существующая, на наш взгляд, необходимость, в разработке основ гендерной криминологии [3, с. 19].

Таким образом, подводя итог, отметим следующее:

1. Преступность (различные формы девиантного поведения) как непреходящее явление сопровождает развитие общества во всем его многообразии на протяжении обозримого прошлого человечества и, можно утверждать, его будущего. Однако, в той мере, в которой менялось общество, менялись и подходы к пониманию и изучению преступности, в том числе на основе стандартов, закладываемых на международно-правовом уровне. Коренные изменения в этом связаны, в первую очередь, с признанием фундаментальных прав человека ключевым фактором, определяющим жизнь современных государств и обществ.

2. Анализ международного законодательства свидетельствует о включенности гендерного аспекта преступности как фактора, требующего внимания со стороны мирового сообщества. Такое признание на международном уровне подчеркивает необходимость вовлечения гендерного измерения в исследование преступности, личности преступника и соответствующей работы в каждом конкретном государстве.

3. Можно утверждать, что международные стандарты в области прав человека и гендерного равенства имеют важное методологическое значение при формировании теоретических и прикладных основ гендерной криминологии.

Список использованных источников

1. Прокументов, Л.М. Криминология в США и странах Западной Европы : учебное пособие / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Томск: Томск. фил. РИПК МВД РФ 1997. – 30 с.

2. Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 2010 г. – 72 с.

3. Гишинский, Я.И. Некоторые тенденции мировой криминологии / Я.И. Гишинский // Российский Ежегодник уголовного права. СПб ГУ. – 2013. – № 6. – С. 8 – 31.

The article considers a methodological approach based on human rights and gender equality in the formulation of theoretical and applied foundations of gender criminology. The authors identify current trends that affect crime and the structure of the criminal's personality. The ways of improving criminology through the development of a scientific direction – gender criminology. This will bring the study of the criminal's identity and crime to a new level.

Н. А. Нагорная

УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь»

ДЕМАТЕРИАЛИЗАЦИЯ АКЦИЙ КАК ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ИСКЛЮЧЕНИЯ ИХ ИЗ ЧИСЛА ВЕЩЕЙ

В данной статье анализируются возможные направления совершенствования норм гражданского права законодательства, регулирующие правоотношения, в которых в качестве объекта выступают акции. Значительное внимание уделено рассмотрению вопроса о бездокументарной акции как объекте гражданских прав.

В любых правоотношениях ключевую роль играет объект. Само понятие «объект правоотношения» в гражданском праве как и понятие «субъект» не ново. В мировой цивилистической науке оно используется около 200 лет, с того момента как существует теория правоотношения. Первым, кто в научной литературе стал использовать понятия «объект права», «объект правоотношения», понимая под объектом противоположность субъекту, был известный российский юрист-цивилист Д. И. Мейер [1, с. 99].

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов был и остается вопрос об акциях, как объекте гражданских прав и объекте инвестиционной деятельности. Как в свое время отмечал Г. Ф. Шершеневич, «самое понятие о ценных бумагах не успело до сих пор выясниться ни в жизни, ни в науке, ни в законодательстве» [2, с. 63], так и современные цивилисты продолжают дискутировать о том, что же собой этот объект представляет.

В том или ином аспекте понятия «акции», «акционерные правоотношения» рассматривались многими учеными-правоведами, внесшими значительный вклад в совершенствование текущего гражданского законодательства. Из многочисленного списка российских ученых, проводивших исследования в данной области нам хотелось бы назвать: Н. О. Нерсесова, М. М. Агаркова, В. А. Белова, М. И. Брагинского, В. В. Витрянского, Е. А. Крашенинникова, Е. А. Суханова, Ю. К. Толстова, Г. Н. Шевченко, А. В. Габова и др.

Немало известно и белорусских исследователей в области акционерных правоотношений, например, таких как Я. И. Функ, В. А. Витушко, Н. Н. Сарнавская, Д. А. Колбасин, О. М. Антипова, Ю. А. Амельченя и др.

Актуальность выбранной темы обусловлена несоответствием между основополагающими идеями теории гражданского права, законотворческой и правоприменительной практикой в сфере регулирования правового режима акций. Сделать данный вывод нам позволяет даже тот факт, что, в связи с ведущей ролью на современном этапе научно-технического прогресса

цифровых технологий, "обезличиванием" некоторых вещей, с появлением в финансовой сфере цифровых денег, криптовалюты и т.п., претендующих на включение их в перечень объектов гражданских прав, представляется невозможным сохранение в действующей редакции ст. 128 ГК, согласно п.1 которой все без исключения ценные бумаги относятся к вещам.

С момента трансформации акции из документарной в бездокументарную ценную бумагу как на уровне законодательства (соответствующие изменения были внесены в Закон Республики Беларусь «О рынке ценных бумаг» в январе 2015 г.), так и на уровне правоприменения наблюдается отсутствие единого подхода к пониманию сущности бездокументарных ценных бумаг как объектов гражданского права. По сути, отсутствие закрепленного в законе понимания специфики бездокументарной формы ценных бумаг приводит к тому, что одинаковые отношения в отдельных случаях подвергаются различной оценке со стороны правоприменительных органов, а правовой результат тех или иных действий субъектов права с трудом поддается прогнозированию. Все это существенно снижает эффективность норм гражданского права, создает почву для разного рода злоупотреблений и препятствует поступательному развитию отечественной экономики.

В актуальном белорусском законодательстве понятие «ценные бумаги» содержится в ст. 143 ГК, содержание которой четко указывает на легитимность существования документарных и бездокументарных ценных бумаг, на их равнозначную оборотоспособность. Форма выпуска акций также законодателем четко определена – бездокументарная (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О рынке ценных бумаг»). Вызвано это было прежде всего необходимостью, с учетом планируемого увеличения темпов и объёмов инвестиционной деятельности, замены бремени документооборота акций на бумажных носителях на электронную запись на счете «депо». И здесь, на наш взгляд законодатель должен был, учитывая безальтернативность формы акции, внести дополнения в содержание всех норм законодательства, касающихся оборота бездокументарных ценных бумаг, начиная со ст. 128 ГК «Виды объектов гражданских прав». Также, по нашему мнению, требуется ревизия учения о ценных бумагах на концептуальном уровне, с учетом современных реалий расширения сферы оборота бездокументарных ценных бумаг.

С момента возникновения ценных бумаг, в цивилистической доктрине (а также и в соответствующем законодательстве) основное внимание уделялось, прежде всего, признакам ценных бумаг, которые отличают их от других объектов гражданских прав. Согласно концепции о ценных бумагах, которая окончательно была сформулирована в начале XX века, они являются лишь формой закрепления тех или иных прав, но не более. Так,

М. М. Агарков подчеркивал: «Зависимость, существующая между ценной бумагой и выраженным в ней правом, приводит к тому, что передача этого права предполагает и передачу права на бумагу. Только тот, кто имеет *право на бумагу*, может в силу этого права распоряжаться ею с целью осуществления *права из бумаги*. Право на бумагу и право из бумаги нормально имеют одну и ту же судьбу» [3, с. 178]. Высказывая такое утверждение, М. М. Агарков при этом не уточняет, каким же способом должна происходить такая передача, а лишь указывает на то, что «...составление и выдача акции не является необходимым условием для возникновения прав акционера» [3, с. 179]. При этом ученый указывает на ряд проблемных вопросов, которые остаются до конца не разрешенными и поныне. Одним из таковых остается вопрос об урегулировании прав на акцию двух и более ее правообладателей. Здесь еще отношения усложнены многосубъектностью, то есть риском перехода права на акции как единое целое, к дроблению этого целого на доли, например, в случае их раздела супругами.

Как писал Н. О. Нерсесов, «Ценные бумаги становятся таковыми вследствие права, заключающегося в документе. Бумага сама по себе не имеет ценности (не считая, понятно, материала); делается же ценной лишь благодаря тому праву, выражением которого она является. Следовательно, сущность ценных бумаг заключается в той связи, которая существует между данным правом и документом» [4, с. 151].

Среди современных российских ученых ведутся острые дискуссии о сущности бездокументарных ценных бумаг. Так, В. А. Белов утверждает, что бездокументарные ценные бумаги есть «... идеальная субстанция, с существованием представления о которой связано представление об относительных субъективных гражданских правах, составляющих ту ценность, ради которой мыслится сама субстанция, этакое своеобразное “нечто”» [5, с. 62]. При этом он отмечает, что «права, составляющие бездокументарные ценные бумаги, оборотоспособны сами по себе в силу того, что такое указание имеется в законе, и составляет самостоятельный объект гражданских прав, которые нельзя относить к вещам. Поэтому распространить на бездокументарные ценные бумаги режим вещных прав не представляется возможным ... Ценные бумаги и бездокументарные ценные бумаги имеют различный правовой режим, а значит являются различными объектами гражданских правоотношений» [6, с. 24].

Не признает вещами бездокументарные ценные бумаги и В. В. Витрянский. По его мнению «...указанные эрзацы лишены вещно-правовых элементов, сохраняя лишь элементы обязательственные» [7, с. 520].

Е. А. Крашенинников также признает вещами только документарные ценные бумаги [8, с. 45]. Что касается бездокументарных, то они

сторонником документарной концепции не рассматриваются в качестве ценных бумаг, а только как имущественные права или способ фиксации прав, а потому не признаются вещами, а следовательно, и объектами права собственности.

А. В. Габов утверждает, что акции должны удовлетворять исключительно имущественные права : «Объектами современного гражданского оборота являются помимо материальных движимых вещей также и имущественные права, выраженные в определенной объективной форме – форме документов. К таким объектам принадлежит и ценная бумага [9, с. 46].

А. П. Сергеев утверждает, что на производный характер ценной бумаги как вещи, основное и единственное назначение которой – быть носителем субъективных гражданских прав [10, с. 266]. Шевченко Г. Н. делает вывод о том, что бездокументарные ценные бумаги, как и документарные, закрепляют лишь субъективные гражданские права, являясь обращаемыми. Сущностных различий между документарными и бездокументарными ценными бумагами, как таковых, нет [11, с. 58]. Следовательно, исходя из вышеуказанного утверждения, напрашивается вывод о том, что ценность собой представляет не сама бездокументарная акция, а имущественные и неимущественные права, содержащиеся в ней.

Если конечно абстрогироваться от обычного представления вещи как предмета материального мира, который можно потрогать, измерить, оценить, а лишь опереться на признак «способна удовлетворить те или иные потребности людей», то в таком случае бездокументарную акцию смело можно относить к движимым вещам, предоставив ее собственнику правомочия, позволяющие им быть предметом любых договорных отношений, но тогда теряет отграничение материального и нематериального в мире. В таком случае следует приравнивать к правовому режиму вещей все оцифрованные объекты. Уже сейчас в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) дается понятие «цифровых прав», под которыми понимаются обязательственные и иные права в отношении таких специфических объектов, как: информация, объекты цифровых технологий. Изменяется характер социальности – в него постепенно входят на правах субъектов и новых нетипичных объектов явления, по старой юридической классификации имеющие неживой, не субъектный и не объектный характер: инженерия генома, биотехнологии, интернет, искусственный интеллект [12, с. 5]. Но это стремление максимально оцифровать, дематериализовать все, что бесспорно позволяет человеку упростить многие сферы его жизнедеятельности, не позволяет абсолютно приравнивать «бестелесные» объекты к объектам материального мира, вещам.

О «вещности» и «бестелесности» акций давно ведутся дискуссии и среди белорусских ученых-правоведов, разделившихся условно на сторонников вещно-правовой природы бездокументарных акций, определяя их возможность оставаться в статусе вещей и немногочисленных сторонников, считающих акции специфическим объектом гражданских прав.

Так, Д. А. Колбасин, понимая в гражданском праве под материальными благами вещи (имущество), относит к вещам как «продукты человеческого труда (машины, станки, оборудование, картины, книги), так и предметы, созданные природой (земля, воды, леса и т.д.) [13, с. 182]. Ценные бумаги по мнению Д. А. Колбасина занимают особое место среди объектов гражданских прав и акция среди них занимает место ценной бумаги, наделяющей ее владельца с момента приобретения имущественным правом [13, с. 197].

В. А. Витушко указывает, что ценные бумаги, в том числе и акции, выполняют в гражданском обороте функции *эквивалента стоимости имущества* (как суррогат денег), являются основанием гражданских прав, заемного обязательства и пр. [14, с. 156].

Другой известный белорусский ученый Я. И. Функ рассматривает акцию в нескольких аспектах: «акция - ценная бумага» и «акция - обязательство». В обоснование своих выводов Я. И. Функ указывает на возникновение у акционера не только права на дивиденды, но и права «требовать выкупа своих акций акционерным обществом, с одновременным требованием определенной денежной суммы за передаваемые акции». Данное правомочие по мнению ученого безусловно указывает на обязательственный характер акций [15].

Н. Н. Сарнавская, исследуя признаки и правовую природу акций, констатирует факт отсутствия единообразного подхода законодателя к определению понятия «акция», а также приходит к выводу о распространении на бездокументарную акцию норм вещного права, с целью обеспечения единой судебной практики применения норм гражданского законодательства в сфере акционерных отношений [16, с. 20].

Мы согласны с мнениями тех ученых, которые предлагают унифицировать нормы о ценных бумагах Гражданского кодекса Республики Беларусь и Гражданского кодекса Российской Федерации. Поскольку в Республики Беларусь системный анализ бездокументарных ценных бумаг учеными за последние пять лет не проводился, а белорусская судебная практика, в отличие от российской, находится в довольно-таки развивающемся положении, нами предпринята попытка доказать целесообразность внесения изменений в ст. 128 ГК на примере эволюции данной статьи в ГК РФ.

В действующей редакции положения ст. 128 ГК РФ относительно соотношения понятий «вещь-бездокументарная ценная бумага» сформулированы следующим образом: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)...» [17]. И, хотя ранее в гражданском законодательстве РФ бездокументарные ценные бумаги рассматривались в качестве вещей, с появлением в ГК РФ § 3 «Бездокументарные ценные бумаги» и легального понятия «бездокументарная ценная бумага» был положен конец дискуссиям относительно их правовой природы [17].

Таким образом, мы видим, что содержание ст. 128 ГК Республики Беларусь отличается от аналогичной статьи в ГК Российской Федерации. Представляется более конструктивным и отвечающим потребностям практики вариант решения возникшей ситуации во внесении изменений в ст. 128 ГК, включив понятие «бездокументарные ценные бумаги» как самостоятельный объект гражданских прав.

В этой связи предлагаем статью 128 ГК дополнить новым абзацем:
«бездокументарные ценные бумаги».

Таким образом, мы полагаем, что исключение бездокументарных ценных бумаг из разновидности вещей позволит отказаться от попыток искусственного «подстраивания» всех правоотношений, где объектом выступают бездокументарные ценные бумаги (например, акции), под вещные правоотношения.

Список использованных источников

1. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер ; ред. А. И. Вицын. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1910. – 720 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <http://biblioclub.ru/> (дата обращения: 07.08.2020).

2. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права / Г. Ф. Шершеневич. – Изд. 4-е. – Санкт-Петербург : Издание братьев Башмаковых, 1908. – Т. 2. Товар. Торговые сделки. – 631 с. : ил. – Режим доступа: по подписке. – URL: <http://biblioclub.ru.> – Дата доступа: 07.09.2020.

3. Агарков, М. М. Основы банковского права. Курс лекций. Издание 2-е. Учение о ценных бумагах. Научное исследование. Издание 2-е. – М. : Издательство БЕК, 1994. – 350 с.

4. Нерсесов, Н. И. Торговое право / Н. И. Нерсесов. – Москва : Типография "Рассвет", 1896. – 270 с.

5. Белов, В. А. Бездокументарные ценные бумаги / В. А. Белов. – 3 изд. – Москва : Центр "ЮрИнфоР", 2003. – 112 с.

6. Белов, В. А. Юридическая природа «бездокументарных ценных бумаг» и «безналичных денежных средств» / В. А. Белов // Рынок ценных бумаг. – 1997. – № 5 – с. 23-26.

7. Брагинский, М. И. Договорное право : практическое пособие / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 3-е изд., стер. – Москва : Статут, 2011. – Кн. 1. Общие положения. – 847 с.

8. Кодификация российского частного права 2017 : сборник статей / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало и др. ; под ред. П. В. Крашенинникова ; Исследовательский центр частного права им. С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. – Москва : Статут, 2017. – 480 с.

9. Габов, А. В. Ценные бумаги : вопросы теории и правового регулирования рынка / А. В. Габов. – Москва : Статут, 2011. – 1102 с.

10. Гражданское право : учебник: в 3 т. / Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – Т. 1. – 776 с.

11. Шевченко, Г. Н. Документарные и бездокументарные ценные бумаги в современном гражданском праве / Г. Н. Шевченко // Журнал российского права. 2004. – № 9. – С. 58-60.

12. Цифровое право : учебник (под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой). – Проспект, 2020. – 426 с.

13. Колбасин, Д. А. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Д. А. Колбасин. – Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2016. – 492 с.

14. Гражданское право : учеб. Пособие: в 2ч. / В. А. Витушко. – Минск : Белорус. наука, 2007. – Ч. 1 – 566 с.

15. Функ, Я. И. Виды и типы акций в правовой системе Республики Беларусь / Я. И. Функ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

16. Сарнавская, Н. Н. Об особенностях акции как ценной бумаги / Н. Н. Сарнавская // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2013. – № 11. – С. 17–23.

17. Гражданский Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят Государственной Думой 21 октября 1994 года : в ред. Закона Российской Федерации от 31.07.2020. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> – Дата доступа: 05.09.2020.

This article analyzes possible directions for improving the norms of civil law legislation governing legal relations in which shares are the object. Considerable attention is paid to the consideration of the issue of uncertified shares as an object of civil rights.

И. В. Немкевич

канд. ист. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф Скорины»

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ «ДЕКЛАРАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ БССР»

Автор считает, что тезис о рекомендательном характере «Декларации о государственном суверенитете БССР» нуждается в уточнении. В статье приведены исторические прецеденты использования деклараций в качестве конституционных актов. Представлена оценка юридической природы «Деклараций», принятых в 1990 году в других республиках Советского Союза. Обосновано предложение рассматривать «Декларацию о государственном суверенитете БССР» в качестве нормативного акта конституционного содержания и значения.

Тернистый путь Беларуси к национальной государственности отмечен едва ли ни уникальной особенностью: независимость белорусской республики в двадцатом столетии декларировалась конституционными актами четыре (!) раза – в 1918-ом, в 1919-ом, в 1920-ом и в 1990-ом годах. Уже данный факт объясняет интерес к исследованию использованных при этом учредительных нормативных актов. Особое место в ряду этих памятников истории белорусской государственности занимает «Декларация о государственном суверенитете БССР», принятая Верховным Советом БССР 27 июля 1990 года. Общепризнанной является ее оценка в качестве первого этапа процесса законодательного оформления современной белорусской государственности и важного шага на пути в Конституции независимой Беларуси. Наше внимание, однако, привлекло то обстоятельство, что отечественные конституционалисты и историки права до сих пор должным образом не уточнили места и роли этого акта в становлении и развитии национальной правовой системы и не выработали единой позиции по вопросу о юридической природе этого документа.

Большинство учебных пособий, энциклопедических и академических изданий по истории белорусской государственности информируют о содержании принятой в 1990 году «Декларации» без уточнения юридической ее природы. Они же констатируют далее факт придания ей 25 августа 1991 года статуса конституционного закона (опять-таки без попыток прокомментировать данный факт в интересующем нас аспекте). Так, форма акта не уточняется в описании содержания и судьбы «Декларации» в «Нарысах гісторыі Беларусі», изданных Институтом истории АНБ в 1994-1995гг., в учебниках по истории отечественных государства и права, подготовленных профессорами Я.А. Яхо,

А.Ф. Вишневым, Т.И. Довнар. Форма рассматриваемого акта не уточняется и никак не комментируется в фундаментальном академическом издании «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.». Многотомная «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» определяет «Декларацию» 1990 года «урачыстым абвясчэннем аб суверэнітэце дзяржавы», умалчивая о форме акта. Умолчание выглядит демонстративным на фоне энциклопедических определений приведенных рядом иных «Деклараций»: «канстытуцыйны акт» (о «Декларациях» Народного Собрания Западной Беларуси 1939 года и «Декларации прав народов России» 1917 года), «дзяржаўны акт» (о «Декларации независимости ССРБ» 1920 года) [1, с. 336-337].

В 2012 году в Гродненском университете была опубликована обстоятельная монография, специально посвященная классификации источников белорусского права [2]. К сожалению, автор – известный белорусский конституционалист и теоретик права Н.В. Сильченко – не посчитал необходимым включить принятую Верховным Советом БССР в 1990 году «Декларацию» в число рассмотренных в этой интересной работе разнообразных нормативных актов. Целый параграф, посвященный принятию «Декларации», включил в монографию «Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие» ее автор А.В. Курьянович [3]. Исследователь скрупулезно описал процесс принятия документа, отметив «исторический характер» ее утверждения Верховным Советом БССР. Но интересующий нас вопрос о юридической квалификации акта, принятого 27 июля 1990 года, затронут при этом не был.

Заметим также, что в перечисленных публикациях ничего не говорится и о рекомендательном характере «Декларации» в момент ее принятия. Но в отдельных эпизодах предложенного в них анализа содержания исторического акта речь идет при этом о «законодательном» (!) закреплении тех или иных принципиальных положений [4, с. 386; 5, с. 250].

Обзор литературных источников позволяет констатировать, что научная общественность гласно [6, с. 248-249] или по умолчанию солидаризовалась с той оценкой юридической природы «Декларации о государственном суверенитете БССР», которую сформулировал почти два десятилетия назад авторитетнейший белорусский конституционалист Г.А. Василевич. Широко растиражированная [7, с. 39-43; 8, с. 311-314; 9, с. 140-149; 10, с.62-70], эта позиция не признаёт «юридического значения» акта Верховного Совета БССР 27 июля 1990 года и определяет «рекомендательный характер» данного документа в плане соотношения его с другими актами [9, с. 140]. По мнению Г.А. Василевича, провозглашенные в «Декларации» идеи «... не были облечены в ту юридическую форму, которая бы превращала их из рекомендаций в неукоснительные для

соблюдения правила» [9, с. 144]. В его трактовке принятый Верховным Советом БССР акт не являлся законом вовсе: только принятые впоследствии иные нормативные акты «возводили» положения акта 27 июля 1990 года «в ранг закона» [9, с. 146]. Столь ясно высказанная оценка, лишаящая «Декларацию» статуса закона, вызывает уважение не только своей категоричностью, но и проявленным при этом научным тактом. В рассматриваемых публикациях Г.А. Василевич, возглавлявший в то время Конституционный Суд Республики Беларусь, акцентировано отмечает, что изложенная в них оценка «Декларации» является его персональным исследовательским мнением.

Воспринимая данную оговорку авторитетного ученого в качестве приглашения к дискуссии, считаю уместным высказать следующие соображения по заявленной проблеме.

Прежде всего, следует отметить, что сам Г.А.Василевич в монографии «Конституция – основа национальной правовой системы», опубликованной в 2010 году, выделяет группу «актов особой формы» и упоминает в качестве примера таковых «нетипичных актов» Декларацию Верховного Совета БССР «О принятии и объявлении Конституции (Основного Закона) Белорусской Советской Социалистической Республики» 14 октября 1978 года и «нестандартное решение» Верховного Совета БССР 1990 года, уже не ставя под сомнение юридическое значение этих актов [11].

Действительно, обратившись к историческим прецедентам, не трудно убедиться в том, форма деклараций хорошо известна истории права и, на наш взгляд, вполне «типична» в ситуации выхода за рамки существующей национальной правовой системы и учреждения фундаментальных норм новой правовой системы. Прецедент американской «Декларации независимости» положил начало традиции использования данной формы законодательного закрепления учредительных норм (норм-начал) конституционного значения в ряде других государств. Достаточно упомянуть «Декларации прав человека и гражданина» во Франции, «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и «Декларацию прав народов России» в российской истории. Неоднократно такая форма учредительного конституционного акта была использована в истории белорусской государственности: «Декларация независимости ССРБ» 1920г., четыре Декларации, принятые Народным (Национальным) собранием Западной Беларуси 29 октября 1939 года, а также упомянутая Г.А. Василевичем Декларация Верховного Совета БССР 1978г. Отсутствие в названии всех этих актов формального обозначения «конституционный закон» не мешало признанию их таковыми по содержанию и значению, а также и не служило поводом для сомнения в их нормативном характере. Не будет лишним добавить, что некоторые из Деклараций даже неоднократно

становились частью Конституций, принятых в процессе реализации декларированных в них норм-принципов и иных учредительных норм (Конституция 1791 года, конституции Первой и Пятой республик во Франции, Конституция РСФСР 1918 года, Конституция ССРБ 1919 года). Вопрос о правовой природе Декларации как формы законодательства специально рассматривался органом конституционного контроля: в июле 1971 года Конституционный Совет Франции признал Декларацию юридически обязательным документом.

Предполагаю, что как раз этой исторической традицией руководствовался законодатель, избрав форму деклараций для закрепления государственного суверенитета и независимости во время «парада суверенитетов» 1990-1991 гг. Очевидным представляется и стремление законодателя подчеркнуть выбором такой законодательной формы исторический масштаб происходящего события, акцентировать «нестандартность» этого масштаба торжественной формой законодательного акта. Не случайно именно день принятия «Декларации о государственном суверенитете БССР» был объявлен Верховным Советом главным государственным праздником (а не день формального признания за актом 27 июля 1990 года статуса конституционного закона).

Заслуживают внимания и другие аспекты отношения законодателя к «Декларации». Объективным (и законодательно зафиксированным) свидетельством отношения высшего органа власти к акту 27 июля 1990 года является тот неоспоримый факт, что ни в тексте самого документа, ни в ходе его обсуждения и принятия не говорилось ни об отсутствии у него юридической силы, ни о рекомендательном его характере. Отнюдь не демонстрируют сомнений ее в «юридическом значении» и тексты принятых позднее иных актов законодателя. Напротив, закон «Об основах внешнеэкономической деятельности Белорусской ССР», принятый 25 октября 1990 г., основывался «на прынцыпах, замацаваных у Дэкларацыі аб дзяржаўным суверэнітэце рэспублікі». В декабре 1990 года Верховный Совет, «кіруючыся Дэкларацыяй аб дзяржаўным суверэнітэце Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі», постановил объявить собственностью Белорусской ССР все банки и банковские учреждения на территории республики [тексты нормативных актов цитируются по: 12, с. 419].

Анализируя же субъективное отношение депутатов к законодательной деятельности Верховного Совета БССР тех кризисных лет периода «перестройки», необходимо принять во внимание специфику правовой культуры советских граждан. Она была сформирована в обществе, в котором принцип верховенства закона не признавался, а Основной Закон государства носил декларативный характер. В своем подавляющем большинстве депутаты не владели юридическими знаниями, достаточными

для понимания природы, формы и юридического значения многих из активно принимавшихся Верховным Советом того периода законодательных актов. Не только депутатский корпус высшего законодательного органа, включая членов его Президиума, но и подавляющее большинство политически активных граждан Беларуси воспринимала принимавшиеся в республиках Советского Союза декларации о государственном суверенитете в качестве не более чем очередного эпизода большого общесоюзного политического процесса реформирования СССР. Меньше всего, пожалуй, они задумывались при этом о юридической форме этих актов. В этом смысле – в смысле реального восприятия обществом в тот период нашей истории – можно согласиться с предложенной Г.А. Василевичем оценкой юридического значения и рекомендательного характера «Декларации о государственном суверенитете БССР». Однако, такое реальное общественное восприятие нормативно-правового акта не обязательно тождественно его формально-юридической квалификации.

К слову, немногочисленные в депутатском корпусе юристы вполне осознавали необходимость уточнения вопроса о юридической силе столь важного акта и его соотношения с действующим законодательством. Показательными представляются нам два эпизода в ходе обсуждения и принятия «Декларации», отмеченные в монографии А.В. Курьяновича. При обсуждении седьмой статьи депутат В. Гончар настаивал на необходимости внесения в нее поправки, согласно которой «до создания новой конституции БССР на ее территории действуют положения Конституции 1978 года, которые не противоречат данной Декларации» [3, с. 17]. Аналогичная поправка рассматривалась Верховным Советом и при обсуждении двенадцатой статьи «Декларации». Хотя в обоих случаях поправка В. Гончара была отклонена, сам факт ее обсуждения и голосования, на наш взгляд, подтверждает, что далеко не все депутаты видели в принимаемом историческом документе лишь политическое заявление, не имевшее юридического значения.

Общеизвестно, что принятие «Декларации о государственном суверенитете БССР» отнюдь не являлось новаторским шагом белорусского законодателя. В качестве источников при подготовке ее проекта (в «рекордные», по Г.А. Василевичу, сроки) выступали и соответствующие «Декларации» других союзных республик. Обсуждая проблему юридической формы «Декларации о государственном суверенитете БССР», уместно, поэтому, поинтересоваться позициями исследователей других государств постсоветского пространства, определявших форму и юридическую природу своих соответствующих конституционных актов.

Большинство российских специалистов признаёт государственно-правовое значение «Декларации о государственном суверенитете РСФСР». «Вне сомнения, это акт конституционного значения», – определяет профессор

С.А. Авакьян [13, с. 98]. Исследователь А.Ю. Винников, оценивая роль этого акта в становлении российского государства, приходит к выводу о том, что «Декларация, в сущности, представляет собой первый конституционный нормативный правовой акт РСФСР как самостоятельного и независимого государства» [14, с. 101].

Нормативно-правовым актом конституционного значения считают «Декларацию о государственном суверенитете Казахской ССР» маститые ученые Казахстана. Эта Декларация, как отмечал академик Г.С. Сапаргалиев, «... была не просто «Декларацией намерений», а имела нормативный правовой характер» [15, с. 65]. Академик С.З. Зиманов, возглавлявший комиссию по подготовке проекта Декларации, юридическую природу документа определяет дефинициями «основополагающий акт конституционного значения», «исторический акт Конституционного значения» [16]. Аналогичную оценку Декларации, принятой Верховным Советом Киргизской ССР, даёт кыргызский ученый А.А. Арабаев. По его мнению, она является конституционным актом основополагающего значения, имеющим высшую юридическую силу [17, с. 78].

Изложенные соображения позволяют предложить следующую трактовку юридической природы исторического акта 27 июля 1990г. Уже в момент ее принятия «Декларация о государственном суверенитете БССР» не только носила характер важного политического заявления, но и обладала несомненным юридическим значением. По критериям официальности, документальности, компетентности и сохранения должной процедуры принятия она полностью соответствовала критериям, свойственным нормативно-правовому акту. Изначально «Декларация», по нашему мнению, была законом конституционного содержания и значения, юридическая сила которого как минимум приравнивалась к таковой у Основного Закона. Использованная же Верховным Советом форма декларации была адекватной задаче законодательного закрепления исторически новых учредительных норм (норм-начал и норм-принципов). И, кроме того, отражала тот факт, что форма конституционного закона тогда еще не была знакома законодателю.

Закон от 25 августа 1991г. «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Белорусской ССР о государственном суверенитете БССР» лишь устранял юридическую «недосказанность» акта 27 июля 1990 года, вводя в конституционное право нашей республики понятие «конституционный закон» и констатируя, что «Декларация» является частью новой не кодифицированной по форме конституции.

И даже той ее частью, которая имеет приоритет над пока еще действующей кодифицированной ее частью – Конституцией БССР 1978г. Впрочем, вопрос о значении данного закона для истории белорусской государственности и о его месте и роли среди источников конституционного права заслуживает самостоятельного и отдельного обсуждения.

Список использованных источников

1. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 3. Гімназіі – Кадэнцыя / Беларус. Энцикл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 1996. – 527 с.
2. Сільчанка, М.У. Тэорыя крыніц беларускага права: манаграфія / М.У. Сільчанка. – Гродна: ГрДУ, 2012. – 253 с.
3. Курьянович, А.В. Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие: монография / А.В. Курьянович. – Минск: Тесей, 2010. – 176 с.
4. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.
5. История государства и права славянских народов: учеб. пособие / Авт.-сост. И.Н. Кузнецов. – Минск: Новое знание, 2007. – 587 с.
6. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447–1996 гг.): монография / М.Ф. Чудаков. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 327 с.
7. Василевич, Г.А. Референдумы в Беларуси и ее путь к независимости в конце XX столетия / Г.А. Василевич. – Минск: Молодежное научное общество, 2001. – 156 с.
8. Васілевіч, Р.А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р.А. Васілевіч, Т.І. Доўнар, Г.А. Юхо. – Мінск: ВТАА “Права і эканоміка”, 2001. – 363 с.
9. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: Учебник / Г.А. Василевич. – Минск: Книжный Дом; Интерпрессервис, 2003. – 832 с.
10. Василевич, Г.А. Белорусское государство на рубеже веков / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2006. – 444 с.
11. Василевич, Г.А. Конституция – основа национальной правовой системы / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2010. – 261 с.
12. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 2 / М.У. Смяховіч [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. Навука, 2012. – 654 с.
13. Авакьян, С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность: 2-е изд. / С.А. Авакьян. – М.: РЮИД, “Сашко”, 2010. – 528 с.

14. Винников, А.Ю. К вопросу о месте и роли Декларации о государственном суверенитете РСФСР в становлении российского государства / А.Ю. Винников // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 29 (244). Право. Вып. 29. – С. 99–103.

15. Сапаргалиев, Г.С. Конституционное право Республики Казахстан: Академический курс / Г.С. Сапаргалиев. – Алматы: Жети жаргы, 2002. – 528 с.

16. Зиманов, С.З. Парламент Республики Казахстан в трудные годы провозглашения Независимости / С. З. Зиманов. – Алматы: Алаш, 2011. – 287 с.

17. Арабаев, А. А. Конституционное законодательство Кыргызской Республики / А. А. Арабаев. – Бишкек: БАИС, 2001. – 298 с.

The author believes that the thesis about the recommendatory nature of the “Declaration on State Sovereignty of the BSSR” needs to be clarified. The article gives historical precedents for the use of declarations as constitutional acts. An assessment of the legal nature of the “Declarations” adopted in 1990 in other republics of the Soviet Union is presented. The proposal is substantiated to consider the “Declaration on State Sovereignty of the BSSR” as a normative act of constitutional content and significance.

УДК 347.941

Е. В. Парукова

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

К ВОПРОСУ О ВЗЫСКАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

В статье анализируется правовое регулирование и практика правоприменения по взысканию общественными организациями судебных расходов по гражданским делам в правоотношениях судебного представительства как самостоятельного института гражданского процессуального права и в рамках участия общественных организаций в качестве представителей общественности для высказывания своего мнения по существу спора. Рассмотрены подходы к правовому регулированию указанных правоотношений, обусловленные отсутствием правовых норм, непосредственно их регламентирующих. Высказывается обоснованное предложение о целесообразности точной правовой регламентации данных правоотношений.

В настоящее время осуществление правосудия по гражданским делам влечет за собой значительные расходы, которые в силу состязательности процесса и характера защищаемого права частично возлагаются государством на его участников. Большинство дел заканчивается рассмотрением судом вопроса о распределении судебных расходов, понесенных сторонами

в связи с рассмотрением и разрешением дела. Вопрос о распределении судебных расходов может быть поставлен непосредственно в исковом заявлении, или же может быть заявлено отдельное заявление о распределении судебных расходов после рассмотрения дела по существу. Суд должен по каждому конкретному делу разрешать вопросы о распределении судебных расходов.

Правильность распределения судебных расходов обеспечивает реализацию конституционных прав граждан на справедливое правосудие и беспрепятственный доступ к нему, а также на осуществление гражданских прав и свобод, защиту права собственности, тем самым выполняя две важные функции: компенсационную и превентивную.

Гражданское процессуальное законодательство содержит ряд норм, регулирующих данный институт процессуального права. Огромный вклад в формирование единообразного толкования и применения указанных норм права внес Верховный Суд Республики Беларусь (Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 2 июня 2011 г. № 1 «О практике взыскания судебных расходов по гражданским делам и процессуальных издержек по уголовным делам»), но все же возникает много вопросов в правоприменительной деятельности. Так, процессуальное законодательство предусматривает несколько форм участия общественных организаций, в частности «Общество защиты потребителей», в гражданском судопроизводстве:

– в качестве общественного представителя в соответствии со ст. 72 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), когда в силу подп. 6 п. 1 ст. 116 ГПК общественная организация вправе взыскать расходы, связанные с участием в деле;

– в качестве представителя общественности для высказывания мнения по делу в рамках ст. 78 ГПК, где возможность взыскания расходов, связанных с таким участием в деле, законодателем прямо не регламентируется, что вызывает сложности правоприменения и требует правовой регламентации.

Представительство в суде – самостоятельный институт в гражданском процессуальном праве. Он существенно отличается от представительства, предусмотренного гражданским правом в соответствии ст. 183 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Так, судебное представительство – это отношение, в силу которого одно лицо (представитель) выполняет процессуальные действия от имени и в интересах другого лица (представляемого), осуществляя в пределах полномочий процессуальные права и обязанности представляемого.

Ч.1 ст. 70 ГПК устанавливает: «граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. Личное участие в деле граждан не лишает их права иметь по этому делу представителей. Законные представители могут поручить ведение дела другому лицу, избранному ими в качестве представителя» [1].

Согласно статье 72 ГПК: «представителем в суде может быть дееспособное лицо, имеющее надлежащим образом оформленное полномочие на ведение дел в суде, за исключением лиц, перечисленных в статье 73 ГПК.

Представителями в суде могут быть:

- 1) адвокаты;
- 2) работники юридических лиц – по делам этих лиц;
- 3) уполномоченные общественных объединений (организаций), которым законом предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы членов этих общественных объединений (организаций) и других лиц;
- 4) уполномоченные организаций, которым законодательством предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы других лиц;
- 5) законные представители;
- 6) близкие родственники, супруг (супруга);
- 7) представители, назначенные судом;
- 8) один из процессуальных соучастников – по поручению этих соучастников;
- 9) патентный поверенный [1].

Как видно из представленной нормы, одним из видов судебного представительства является общественное представительство – это представительство общественных объединений граждан, которые законом или уставом наделены правом выступать в суде в защиту законных интересов своих членов и других лиц, например, профсоюзы, общества защиты потребителей и т.д.

Однако общественное представительство необходимо отличать от такой формы участия в гражданском процессе, как участие представителей общественности и трудовых коллективов в соответствии со статьей 78 ГПК с целью высказывания своего мнения по делу. Цель их участия – оказание помощи суду в правильном и своевременном рассмотрении дела, в отличие от цели участия общественных представителей – защита в суде интересов представляемого. Участие общественности допускается по их собственной инициативе и по инициативе лиц, участвующих в процессе. При этом вопрос о допуске представителей общественности разрешается судом в судебном

заседании и фиксируется путем вынесения определения. Суд может отказать допустить представителя общественности к участию в гражданском деле, о чем выносится определение. Данное определение, не будучи пресекательным, обжалованию не подлежит. Мнение общественности формируется на собрании выбранного органа общественного объединения или трудового коллектива. Представители общественности могут быть заслушаны на любой стадии гражданского процесса.

В соответствии со статьей 116 ГПК, к издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся:

- 1) суммы, подлежащие выплате свидетелям, экспертам, специалистам и переводчикам;
- 2) расходы, связанные с производством осмотра на месте;
- 3) расходы по розыску ответчика в предусмотренных настоящим Кодексом и иным законодательством случаях;
- 4) расходы, связанные с исполнением решения суда, и почтовые расходы;
- 5) расходы сторон и третьих лиц по проезду и найму жилых помещений, понесенные ими в связи с явкой в суд;
- 6) расходы по оплате помощи представителей;
- 7) компенсация сторонам за потерю рабочего времени;
- 8) другие расходы, признанные судом необходимыми [1].

П.19 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 2 июня 2011 г. № 1 «О практике взыскания судебных расходов по гражданским делам и процессуальных издержек по уголовным делам» определяет, что «к судебным расходам по гражданскому делу, кроме государственной пошлины, относятся издержки, связанные с рассмотрением дела. К издержкам, помимо перечисленных в ст. 116 ГПК, следует относить и иные расходы, связанные с рассмотрением дела и признанные судом необходимыми (п. 8 ст. 116 ГПК). К необходимым расходам, в частности, относятся суммы, уплаченные за оценку имущества, изготовление документов по делу, оказание юридической помощи по составлению заявлений и жалоб, оформление доверенности на представительство в суде и на другие расходы, непосредственно связанные с собиранием и исследованием доказательств, а также с исполнением решения» [2].

Под доказательствами (ст. 178 ГПК) законодатель понимает любые сведения о фактах, входящих в предмет доказывания, полученные в результате использования в установленном законодательством порядке средств доказывания. При этом процессуальное законодательство не содержит определения «мнение общественности».

Обратившись к энциклопедическому толкованию данного понятия, заключаем, что «общественное мнение (мнение общественности)» – форма массового сознания, в которой проявляется отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и процессам действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности. При этом общественное мнение представляет собой совокупность многих индивидуальных мнений по конкретному вопросу, затрагивающему группу людей [3].

Справедливо возникает вопрос о законности исследования мнения общественности в рамках гражданского судопроизводства по конкретному делу в качестве доказательства.

Приведенный анализ указанных определений, их природа (мнение всегда субъективно, доказательство – объективно) не позволяют отнести мнение общественности к доказательствам, собирание и исследование которых, в соответствии с п.19 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 2 июня 2011 г. № 1 «О практике взыскания судебных расходов по гражданским делам и процессуальных издержек по уголовным делам», дает возможность признать расходы, понесенные в связи с этим, к необходимым и, соответственно, подлежащим компенсации (взысканию).

Более того, в соответствии со ст.180, 181 ГПК, суд принимает к рассмотрению только те из представленных доказательств, которые имеют значение для дела. Лицо, представляющее доказательства либо ходатайствующее об их истребовании, должно указать, какие факты, имеющие значение для дела, могут быть установлены этими доказательствами, а факты, которые по закону должны быть подтверждены с помощью определенных средств доказывания, не могут подтверждаться никакими другими средствами доказывания.

И, поскольку, на наш взгляд, невозможно отождествление указанных понятий, даже независимо от того, кто инициировал привлечение общественности к участию в деле для высказывания своего мнения, отсутствуют основания для взыскания расходов, связанных с данной формой участия общественных организаций в гражданском процессе.

Однако, в соответствии со ст. 78 ГПК, представители общественности имеют права, предусмотренные статьей 56 ГПК, за исключением права заявлять отводы, обжаловать судебные постановления, что дает им основания, помимо всего прочего, представлять доказательства, участвовать в исследовании доказательств. И, если таковые будут представлены, помимо изложенного общественного мнения, будут соответствовать всем требованиям процессуального законодательства, будут иметь значение для правильного и своевременного разрешения дела – суд примет их к

рассмотрению, что послужит основанием для реализации возможности взыскания судебных издержек.

Более того, в рамках ст. 72 ГПК ОО «Общество защиты потребителей» вправе участвовать в гражданском судопроизводстве в рамках института общественного представительства. И, в силу подп. 6 п. 1 ст. 116 (расходы по оплате помощи представителей), вправе взыскать расходы, связанные с данной формой участия в деле.

Таким образом, процессуальное законодательство предусматривает две формы участия общественных организаций в рамках гражданского судопроизводства, одной из которых является участие в качестве представителя общественности для высказывания мнения по делу в рамках ст.78 ГПК, где возможность взыскания расходов, связанных с таким участием, будет зависеть от реализации, помимо изложенного мнения по делу, иных процессуальных прав, предусмотренных ст. 56 ГПК, что вызывает множество проблем в правоприменительной деятельности и требует детальной правовой регламентации.

Список использованных источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11.01.1999 г. № 238-З // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 10.09.2020.

2. О практике взыскания судебных расходов по гражданским делам и процессуальных издержек по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 2 июня 2011 года, № 1 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 12.09.2020.

3. Краудфандинг: свободная энциклопедия Википедия. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 16.11.2019.

The article analyzes the legal regulation and practice of law enforcement in collecting court expenses by public organizations in civil cases in the legal relations of judicial representation as an independent institution of civil procedure law and in the framework of participation of public organizations as representatives of the public to Express their opinion on the merits of the dispute. Approaches to the legal regulation of these legal relations, due to the lack of legal norms that directly regulate them, are considered. A reasonable suggestion is made about the expediency of precise legal regulation of these legal relations.

А. С. Политова

канд. юрид. наук, доц.

Донецкий юридический институт МВД Украины (г. Мариуполь)

П. С. Биленко

Донецкий юридический институт МВД Украины (г. Мариуполь)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ПОЧВЕ НЕНАВИСТИ ПО ПРИЗНАКАМ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

В статье проанализированы некоторые положения проекта Закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Украины (о противодействии преступлениям на почве ненависти по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности). На основании анализа положений антидискриминационного законодательства сделан вывод о необходимости законодательного закрепления категорий «гендерная идентичность» и «сексуальная ориентация». Указано на необходимость обратить внимание на главы с преступлениями по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности зарубежных уголовных кодексов, что позволит избежать ошибок в нормотворчестве.

Согласно ст. 3 Конституции Украины человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью. Права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства. Государство отвечает перед человеком за свою деятельность. Утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью государства.

Конституционный Суд Украины в Решение № 2-рп / 2016 от 01.06.2016 г. отметил, что государство, выполняя свою главную обязанность – утверждение и обеспечение прав и свобод человека (часть вторая статьи 3 Конституции Украины) – должно не только воздерживаться от нарушений или непропорциональных ограничений прав и свобод человека, но и принимать надлежащие меры по обеспечению возможности их полной реализации каждым, кто находится под его юрисдикцией. С этой целью законодатель и иные органы публичной власти должны обеспечивать эффективное правовое регулирование, соответствующее конституционным нормам и принципам, и создавать механизмы, необходимые для удовлетворения потребностей и интересов человека. При этом усиленное внимание должно быть сосредоточено на особо уязвимых категориях лиц, к которым относятся, в частности, лица с психическими расстройствами [1].

Следует отметить, что современный гуманистический дискурс в уголовном праве невозможен без обращения к гендерной и дискрими-

национальной проблематике. Проблемы «новой» сексуальности, конструирование гендерной идентичности, вопрос гендерного неравенства и дискриминации, феминистическое движение и т.д. возрождают критический потенциал в этой области. Принципиальное многообразие сексуальных практик, разрыв с разграничением частного и публичного, актуализация интимности в сфере социальных отношений – все это вызывает в жизни изменения правового климата в обществе и необходимость пересмотра подходов к некоторым видам преступлений.

В начале апреля 2020 года субъект законодательных инициатив – народный депутат Украины Василевская-Смаглюк О.Н. подала законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины (о противодействии преступлениям на почве ненависти по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности)» (№ 3316 от 09.04.2020) [2], вызвавший весьма неоднозначное отношение. Так, например, Конференция Епископов Римско-Католической Церкви в Украине в своем обращении просит принять меры для отклонения законопроекта как угрожающего конституционному праву на свободу слова [3]. Вместе с тем высказана и противоположная точка зрения: Президенту Украины В. Зеленскому подана петиция с призывом публично поддержать законопроект №3316 [4].

Что же такого в данном законопроекте, что высказывает совершенно две противоположные точки зрения и дискуссии на разных уровнях общества? Проведённый нами анализ позволяет отметить следующее новеллы:

Во-первых, п. 3 ч. 1 ст. 67 «Обстоятельства, отягчающие наказание» УК Украины предложено изложить в следующей редакции «3) совершение преступления на почве расовой, национальной, религиозной вражды или розни или на почве нетерпимости к сексуальной ориентации или гендерной идентичности лица», а во второй части после цифры «2» дополнить цифрой «3»;

Во-вторых, в п. 14 ч. 2 ст. 115 «Умышленное убийство», ч. 2 ст. 121 «Тяжкие телесные повреждения», ч. 2 ст. 122 «Умышленные средней тяжести телесные повреждения», ч. 2 ст. 126 «Побои и истязания», ч. 2 ст. 127 «Пытки», ч. 2 ст. 129 «Угроза убийством» УК Украины после слов «национальной или религиозной нетерпимости» предложено дополнить словами «или по мотивам нетерпимости к сексуальной ориентации или гендерной идентичности личности», а ч. 2 ст. 120 «Доведение до самоубийства» УК Украины после слов «в отношении двух или более лиц» дополнить словами «или по мотивам нетерпимости к сексуальной ориентации или гендерной идентичности личности».

В-третьих, предложено дополнить УК Украины ст. 161-1 «Публичные призывы к вражде, насильственным действиям, преследование или

унижение достоинства по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности», которая включает в себя:

1. Публичные призывы к вражде, насильственным действиям, преследованиям или унижениям достоинства лиц или группы лиц, или повреждение или уничтожение их имущества по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности, –

наказываются штрафом от двухсот до пятисот необлагаемых минимумов доходов граждан или ограничением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. Те же действия, совершенные должностным (служебным) лицом, – наказываются штрафом от пятисот до тысячи необлагаемых минимумов доходов граждан или лишением свободы на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Действия, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой лиц или повлекшие тяжкие последствия, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.

В-четвертых, ст. 293 «Групповое нарушение общественного порядка» УК Украины предложено дополнить ч. 2 следующего содержания: «2. Те же действия, если они были совершены по мотивам расовой, национальной или религиозной нетерпимости, или по мотивам нетерпимости к сексуальной ориентации или гендерной идентичности лиц, –

наказываются лишением свободы на срок от двух до пяти лет».

В-пятых, в ч. 2 ст. 294 «Массовые беспорядки» УК Украины после слов «иные тяжкие последствия» предложено дополнить словами «или совершенные по мотивам расовой, национальной или религиозной нетерпимости, или по мотивам нетерпимости к сексуальной ориентации или гендерной идентичности лиц».

Следует отметить, что эта уже не первая попытка народных депутатов Украины криминализировать некоторые исследуемые нами аспекты, в частности, законопроектом (регистр. № 8711 от 20.06.2011) предлагалось путем внесения изменений в законы Украины «О защите общественной морали», «О печатных средствах массовой информации (прессе) в Украине», «О телевидении и радиовещании», «Об издательское дело», а также в УК Украины запретить пропаганду гомосексуализма и установить уголовную ответственность за нарушение этого запрета. Кроме того, можно вспомнить и законопроект «О запрете направленной на детей пропаганды однополых сексуальных отношений» (регистр. № 1155 от 24.12.2012), который с позиции большинства правозащитных организаций, должен был

привести к узакониванию дискриминационных практик на государственном уровне.

Украинское антидискриминационное законодательство состоит из Закона Украины от 06.09.2012 № 5207-VI «О принципах предотвращения и противодействия дискриминации», который определяет организационно-правовые основы предотвращения и противодействия дискриминации с целью обеспечения равных возможностей для реализации прав и свобод человека и гражданина. В тоже время в перечень запрещенных к дискриминации признаков законодатель не отнес сексуальную ориентацию и гендерную идентичность. Этот вывод вытекает из ст. 5 вышеуказанного Закона, где законодательно закреплено следующие формы дискриминации: прямая дискриминация (ситуация, при которой с лицом и/или группой лиц по их определенным признакам ведут себя менее благосклонно, чем с другим лицом и/или группой лиц в аналогичной ситуации, кроме случаев, когда такое поведение имеет правомерное, объективно обоснованную цель, способы достижения которой являются надлежащими и необходимыми); косвенная дискриминация (ситуация, при которой в результате реализации или применения формально нейтральных правовых норм, критериев оценки, правил, требований или практики для лица и/или группы лиц по их определенным признакам возникают менее благоприятные условия или положение по сравнению с другими лицами и/или группами лиц, кроме случаев, когда их реализация или применение имеет правомерное, объективно обоснованную цель, способы достижения которой являются надлежащими и необходимыми); подстрекательство к дискриминации (указания, инструкции или призывы к дискриминации в отношении лица и/или группы лиц по их определенным признакам); пособничество в дискриминации (любая сознательная помощь в совершении действий или бездействия, направленных на возникновение дискриминации); ущемление (нежелательна для лица и/или группы лиц поведение, целью или следствием которой является унижение их человеческого достоинства по определенным признакам или создание в отношении такого лица или группы лиц напряженной, враждебной, оскорбительной или уничижительной атмосферы) [5].

Отсутствие законодательного определения сексуальной ориентации и гендерной идентичности обуславливает необходимость рассмотрения данной терминологии с научной точки зрения. В широком смысле сексуальная ориентация является одной из естественных свойств человеческой личности, которая заключается в направленности психоэмоциональной сферы человека, его эротического (чувственного) поезда и сексуальных потребностей на представителей исключительно или почти исключительно противоположного гендера (гетеросексуальность),

исключительно или почти исключительно своего гендера (гомосексуальность) или на представителей обоих гендер (бисексуальность).

С медицинской точки зрения, все три разновидности сексуальной ориентации являются нормативными и не представляют сами по себе болезни или поведенческого расстройства. В частности, в международной классификации болезней указано, что сексуальная ориентация сама по себе не должна рассматриваться как отклонение [6, с. 403].

Гендерная идентичность – это глубокое осознание человеком внутренних и индивидуальных особенностей гендерной принадлежности, которая может как совпадать, так и не совпадать с полом человека по рождению.

Таким образом, без адекватного понимания законодателем категорий «половая принадлежность», «гендерная идентичность», «сексуальная ориентация», а также при условии игнорирования права сообществом данной проблематики в правоприменительной практике невозможен дальнейший прогресс в борьбе с дискриминацией в различных ее проявлениях.

Особенности развития украинского общества не дают оснований утверждать, что оно готово к обсуждению проблем трансгендеров и лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, нормирования их жизни, а также к защите их прав. Однако Украина как государство, взяла на себя ряд международно-правовых обязательств, в том числе по предотвращению дискриминации, и вынуждена продвигаться в этой области. Соответствующим ориентиром должны стать деятельность международных организаций и различные международно-правовые документы. Украина последовательно поддерживает и ратифицирует почти все основные международно-правовые документы по защите прав человека.

31 марта 2010 г. Комитет министров Совета Европы единогласно принял Рекомендации по мерам для преодоления дискриминации на основе сексуальной ориентации и гендерной идентичности CM/Rec(2010)5. Документ рекомендует странам-членам Совета Европы (СЕ) внедрить ряд мер по совершенствованию законодательства и политики для обеспечения прав человека в отношении ЛГБТ в таких сферах: трудовые отношения, свобода ассоциаций и мирных собраний, частная и семейная жизнь, образование, здравоохранение, спорт, учет факторов гомофобии/трансфобии при расследовании правонарушений, включая признание при этом меры ответственности.

Если рассматривать административно-правовые средства, которые должны применяться государством в сфере обеспечения прав сексуальных меньшинств, обобщенные в Рекомендации CM/Rec(2010)5, то к таким могут быть отнесены:

– борьба со всеми формами высказываний, в том числе в СМИ и Интернете, которые могут считаться направленными на разжигание,

распространение или пропаганду ненависти, или других форм дискриминации в отношении лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров;

– обеспечение права на свободу объединений без дискриминации по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности;

– предотвращение любого незаконного вмешательства в право отдельных лиц и групп лиц на осуществление свободы слова и мирных собраний, особенно когда это касается прав представителей ЛГБТ-сообществ;

– отмена любого дискриминационного законодательства, которое криминализирует добровольные однополые сексуальные акты между совершеннолетними и т.п.

Что же касается уголовной ответственности, то в ежегодном докладе о состоянии соблюдения прав человека в Украине за 2019 г. Уполномоченный Верховной Рады Украины по правам человека указывает о необходимости обратить внимание на факт существования в стране радикально настроенных организаций, которые открыто заявляют о своей позиции нетерпимости к людям с отличной сексуальной ориентацией, а также к любым изменениям гендерной принадлежности. Также в докладе указано на ускорение выполнения пункта 3 раздела 105 Плана действий Национальной стратегии в области прав человека, утвержденной Указом Президента от 25.08.2015 № 501/2015, предусматривающего разработку и представление на рассмотрение Кабинета Министров Украины законопроекта о внесении изменений в действующее законодательство Украины с целью обеспечения наказания за преступления, совершенные по мотивам нетерпимости, за таким признакам, в частности, как сексуальная ориентация.

Если проанализировать УК Украины, то изменения будут касаться п. 3 ст. 67, ч. 2 ст.ст. 115, 121, 122, 126, 127, 129, ст. 293 УК Украины, где содержится указание на национальную или религиозную нетерпимость. Вместе с тем, следует отметить, что они никак не касаются ст. 294 УК Украины, как это предложено в законопроекте «Проект Закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Украины (о противодействии преступлениям на почве ненависти по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности)» (реестр. № 3316 от 09.04.2020).

Говоря об уголовной ответственности, хотелось бы отметить, что в Украине существует Закон Украины от 08.09.2005 № 2866-IV «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин», где в ст. 1 содержится термин «сексуальные домогательства», под которыми понимаются «действия сексуального характера, выраженные словесно (угрозы, запугивания, непристойные замечания) или физически (прикосновения, похлопывания), унижающие или оскорбляющие лиц, находящихся в отношениях трудового, служебного, материального или другого подчинения» [7]. Исходя из данного понятия, можно предположить,

что подобные действия в определенной степени граничат с признаками преступлений, предусмотренных разделом IV. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности Особенной части УК Украины.

Подводя итог нашему исследованию, можно отметить, что наука и законодательство должны предоставлять ориентиры правоприменителю для разграничения определенных сфер правового регулирования. Что же касается законопроекта «Проект Закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Украины (о противодействии преступлениям на почве ненависти по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности)» (реестр. № 3316 от 09.04.2020), то проведенное нами исследование указывает на необходимость законодательного закрепления категорий «гендерная идентичность» и «сексуальная ориентация», что позволит определить составы преступлений, в которые необходимо внести изменения. Также украинскому законодателю необходимо обратить внимание на некоторые особенности норм зарубежных уголовных кодексов, в частности глав с преступлениями по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности, а также изучить практику противодействия этой преступности. Это позволит избежать ошибок в нормотворчестве народных депутатов Украины и более эффективно противодействовать им.

Список использованных источников

1. Решение по делу о соответствии Конституции Украины (конституционности) положения третьего предложения части первой статьи 13 Закона Украины «О психиатрической помощи» по конституционному представлению Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека (дело о судебном контроле за госпитализацией недееспособных лиц в психиатрическое учреждение). – Режим доступа: <https://pandia.org/text/80/247/40086.php>. – Дата доступа: 26.04.2020.

2. Проект Закону про внесення змін до Кримінального кодексу України (щодо протидії злочинам на ґрунті ненависті за ознаками сексуальної орієнтації та гендерної ідентичності). – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=68552. – Дата доступа: 26.04.2020.

3. Звернення українських єпископів РКЦ до Верховної Ради України. – Режим доступа: <http://catholicnews.org.ua/zvernennya-ukrayinskih-iepiskopiv-rkc-do-verhovnoyi-radi-ukrayinih>. - Дата доступа: 26.04.2020.

4. Петиція Президентіві України В. Зеленському: закликаємо публічно підтримати законопроект №3316 (щодо протидії злочинам на ґрунті ненависті). - Режим доступа: <https://petition.president.gov.ua/petition/92952>. – Дата доступа: 26.04.2020.

5. Про засади запобігання та протидії дискримінації в Україні: Закон України від 06.09.2012 № 5207-VI. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5207-17>. – Дата доступа: 26.04.2020.

6. Міжнародна статистична класифікація хвороб та споріднених проблем охорони здоров'я: Десятий перегляд / Всесвітня організація охорони здоров'я, Міністерство охорони здоров'я України, Український інститут громадського здоров'я. – Т. 1. Ч. 1. К. : Здоров'я, – 1998. – 685 с.

7. Про забезпечення рівних прав та можливостей жінок і чоловіків: Закон України від 08.09.2005 № 2866-IV. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2866-15/print>. – Дата доступа: 26.04.2020.

This article is concerning on analysis of certain provisions of the draft of the law «On amending of Criminal Code of Ukraine (with regard to counteraction to hate crimes on the grounds of sexual orientation and gender identity)». Based on study of antidiscrimination legislation norms a conclusion on necessity of legal definition of categories «gender identity» u «sexual orientation» has been made. It was stressed on the acute need of paying thorough attention +to foreign criminal legislation chapters dedicated to crimes on the grounds of sexual orientation and gender identity to avoid mistakes in lawmaking.

УДК 343.131

И. В. Ревина

канд. юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

О. С. Пашутина

канд. юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

И. Н. Чеботарева

канд. юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ОТКАЗ ОТ ПРАВА И ОТКАЗ ОТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается правовая природа отказа от права применительно к российскому уголовно-процессуальному законодательству. Этот институт является сравнительно новым и малоисследованным в российской доктрине, что обуславливает определенный научный интерес к изучению данной проблематики. В статье дана общая характеристика применения отказа от права в зарубежных странах как самостоятельного правового явления.

Отстаивается позиция о необходимости разграничения отказа от прав и отказа от осуществления прав участниками уголовно-процессуальной деятельности, проанализирован дифференцированный подход законодателя по данному вопросу. На основе теоретико-

правового анализа, изучения судебной и дисциплинарной адвокатской практики определены критерии допустимости совершения отказа от реализации процессуального права.

Рассмотрены возможности законодательного урегулирования отказа от права в рамках уголовного судопроизводства.

Отказ от права – это институт, известный и широко используемый во многих правовых семьях. Как показывает исторический экскурс, его правовое становление и развитие берет свое непосредственное начало из римского права,

предусматривающего прекращение права по отречению – *renuntiatio*, когда субъект просто отказывается от права, не уступая его определенному лицу.

Наибольшее внимание правовому регулированию данного института уделено в странах общего права, где была сформирована англо-саксонская доктрина «*waiver*», предполагающая преднамеренный добровольный отказ от известного права, требования, привилегии, выгоды или преимущества в любой отрасли права [1, с.139]. В странах англо-саксонской системы права дано толкование данному понятию, обозначены условия допустимости отказа от прав, определена форма совершения такого отказа от права, выработаны критерии его недействительности при определенных условиях.

Источники континентальной догмы права также устанавливают возможность отказаться от существующего права. Так, в правовой системе Германии выделяют институт *Verzicht*, представляющий собой волеизъявление лица, направленное на прекращение права, для наступления правового эффекта которого достаточно его восприятия другой стороной, и институт неосуществления права (*Nicht-ausübung*) [2, с.93, с.87].

Для российского права данный институт является на сегодняшний день малоисследованным и недостаточно разработанным.

Ни в отечественной доктрине, ни в судебной практике не выработано четких критериев такому правовому явлению, как отказ от права, его разграничения от отказа от осуществления/неосуществления права. Более того, дискуссионна сама возможность такого разграничения.

Попытаемся разобраться в указанной терминологии. Если гражданско-правовое регулирование устанавливает в виде общего правила запрет на отказ от осуществления гражданских прав (п.2 ст.9 Гражданского кодекса РФ) и специальные правила для отказа от договорных прав (п. 6 ст. 450.1 Гражданского кодекса РФ), то в уголовно-правовой сфере такого запрета как самостоятельного правового института, не предусмотрено, полагаем, в силу специфики правоотношений, возникающих в данной отрасли в целом. Гражданская область ввиду диспозитивных начал предполагает большую свободу выбора субъектами таких отношений, нежели реализация принципа публичности в уголовно-процессуальной деятельности.

Вместе с тем, отдельные нормы уголовно-процессуального закона не исключают возможности отказа от того или иного права участниками судопроизводства.

Как показывает анализ правоприменительной практики, при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности ее субъекты зачастую сталкиваются с уклонением либо нежеланием участников уголовного судопроизводства реализовывать предоставленные им законом права. Возникает резонный вопрос: допустим ли отказ от права в уголовно-процессуальных правоотношениях и каковы его последствия?

Безусловно, данная проблематика многоаспектна и безгранична. Не акцентируя внимание столь объемно, рассмотрим ее в данной статье применительно к реализации права на получение квалифицированной юридической помощи.

Согласно правовым предписаниям, определяющей обязанностью государства является не только предотвращение и пресечение в установленном порядке преступлений, но и обеспечение участникам уголовного судопроизводства возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами и средствами.

Одной из конституционных гарантий, направленных на реализацию данной правовой нормы, выступает право каждого гражданина на получение квалифицированной юридической помощи (ст.48 Конституции РФ).

Данное право предоставлено законом как потерпевшей стороне, так и подозреваемому, обвиняемому в совершении преступления, а также свидетелю при производстве по уголовному делу.

Более того, статья 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в качестве общеправового положения закрепляет принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, который может быть реализован как лично вышеуказанными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, так и с привлечением адвоката в качестве защитника.

Вместе с тем, законодатель не исключает возможности отказа от услуг адвоката-защитника или адвоката-представителя ввиду различных оснований.

Так, наиболее часто в судебной практике встречается отказ от защитника при так называемой «двойной защите», когда в уголовном деле участвует адвокат по назначению правоохранительных органов и приглашенный подозреваемым, обвиняемым защитник.

Проиллюстрируем данное положение конкретным примером из дисциплинарной адвокатской практики.

Для защиты двух подозреваемых по одному уголовному делу по вызову следователя прибыли два адвоката по назначению. Оба подследственных отказались от них, ссылаясь на наличие адвокатов по

соглашению. Один из назначенных адвокатов отказался участвовать в незаконных следственных действиях, другой – адвокат Р. – не отказался и стал впоследствии участником дисциплинарного производства.

На его действия подал жалобу адвокат Л., осуществляющий защиту по соглашению, которого следователь предпочел не вызывать, а заменить на адвоката по назначению...

Как следует из материалов дисциплинарного производства, адвокат Р. принял участие в следственных действиях с подзащитным, у которого имелся адвокат по соглашению, нарушив Решение Совета ФПА РФ №1 от 27.09.2013, в соответствии с которым: «Адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли подсудимого и навязывать ему свою помощь в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению» [3].

Как показывает анализ судебной практики, в последнее время увеличивается количество подобных фактов. По данному вопросу 17 июня 2019 года была сформулирована правовая позиция Конституционным Судом РФ, анализируя которую Н.М.Кипнис справедливо отмечает, что «такой отказ возможен (не противоречит Конституции РФ, принципам уголовно-процессуального права и другим нормам УПК РФ), но не может рассматриваться как отказ от защитника вообще, так как право подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи предполагается обеспеченным, а потому положение ч. 2 ст. 52 УПК РФ о необязательности отказа от защитника для дознавателя, следователя и суда в данном случае не может применяться со ссылкой на защиту прав подозреваемого, обвиняемого» [4].

На наш взгляд, аналогичным образом следует интерпретировать случаи отказа потерпевшего от помощи адвоката-представителя в связи с расхождением в позициях по делу. При этом как существенный недостаток действующего уголовно-процессуального закона, нам видится отсутствие правовой регламентации порядка как допуска к участию в уголовном деле адвоката-представителя потерпевшего, так и отказа от него.

Полагаем, в описанных выше ситуациях не представляется возможным говорить об отказе от права со стороны указанных субъектов процесса в силу того, что действие такого права не прекращается, лицо не утрачивает процессуальной возможности воспользоваться данным правом в дальнейшем.

Следовательно, речь идет не об отказе от права в целом, а от возможности осуществления своего права обозначенными участниками уголовно-процессуальной деятельности.

Отказ от реализации того или иного права может быть выражен как в форме активных действий со стороны заинтересованных субъектов, так и в

форме бездействия, в том числе ввиду незнания субъектом своего права либо недопонимания такой процессуальной возможности.

В рамках гражданского права, к примеру, допускается так называемый «молчаливый» или «подразумеваемый» отказ от права, т.е. отсутствие каких-либо определенных действий со стороны субъекта, направленных на реализацию того или иного процессуального права.

Как отмечается в научной литературе, «молчание может иметь юридическое значение и выражать волю лица прекратить субъективное право, в случае если законом установлен некий пресекательный срок, по истечении которого лицо утрачивает свое право. Так, в соответствии со ст. 1136 ГК РФ, если отказополучатель не воспользуется своим правом на получение завещательного отказа в течение трех лет, он утрачивает свое право» [5].

Уголовно-процессуальный закон не столь категоричен в данном аспекте.

В частности, право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей или право на особый порядок судебного заседания в связи с согласием обвиняемого с предъявленным ему обвинением может остаться нереализованным при отсутствии выраженного намерения субъекта, также как и, предположим, право на участие в судебных прениях со стороны потерпевшего.

В то же время, отсутствие соответствующего ходатайства об участии в деле адвоката в качестве представителя в интересах потерпевшего не может свидетельствовать об отказе со стороны потерпевшего от реализации своего процессуального права на получение квалифицированной юридической помощи в целом, поскольку, как отмечалось ранее, не исключает возможность реализовать данное право в последующем.

Аналогичную аргументацию можно привести применительно отказа свидетеля, вызванного на допрос, от услуг адвоката, но при условии проведения последующих следственных действий, допускающих возможность привлечения адвоката к участию в них (например, повторных допросов или очной ставки). В противном случае можно говорить об отказе свидетеля от реализации своего процессуального права на адвоката.

Следовательно, можно выделить определенные условия признания отказа от права легитимным:

1) закрепление права, т.е. наличие права, которое подлежит правовой защите. Это может быть конституционное положение либо процессуальная норма. Например, нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующие процессуальный статус участников уголовного судопроизводства.

2) знание своего права – предполагается, что субъект знал о существовании у него определенного права на момент совершения отказа. Это обеспечивается в уголовном судопроизводстве через реализацию

принципа охраны прав и свобод человека и гражданина (ст.11 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Ч.1 указанной правовой нормы закрепляет обязанность суда, прокурора, следователя, дознавателя разъяснить подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав.

3) волеизъявление субъекта права – осознанное и добровольное намерение лица отказаться от права в целом, выраженное в форме действия / бездействия.

Вместе с тем, в уголовном судопроизводстве прямое волеизъявление участника процесса об отказе от реализации определенного права не всегда свидетельствует о прекращении действия самого права.

Следовательно, основным критерием, отграничивающим отказ от права и отказ от осуществления права, выступает не столько волеизъявление субъекта правоотношения, сколько правовая регламентация.

На наш взгляд, институт отказа от права требует законодательного регулирования в отечественной уголовно-процессуальной доктрине при «злоупотреблении правом» участниками процесса, скажем, со стороны обвиняемого, когда отказ от очередного защитника осуществляется в целях затягивания сроков предварительного расследования.

Схожий правовой институт закреплен в гражданском праве - *judicial estoppel* (ст.ст.166,432 ГК РФ). Речь идет об утрате стороной судебного разбирательства права на возражение в последующем при ее недобросовестном или противоречивом поведении.

Безусловно, в качестве гарантии должны быть определены условия действительности такого отказа и последствия его применения. Не исключаем вероятность определения критериев того, от каких прав отказаться можно, а от каких – нельзя.

На наш взгляд, в уголовном судопроизводстве недопустим отказ от права, когда интересы правосудия превалируют над личными интересами участников процесса. Скажем, участие в уголовном деле в качестве потерпевшего не зависит от его волеизъявления и является обязанностью по делам публичного обвинения.

У адвоката не может быть субъективного права прекратить защиту, а по сути, - отказаться от нее, так как оказание квалифицированной юридической помощи является конституционной и одновременно его процессуальной обязанностью.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 28 ноября 2018 года отменила постановление суда и передала уголовное дело на новое судебное рассмотрение ввиду нарушения права В. на защиту в судебном заседании, указав следующее: в силу ч.7 ст. 49 УПК РФ адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого,

обвиняемого, что исключает, в частности, занятие адвокатом позиции по делу, противоречащей позиции его подзащитного, а также объективно существующим интересам этого подзащитного.

В ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела В. неоднократно заявлял о своей непричастности к убийству, утверждал, что М. в день совершения преступления он не видел, а возле места, где было совершено преступление, видел двух мужчин.

Вместе с тем адвокатом, защищавшим В. в судебном заседании, эта позиция не была поддержана, он заявил, что стороной защиты не будут представлены какие-либо доказательства. В судебных прениях адвокат отметил, что выводы о совершении В. преступления, предусмотренного п.вч.2ст.105 УК РФ, не представляется возможным опровергнуть доказательствами, свидетельствующими о его непричастности к инкриминируемому преступлению, его виновность доказывают и результаты проведенных экспертиз.

Не была поддержана позиция В., отрицавшего свою причастность к убийству М., и его законным представителем.

Таким образом, участники уголовного судопроизводства, обязанные защищать права и интересы представляемого ими В., фактически отказались от его защиты, поддержав сторону обвинения [6].

Вывод: проанализировав дифференцированный подход законодателя относительно такого явления как отказ от права, проведя его анализ с зарубежными аналогами, нами была определена правовая природа данного института, аргументирована позиция о необходимости разграничения отказа от прав и отказа от осуществления прав, выявлены критерии допустимости совершения такого отказа от реализации процессуального права. В частности, отказ от права возможен при соблюдении таких условий, как непосредственное волеизъявление субъекта правоотношения об отказе от права, знание о наличии определенного права и последствиях такого отказа, форма отказа, указывающая на добровольный характер отказа путем реализации свободы выбора. Вместе с тем, отказ от права может быть ограничен, если это необходимо в целях недопущения нарушения баланса между публичным и частным интересом.

Список использованных источников

1. Бойко, Т.С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы / Т.С. Бойко // Журнал. – 2012. – №3. – С.133-145.

2. Власова, Е.Д. Институт отказа от права: применение в российском праве и в зарубежных правовых порядках [Электронный ресурс] / Е.Д. Власова // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – №1 // – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/institut-otkaza-ot-prava-primenenie-v-rossiyskom-prave-i-v-zarubezhnyh-pravoporyadkah/viewer>. - Дата доступа : 17.03.2020.

3. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Санкт-Петербурга за вторую половину 2019 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/the-review-of-the-disciplinary-practice-of-lawyer-chamber-of-saint-petersburg-for-the-second-half-of/>. – Дата доступа : 17.03.2020.

4. Кипнис, Н.М. Опасности «двойной защиты» [Электронный ресурс] / Н.М. Кипнис // Режим доступа: <https://fparf.ru/polemic/opinions/opasnosti-dvoynoy-zashchity/>. - Дата доступа : 17.03.2020.

5. Кузнецова, О.А. Отказ от права как односторонняя сделка: проблемы правоприменительной практики [Электронный ресурс] / О.А. Кузнецова // Режим доступа: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-yurisprudentsii-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauchno-praktich/sektsiya-3-grazhdanskoe-pravo-predprinimatelskoe-pravo-semeynoe-pravo-mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo-/otkaz-ot-prava-kak-odnostoronnyaya-sdelka-problemy-pravoprimeritelnoy-praktiki/>. – Дата доступа : 17.03.2020.

6. Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2020. - №3. - С.40-41

УДК 343.13

Т. К. Рябинина

канд. юрид. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Юго – Западный государственный университет» (г. Курск)

С. Л. Емельянов

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ ПО УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье исследуются вопросы, посвященные правовому регулированию института возвращения уголовного дела прокурору через призму сравнительного исследования российского и белорусского уголовно-процессуального законодательства. Авторы приходят к выводу, что, исходя из задач данного института, принципиальные отличия в его правовом регулировании по УПК Российской Федерации и УПК Республики Беларусь отсутствуют, однако основания возвращения уголовного дела прокурору и, соответственно, полномочия судьбы по устранению выявленных нарушений закона по УПК Российской Федерации и УПК Республики Беларусь различаются.

Многолетний опыт действия УПК РФ 2001 г. показал, что российский законодатель, в целях реализации Концепции судебной реформы в РФ [1, 110 с.], стремился, с одной стороны, приблизиться к состязательному процессу и, с другой стороны, усилить судебный контроль за досудебным производством, а также создать надежный механизм для устранения допущенных органами предварительного расследования недостатков и нарушений уголовно-процессуального закона, исключающих принятие по делу законного судебного решения. В этих целях, в частности, вместо института возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования был введен новый – возвращение дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Введение указанного института ставит своей целью реализацию одного из основных направлений судебной реформы – утверждение самостоятельной и независимой судебной власти, поднятие авторитета суда, его нового статуса, лишение его полномочий, позволявших хоть сколько-нибудь сомневаться в его беспристрастности и справедливости. Поэтому возвращение уголовного дела прокурору со стадии назначения и подготовки к судебному заседанию в рамках общих задач этой стадии преследует цель создать необходимые условия для дальнейшего рассмотрения уголовного дела по существу в стадии судебного разбирательства. Тем самым законодатель не отверг идею о необходимости существования механизма устранения нарушений, допущенных в ходе досудебного производства, а видоизменил его в сторону лишения судебной деятельности обвинительных начал, к чему и призывали авторы Концепции судебной реформы.

Как отмечается в юридической литературе, отказ от прежнего института «...обусловлен целями стимулирования качества расследования и обеспечения права обвиняемого быть судимым без неоправданной задержки», что закреплено в ч. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека [2, с. 516]. Кроме того, и судебная практика, и теоретические исследования института возвращения дела на доследование советского периода свидетельствовали о том, что суд создавал именно стороне обвинения благоприятные условия для продолжения уголовного преследования, возвращая дело прокурору во всех сомнительных ситуациях, вместо того чтобы принять окончательное решение, в том числе вынести оправдательный приговор.

Вместе с тем отношение к новому уголовно-процессуальному институту со стороны российских ученых разное [3, 224 с.]. Так, одни авторы полагают, что уголовное дело возвращается прокурору с целью исправления единичных процессуально-технических недостатков, а не с целью комплексного дополнительного расследования [4, с. 2–4; 5, с. 281–282; 6, с. 27], устранения явных препятствий для разрешения дела

по существу [7, с. 41], поэтому отдельные ученые стали критиковать новый институт, отмечая, что суд лишен возможности принимать меры к вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора, а, следовательно, и к разрешению дела, что негативным образом сказывается на статусе суда как самостоятельного и полноправного субъекта процессуальной деятельности [8, с. 3–7; 9, с. 27].

Другие авторы уверены, что этот институт не что иное, как восстановленный, или видоизмененный институт возвращения уголовного дела для производства предварительного расследования [10, с. 84–86; 11, с. 47–49; 12, с. 31–32; 13, с. 36–38; 14, с. 6–9; 15, с. 29; 16, с. 554–559; 17, с. 50 и др]. Такой подход находит отклик и у большинства правоприменителей, и обусловлен он тем, что устранение многих недостатков предварительного расследования при возвращении уголовного дела не может быть не связано с производством следственных действий, на что указал и Конституционный Суд РФ, признав данное положение не соответствующим Конституции РФ [18]. Так, 46,7% опрошенных автором судей, 65,9% прокуроров и 85,7% адвокатов считают данный институт реанимированным институтом возвращения уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования.

Напротив, И.А. Лупин полагает, что ныне действующий механизм возвращения уголовного дела прокурору нарушает правовую преемственность институтов российского уголовного судопроизводства, предлагая восстановить институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование [19, с. 27]. Схожие идеи о расширении полномочий суда по выявлению и устранению выявленных нарушений закона, допущенных в досудебном производстве, путем восстановления некоторых оснований возвращения уголовного дела прокурору, предусматривавшихся в УПК РСФСР, в том числе, связанных с восполнением неполноты проведенного предварительного расследования, высказывают и другие авторы [20, с. 35; 21, с. 11; 22, с. 17; 23, с. 19–20; 24, с. 22; 25, с. 8].

Однако, несмотря на такой разброс мнений относительно этого института, объединяет их отношение к нему как действенному механизму устранения нарушений закона, допускаемых в досудебном производстве, которые выявляются в первой судебной стадии и препятствуют направлению уголовного дела в следующую стадию. В условиях расширения полномочий суда в производстве по уголовному делу в сторону усиления судебного контроля за досудебным производством суд как орган правосудия должен быть наделен властными полномочиями по отношению к органам предварительного расследования, их незаконным и необоснованным решениям, препятствующим рассмотрению и разрешению

уголовного дела по существу, в том числе и путем возвращения уголовного дела прокурору для устранения выявленных препятствий. Опрос практических работников подтвердил целесообразность существования данного института: 90% судей, 72,7% прокуроров и 64,3% адвокатов высказались за него положительно.

Поэтому следует согласиться с мнением о том, что правовая система смешанного типа с розыскным предварительным расследованием и состязательным судебным производством предполагает между расследованием и разрешением дела наличие промежуточного судебного контроля [26; 27].

При рассмотрении столь актуального вопроса важен и зарубежный опыт. Так, в странах англосаксонской правовой системы институт возвращения уголовного дела в досудебное производство отсутствует, поскольку центральным вопросом в стадии предания суду является установление достаточности представленных суду доказательств сторонами, прежде всего стороной обвинения, их легализация и предъявление другой стороне, что осуществляется именно в суде на предварительном судебном заседании, поэтому нет никакой необходимости существования такого института. Не предусмотрено возвращение уголовного дела из суда и законодательством Германии (согласно § 204 УПК ФРГ суд, в случае неподтверждения наличия достаточного подозрения в совершении преступного деяния, выносит постановление (определение) об отклонении открытия основного судебного производства, что исключает возможность повторного обвинения на том же основании; в силу § 211 УПК ФРГ обвинение может быть возобновлено лишь на основании новых фактов или доказательств), Республики Молдова, Латвийской Республики, Кыргызской Республики.

Что касается правового регулирования института возвращения уголовного дела прокурору по законодательству тех стран постсоветского пространства, где он сохранился после реформирования национальных правовых систем (в том числе и в Республике Беларусь), то общим для них остался подход к данному институту как механизму устранения выявленных при поступлении дела в суд нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных в ходе досудебного производства, что объединяет правовое регулирование данного института в этих странах и России [28, с. 27–30].

Примечательно, что долгое время УПК РБ, принятый в 1999 г., сводил деятельность по назначению судебного разбирательства только к единоличным действиям судьи, который в соответствии с ч. 1 ст. 276 УПК мог принять одно из решений: о направлении дела по подсудности; о прекращении производства по делу; о приостановлении производства по делу; о назначении судебного разбирательства, то есть контрольная

составляющая деятельности суда по отношению к результатам досудебного производства была существенным образом сужена. Правомочие суда по возвращению уголовного дела прокурору не предусматривалось, что следовало из основных положений Концепции судебно-правовой реформы в Республике Беларусь, констатирующих, что суд как орган правосудия не должен осуществлять несовместимые с его статусом функции, в том числе восполнять пробелы предварительного следствия [29].

Однако, пройдя сложный путь правового регулирования стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в современных условиях, белорусский законодатель, также как и российский, в 2014 г. все же выбирает более демократичную процедуру, введя институт предварительного судебного заседания, которое судья вправе назначить по ходатайству сторон или по собственной инициативе в случаях, если имеются основания для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных статьей 280¹ УПК РБ; для прекращения производства по уголовному делу; для решения вопроса о назначении судебного разбирательства по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Предварительное судебное заседание (как и предварительное слушание – по УПК РФ) проводится в соответствии с процедурой, предусмотренной ст. 280-2 УПК РБ, с участием сторон, что, несмотря на то, что круг вопросов, решаемых на нем, уже, чем по российскому закону, тем не менее, означает переход белорусского судопроизводства к новому этапу в правовом регулировании стадии назначения судебного заседания, соответствующем демократическим принципам отправления правосудия, в первую очередь состязательности сторон [30, с. 165–174].

Следует отметить, что белорусский законодатель в процессе трансформации регламентации рассматриваемой стадии, не учел некоторые заслуживающие внимания предложения. Так, по мнению В.Н. Бибило, для осуществления деятельности в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, а также судебного контроля за предварительным расследованием желательно было бы учредить должность следственного судьи, функции которого заключались бы в том, чтобы собственными процессуальными средствами довести поступившее в суд уголовное дело до такого состояния, которое требуется для его рассмотрения в стадии судебного разбирательства [31, с 60].

На основании вышеизложенного можно утверждать, что в настоящее время и по УПК РФ, и по УПК РБ судья как носитель судебной власти облачен контрольными по отношению к результатам предварительного расследования полномочиями, имеющими властный характер, позволяющими не назначать судебное разбирательство в тех случаях, когда суд не

в состоянии собственными усилиями устранить выявленные препятствия для рассмотрения дела. Поэтому в целях окончательного разрешения уголовного дела институт возвращения уголовного дела прокурору выступает в качестве существенной гарантии отправления правосудия. Таким образом, стадия назначения и подготовки судебного разбирательства стала в большей степени соответствовать роли «своеобразного фильтра, не допускающего некачественно расследованные дела в судебное заседание» [32, с. 285].

Проводя сравнительно-правовое исследование настоящего института, нельзя не заметить, что, исходя из его сути, содержания и предназначения, и российский, и белорусский законодатели заложили в его правовое регулирование общий подход, однако по УПК РФ суд наделен большими возможностями по осуществлению контрольно-проверочной деятельности, о чем свидетельствует большой круг вопросов, подлежащих выяснению по поступившему в суд делу, а также перечень оснований назначения предварительного слушания – аналога белорусского предварительного судебного заседания, поэтому он вправе принимать и более широкий круг решений, определяющих дальнейшее движение уголовного дела. В связи с этим российский законодатель, в отличие от белорусского, расширяет и случаи возвращения уголовного дела прокурору.

Так, УПК РБ предусматривает четкий перечень нарушений, при обнаружении которых дело надлежит возвратить прокурору (ст. 280-1), что, по сути, соответствует основанию возвращения дела прокурору по УПК РФ – обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований Кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), то есть УПК РФ не конкретизирует, за некоторыми исключениями, такие нарушения, в силу чего судья в каждой отдельно взятой ситуации оценивает существенность выявленного нарушения, при этом он вправе входить в оценку фактических обстоятельств, изложенных в обвинительном заключении (акте, постановлении), после чего принимает соответствующее решение.

Наряду с вышеупомянутым основанием возвращения уголовного дела прокурору УПК РФ предусматривает также следующие: - копия обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления не была вручена обвиняемому;

– есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера;

- имеются основания для соединения уголовных дел;
- при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные частью пятой статьи 217 Кодекса;
- фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния;
- при наличии обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме (с передачей дела по подследственности и производства дознания в общем порядке);
- если после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления;
- если ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в порядке, предусмотренном главой 49 Кодекса, а послужившие для этого основания являются в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Подытоживая, следует констатировать, что на сегодняшний день российский законодатель, в отличие от белорусского, претворяя в жизнь идеи Концепции судебной реформы об укреплении судебной власти, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, предоставляет судье в стадии назначения и подготовки судебного заседания более широкие властные полномочия, позволяющие ему отправлять правосудие на более ранних этапах судебного производства.

Список использованных источников

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / [сост. С. А. Пашин]. – М.: Верховный Совет Рос. Федерации: Республика, 1992. – 110 с.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 822 с.

3. Зайцева, Е.А., Трифонова, К.А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики: монография / Е.А. Зайцева, К.А. Трифонова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 224 с.
4. Михайловская, И.Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / И.Б. Михайловская // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 2–4.
5. Уголовный процесс России: Учебное пособие / Под редакцией З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – 453 с.
6. Петрухин, И.Л. Доследствие: расхождения закона и практики / И.Л. Петрухин // Уголовный процесс. – 2007. – № 8. – С. 27–30.
7. Ковтун, Н.Н. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству: все еще требует оптимизации процессуальной формы / Н.Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. - 2005. - № 1. - С. 36-41.
8. Кашепов, В.П. О преобразовании статуса суда в уголовном судопроизводстве / В.П. Кашепов // Журнал российского права. – 2002. – № 12. – С 3–7.
9. Ефимичев, П.С. Новый УПК России и защита интересов личности и государства / П.С. Ефимичев // Журнал российского права. – 2003. – № 2. – С. 25–29.
10. Азаров, В., Баранов, А., Супрун, С. Возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования: правосознание и закон, толкование и применение / В. Азаров, А. Баранов, С. Супрун // Уголовное право. 2004. – № 2. – С. 84–86.
11. Петуховский, А. Восстановить институт возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование / А. Петуховский // Российская юстиция. – 2004. – № 2. – С. 47–49.
12. Александров, А., Белов, С. Возвращение уголовного дела прокурору / А. Александров, С. Белов // Законность. – 2004. – № 12. – С. 31–32.
13. Морозов, П. Трансформация института возвращения судом уголовного дела прокурору / П. Морозов // Законность. – 2005. – № 8. – С. 36–38.
14. Зыкин, В. Возвращение судом дел для дополнительного расследования: состояние и перспективы / В. Зыкин // Российский следователь. – 2006. – № 1. – С. 6–9.
15. Колоколов, Н.А. Последние новеллы УПК РФ: баланс обвинительной власти стабилизируется / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. – 2009. – № 2. – С. 25–32.
16. Лазарева, В.А. Возвращение дополнительного расследования // Материалы международной научно-практической конференции Госу-

дарство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения): Сборник тезисов / В.А. Лазарева. - М.: ООО Изд-во «Элит», 2010. – С. 554–559.

17. Тришева, А. Возвращение уголовного дела прокурору: судьба института / А. Тришева // Законность. – 2015. – № 4. – С. 50–55.

18. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Росс. газета. 2003. 23 дек.

19. Лупин, И.А. Возвращение уголовных дел на дополнительное расследование в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008 / И.А. Лупин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 01.03.2020).

20. Зыкин, В. Необходимо восстановить институт возвращения судом уголовных дел для дополнительного расследования / В. Зыкин // Законность. – 2005. - № 8. - С. 33-35.

21. Дяденькин, С.В. Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом : автореферат дис. ...канд. юрид. наук / С.В. Дяденькин. - Челябинск, 2010. – 30 с.

22. Акименко, Е.В. Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением. Лекция / Е.В. Акименко. – САПУ. – СПб., 2005. – 28 с.

23. Шигуров, А.В. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию в российском уголовном процессе: автореф. дис. ...канд. юрид. наук / А.В. Шигуров. – Ижевск, 2004. - 26 с.

24. Белкин, А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XII. Подготовка к судебному заседанию. Общие условия судебного разбирательства / А.Р. Белкин. – М.: РГУ (МИРЭА), 2018. – 110 с.

25. Попова, О.А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки на стадии предварительного следствия и пути их предотвращения и устранения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Попова. – Волгоград, 2006. – 21 с.

26. Тришева, А.А. Возвращение судом уголовного дела прокурору: генезис, современное состояние, пути совершенствования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук / А.А. Тришева. – М., 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 01.03.2020).

27. Лисафьева, О.Б. Возвращение уголовного дела прокурору в системе уголовного судопроизводства России: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / О.Б. Лисафьева. – Н. Новгород, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 01.03.2020).

28. Рябина, Т.К. Правовое регулирование института возвращения уголовного дела из суда в зарубежных странах / Т.К. Рябина // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 5. – С. 27–30.

29. Постановление Верховного Совета РБ № 1611-ХП от 23.04.1992. О Концепции судебно-правовой реформы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belzakon.net> (дата обращения: 01.03.2020).

30. Рябина, Т.К. Стадия назначения судебного заседания как правовой институт по УПК РФ и УПК РБ / Т.К. Рябина // Теоретико-прикладные аспекты развития правовой системы общества : сборник научных статей : в 3 ч. Ч. 1 / редкол. : И. И. Эсмантович [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – С. 165–174.

31. Бибило, В.Н. Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства в белорусском уголовном процессе / В.Н. Бибило // Судовы веснік. – 2011. – № 1. – С. 55–60.

32. Зайцева, Л.Л. О повышении эффективности правосудия путем оптимизации уголовно-процессуальных процедур / Л.Л. Зайцева // Право и демократия : сб. науч. тр. / Редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2014. – Вып. 25. – С. 258–286

The article explores issues related to the legal regulation of the institution of returning a criminal case to the Prosecutor through a comparative study of Russian and Belarusian legislation. The author comes to the conclusion that, based on the tasks and this Institute, there is no fundamental difference in its legal regulation under the CPC of the Russian Federation and the CPC of the Republic of Belarus. However, the basis of such decision and, accordingly, the powers of the judge on elimination of the revealed violations of the law on criminal procedure and the criminal code are different.

УДК 342.924:656.03(476)

О. М. Савкин

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВИЛ ПРОЕЗДА В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ

В статье рассматриваются различные аспекты такой проблемы как антиобщественные действия молодежи в форме громкого воспроизведение музыки или фильмов в общественном транспорте. Исследуется российский опыт. Анализируется современное белорусское законодательство, регламентирующее правила проезда пассажиров в общественном транспорте. Предлагается ввести запрет на воспроизведение музыки или фильмов в транспорте без наушников.

Граждане Республики Беларусь, пользующиеся общественным транспортом, нередко становятся свидетелями откровенно вызывающего поведения групп подростков, которые во время проезда в транспорте нарочито громко включают свои переносные звуковоспроизводящие устройства. Чаще всего такие ситуации происходят в теплое время года, особенно летом и преимущественно в вечернее время. При этом молодежная «музыка» часто может содержать ненормативную лексику. На возмущенные реплики других пассажиров уменьшить громкость звука либо вообще выключить её, подростки, как правило, не реагируют, пользуясь тем, что пассажиры разобщены, а они сплочены в агрессивную группу, и люди побаиваются с ними связываться. А если в эту конфликтную ситуацию вмешиваются мужчины, угрожая вышвырнуть нарушителей общественного порядка на улицу, то подростки отвечают, что вы, мол, не имеете права, поскольку проезд они оплатили, а понятие громкой музыки у всех своё, да и в правилах проезда об этом ничего не сказано.

Внешнее проявление такого поведения может быть разным: это и прослушивание громкой музыки, и просмотр фильмов, и нарочито громкие разговоры с использованием ненормативной лексики, и др. Общим здесь является вызов общественным стандартам поведения, демонстрация презрения к общепринятым нормам поведения. При этом следует отметить, что подростки довольно неплохо ориентируются в текущем законодательстве, и используют любые уязвимые (недостаточно проработанные) места в правовой регламентации. В силу этого поднимаемая проблема представляется достаточно актуальной.

Актуальности добавляет также и то обстоятельство, что подобные сцены антиобщественного поведения молодежи в городском общественном транспорте стали довольно распространенным явлением не только в городах нашей страны, но и за границей.

Так, например, громкое прослушивание музыки молодежью в общественном транспорте г. Москвы побудило к проведению опроса общественного мнения, результаты которого показали, что «крайне негативно» к публичному прослушиванию музыки или просмотру фильмов в общественном транспорте относятся 94% респондентов, а 13% опрошенных даже сказали, что готовы бороться с нарушителями методами физического воздействия [1].

Ассоциация экспертов по деловой этике, этикету и протоколу (НАДЭП) [2], которая организовала и провела данный опрос общественного мнения среди представителей экономически активного населения Москвы, обратилась в Минтранс Российской Федерации с предложением ввести запрет на воспроизведение музыки или фильмов в транспорте без

наушников. Соответствующие изменения НАДЭП предлагает внести в правила перевозки пассажиров.

По сообщению пресс-службы Минтранса России, в настоящее время данное обращение НАДЭП в министерстве рассматривается [3].

Следует отметить, что некоторые транспортные организации Москвы, включая столичный метрополитен, уже включили подобные ограничения в свои правила. Так, пункт 2.11.15 «Правил пользования Московским метрополитеном» запрещает «использовать средства звукоусиления (кроме слуховых аппаратов), за исключением случаев, установленных ГУП «Московский метрополитен», и прослушивать аудиозаписи или аудиотрансляции без наушников» [4].

В правилах пользования Московского центрального кольца (МЦК) то же ограничение сформулировано так: нельзя «использовать средства звукоусиления без письменного разрешения перевозчика, кроме слуховых аппаратов и иных индивидуальных устройств (наушников)» [5].

Как видим, общественностью и государственными структурами столицы соседнего государства, где рассматриваемые проявления антиобщественного поведения молодежи в общественном транспорте приобрели массовый и резонансный характер, предпринимаются согласованные усилия по минимизации негативных последствий.

Внесенные дополнения и изменения в правила пользования московским общественным транспортом создают необходимую правовую основу для противодействия нарушителям общественного порядка. Несомненно, это позволит столичным правоприменителям и общественности активизировать свои усилия, повысить их эффективность.

Одновременно, россияне создают правовой прецедент и для других стран-соседей, где ситуация с поведением молодежи в общественном транспорте аналогичная.

В этой связи целесообразно рассмотреть правовую регламентацию правил проезда в общественном транспорте в Республике Беларусь в целях сравнительного анализа. Действительно ли обоснованы реплики нарушающей общественный порядок молодежи о том, что в *правилах* проезда ничего не сказано о запрете громкого прослушивания аудио и видеозаписей?

В салоне каждого городского троллейбуса имеется «Выпіска з правілаў перавозак пасажыраў гарадскім электрычным транспартам», а в автобусах имеется аналогичная «Выпіска з «Правілаў аўтамабільных перавозак пасажыраў» у Рэспубліцы Беларусь». Обе выписки являются сокращенными версиями соответствующих республиканских нормативных документов.

Что касается электротранспорта, то в настоящее время в Республике Беларусь действуют «Правила перевозок пассажиров городским электрическим транспортом», утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22.11.2014 № 1088 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29.03.2018 № 234) [6]. Пассажиры минского метро руководствуются «Правилами перевозок пассажиров метрополитеном», утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22.11.2014 № 1088 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29.03.2018 № 234) [7].

Пассажиры автотранспорта в настоящее время обязаны соблюдать «Правила автомобильных перевозок пассажиров», утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.06.2008 № 972 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 31.08.2018 № 636) [8].

Следует отметить, что эти три документа разработаны в соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь, законом Республики Беларусь от 9 января 2002 года № 90-З "О защите прав потребителей" [9], с законами, регламентирующими каждый вид транспорта: «О городском электрическом транспорте и метрополитене» от 5 мая 2014 года № 141-З и «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках» от 14 августа 2007 года № 278-З.

Тексты всех трех документов относительно требований к поведению пассажиров отличаются лишь некоторыми деталями, обусловленными спецификой самого транспорта.

Основные требования направлены на оплату проезда, провоза багажа и ручной клади, на безопасность проезда пассажиров, что вполне обоснованно.

Что же касается нравственно-этической составляющей поведения пассажиров, то им отведено несколько правил.

Например, ст. 41 «Правил перевозок пассажиров городским электрическим транспортом» предписывает пассажирам электротранспорта:

- не создавать своими действиями, состоянием и поведением неудобств другим пассажирам, водителю, кондуктору и контролирующим лицам;
- не нарушать общественный порядок и не оскорблять своим внешним видом или поведением общественную нравственность.

Аналогичные требования содержатся в ст. 224 «Правил автомобильных перевозок пассажиров:

- не причинять своими действиями вред пассажирам, ... ;
- не создавать своими действиями, состоянием и поведением неудобств другим пассажирам, водителям и кондукторам.

Данные ограничения внесены в выписки, которые имеются в каждом городском троллейбусе и автобусе.

Но достаточен ли текст этих выписок, чтобы указать, например, любителям громкой музыки на недопустимость их действий? Особенно, когда они готовы оспаривать любую недосказанность в нормативно-правовых документах и использовать любой «люфт» в формулировках. Как определить – громкая это музыка или нет?

Представляется целесообразным поступить так, как намерены поступить москвичи: ввести запрет на воспроизведение музыки или фильмов в транспорте без наушников. Прослушивание музыки через наушники позволит избавить других пассажиров от конфликтных ситуаций.

Чтобы помочь законодателям решиться на указанный запрет, можно, подобно москвичам, перед этим провести опрос населения компетентной социологической службой. Нет сомнений, что подавляющее большинство белорусов поддержат запрет на воспроизведение музыки или фильмов в транспорте без наушников, ибо нарушения такого рода встречаются довольно часто.

Кстати, нечто подобное уже имеется в ст. 76 «Правил перевозок пассажиров метрополитеном», где минчанам и гостям столицы предписано:

– не прослушивать аудиотехнику через громкоговорители, не использовать средства звукоусиления и не играть на музыкальных инструментах.

В этой же ст. 76 упомянуты и наушники, но в несколько ином контексте:

– не пользоваться наушниками, кроме слуховых аппаратов, при нахождении на платформе.

Но, во-первых, это на платформе, а не в поезде метро, а, во-вторых, преследуется цель личной безопасности самих пассажиров. Что же до самой поездки в поезде метро, то это длящийся процесс, во время которого каждый пассажир обязан заботиться не только о своей личной безопасности, но и, как записано в Правилах, «не создавать своими действиями, состоянием и поведением неудобств другим пассажирам».

Подводя итог анализу целесообразности введения такого административно-правового ограничения, как запрет на воспроизведение музыки или фильмов в транспорте без наушников, следует признать, что:

– во-первых, такая проблема реально существует и она достаточно актуальна;

– во-вторых, введение такого ограничения было бы, тем не менее, демократичным, поскольку было бы поддержано подавляющим большинством населения;

– в-третьих, создало бы надлежащую правовую базу для эффективного противодействия отдельным хулиганствующим молодым людям в транспорте, причем не только усилиями правоохранителей и должностных лиц на транспорте, но и самими гражданами.

Список использованных источников

1. Минтранс может запретить слушать музыку в транспорте без наушников [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200219/1564967107.html> – Дата доступа: 03.03.2020.

2. Национальная Ассоциация экспертов по деловой этике, этикету и протоколу "НАДЭП" / Официальный сайт [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://naper.ru/> – Дата доступа: 03.03.2020.

3. Предложено запретить россиянам слушать музыку в транспорте без наушников [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3241339> – Дата доступа: 03.03.2020.

4. Правила пользования Московским метрополитеном: Утверждены Постановлением Правительства Москвы №844-ПП от 16.09.2008 г. (в редакции, утверждённой Постановлением Правительства Москвы №187-ПП от 19.04.2016 г.) [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://mosmetro.ru/info/> – Дата доступа: 03.03.2020.

5. Правила пользования МЦК (Правила проезда, провоза ручной клади и нахождения пассажиров на объектах Московского центрального кольца) [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.mosmetro.ru/mcc/rules/> – Дата доступа: 03.03.2020.

6. Правила перевозок пассажиров городским электрическим транспортом: утверждены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22.11.2014 № 1088 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29.03.2018 № 234) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 4 декабря 2014 г., № 5/39775.

7. Правила перевозок пассажиров метрополитеном: утверждены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22.11.2014 № 1088 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29.03.2018 № 234) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 4 декабря 2014 г., № 5/39775.

8. Правила автомобильных перевозок пассажиров: утверждены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.06.2008 № 972 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 31.08.2018 № 636) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 11.09.2018, 5/455561.

9. О защите прав потребителей: Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 года № 90-З (в редакции Закона Республики Беларусь

от 8 июля 2008 г. № 366-3) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., № 10, 2/839; 2008 г., № 170, 2/1463.

The article discusses various aspects of such a problem as the antisocial actions of youth in the form of loud reproduction of music or films in public transport. The Russian experience is being investigated. The article analyzes modern Belarusian legislation governing the rules of travel of passengers in public transport. It is proposed to introduce a ban on playing music or movies in vehicles without headphones.

УДК 343.1

В. К. Скляр

ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь»

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО НАБЛЮДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматривается правовая природа оперативно-розыскного наблюдения как одного из оперативно-розыскных мероприятий, его формирование в исторической ретроспективе. Отмечается важность результатов наблюдения для решения задач по обеспечению государственной безопасности.

В Республике Беларусь как одно из средств своевременного выявления, предупреждения и пресечения преступлений и обеспечения национальной безопасности используется особый вид государственно-правовой деятельности именуемой оперативно-розыскной. Данная деятельность осуществляется специально уполномоченными на то государственными органами гласно и негласно путем проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

В современной юридической науке недостаточно изучена правовая природа оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и такого наиболее распространенного их них как наблюдение. Особенно дискуссионным является вопрос о негласной форме проведения мероприятий.

Ещё на заре человеческой цивилизации общество, безусловно, использовало для решения возникающих перед ним задач сыск и розыск. Наиболее активно при этом практиковалось как наблюдение, так и опрос в силу их простоты и доступности. Однако, неправильно было бы называть эти действия оперативно-розыскными мероприятиями в том смысле, в котором они существуют в современной действительности.

С возникновением государства одной из его функций являлось обеспечение его коренных интересов, защита территории, выявление и

противостояние внешним угрозам, а также своевременное выявление таких угроз [1, с. 23]. На протяжении всей истории существования государства решение задач по обеспечению национальной безопасности в первую очередь связывалось с получением достоверной, объективной и своевременной информации, в том числе и путем осуществления наблюдения за происходящими социальными процессами и их субъектами. Вполне естественно, что используя наблюдение на таком специфическом направлении деятельности, государство в первую очередь через нормативные предписания, не только формировало порядок применения наблюдения и распоряжения его результатами, но трансформировало его содержание и формы.

В. С. Измолик отмечал, что: «История сыска начинается с истории государства. Борьба за власть, стремление удержать ее, постоянная угроза мятежей, других преступлений, заставили правителей обращать особое внимание, наряду с армией, на службу государственной безопасности, правопорядка. Также очень рано возникают: подслушивание, подглядывание и донос как способы получения информации» [2, с.3].

Законодательно о наблюдении как о сыском мероприятии впервые упоминается только в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Так, в статье 254 говорилось: «При производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах». То есть фактически закреплялась не только гласная, но и негласная форма наблюдения и возможности использования полученных при этом результатов [3, с. 175].

Однако только к концу восьмидесятых годов XIX века такие специфические подразделения стали формироваться и действовать в крупных городах, а затем и иных губерниях империи. Накапливался опыт сыскной работы, вырабатывались приемы и методы проведения оперативно-розыскных мероприятий: личного сыска, опроса на основе разрабатываемых легенд, скрытого наблюдения, оперативного внедрения, привлечения к конфиденциальному сотрудничеству лиц из уголовно-преступной среды [4, с. 69–70]. Именно тогда такая деятельность стала оформляться как самостоятельное направление работы полиции.

Эффективность подобных мероприятий подчеркивается в «Записках жандарма», составленных начальником Киевского охранного отделения генералом полиции А. Спиридовичем: «Агентурные сведения, данные наружного наблюдения и перлюстрация являлись тремя главными источниками осведомления политической полиции» [5, с. 34].

Наблюдение как мероприятие для получения необходимой государству информации применяется уже не первое столетие. С. И. Захарцев указывает: «В 1906 году в штате Санкт-Петербургского

охранного отделения числилось более 600 человек, почти треть из которых составляли сотрудники, именуемые «филерами» что в переводе с французского означает «выслеживать». С этого времени под филерами в России стали понимать сотрудников тайной полиции, ведущих наблюдение за какими-либо лицами. Тогда же появились первые нормативные акты по организации этой службы. К таким актам следует отнести Инструкцию по организации наружного наблюдения от 1908 года. Результаты наблюдения с конца XIX века по 1917 год успешно применялись в доказывании по уголовным делам. В некоторых случаях допускался допрос филеров в качестве свидетелей» [6, с. 26–27].

Вместе с тем, оценивая эффективность проведения государством подобных мероприятий, следует не упускать из вида также как проблему реализации принципа законности, так и обоснованность ограничения прав и свобод граждан.

Отсутствие должных правовых гарантий при проведении негласных мероприятий, существенно влияло на гарантии соблюдения прав человека, а также на уровень законности. Так, по воспоминаниям П. А. Судоплатова, по распоряжению И. В. Сталина с 1944 года в квартире маршала Жукова были установлены подслушивающие устройства, осуществлялась систематическая слежка. Прослушивание квартиры Жукова было прекращено в 1953 году после смерти Сталина, но возобновлено Хрущевым в 1957 году, а Брежнев продолжал оперативный контроль Жукова вплоть до его смерти в 1974 году [7, с. 51-52].

Отсутствие открытой правовой регуляции проведения подобных мероприятий сыграла свою крайне негативную роль в ходе массовых репрессий в 1930-1950 годах. Оперативные сообщения и результаты названных мероприятий в виде справок иногда вшивались в уголовные дела и служили основой для вынесения приговора. [8, с. 279]. Научные исследования в данной сфере в тот период были закрытыми.

Публичное обсуждение проблемы оперативно-розыскных мероприятий относится только к концу 1980-х - началу 1990-х годов. В то же время отмечается подготовка и первых открытых нормативных актов об оперативно-розыскных мероприятиях. В частности в Законе СССР «Об органах государственной безопасности в СССР» указывалось, что подразделения КГБ СССР могут проводить прослушивание телефонных переговоров [9]. Вместе с тем, порядок проведения этого мероприятия, основания и условия прослушивания в законе указаны не были, как не были указаны и основания иных мероприятий, используемых для решения значимых для государства и его безопасности задач.

Действующая редакция Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» рассматривает наблюдение как одно из перечня оперативно-розыскных мероприятий [10]. Для рассмотрения же правовой

природы наблюдения следует определить содержание оперативно-розыскного мероприятия как родового понятия.

Конкретный термин «оперативно-розыскное мероприятие» в нормативных актах до 1992 года вообще не употреблялся, как и не определялся перечень возможных действий либо мер по получению информации негласно. В органах внутренних дел и государственной безопасности осуществлялись соответствующие научные исследования, которые раскрывали содержание указанной деятельности через категорию используемых при её осуществлении сил и средств.

При проведении оперативно-розыскных мероприятий негласно оперативный сотрудник решает задачу получения информации об объекте интереса, не ставя его об этом в известность. Он предпринимает соответствующие меры по недопущению осознания заинтересованным лицом самого факта осуществления в отношении него оперативно-розыскной деятельности.

Однако в оперативно-розыскной науке отсутствует единое понимание правовой природы негласности, что не позволяет провести грань между гласной и негласной формой проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 года №307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» не сформулирован единый критерий для ответа на данный вопрос.

Актуальность понимания специфики наблюдения и его правовой природы заключается в том, что в определенных случаях проведение данного мероприятия связано с ограничением прав и свобод человека и гражданина, либо подразумевает такое ограничение, а значит, и в этом случае проблема правовой природы негласности является актуальной.

Решение названных вопросов позволит более эффективно обеспечивать как государственную и национальную безопасность, так и конституционные права и свободы граждан.

Список использованных источников

1. Виниченко, Н. А. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Н. А. Виниченко, С. И. Захарцев, В. И. Рохлин: монография. – СПб. : Фонд «Университет», 2004. – 176с.

2. Жандармы России / сост. В. С. Измолик. – СПб. : Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 640 с.

3. Шеф сыскной полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин: Сочинения. В 2 т. / Авт.-сост.: Д. К. Нечевин, Л. И. Беляева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001 – Т. 2. – С. 174-176.

4. Министерство внутренних дел России:1802-2002 гг. Исторический очерк в 2-х томах. Т 1. – Санкт-Петербургский университет МВД России, академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / под общ. ред. В. П. Сальникова. – Спб. : Фонд «Университет», 2002. – С. 69–70.

5. Спиридович, А. Записки жандарма: А. Спиридович. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – М. : Пролетарий, 1991. – 117 с.

6. Шахматов, А. В. Об истории правового регулирования оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» как формы содействия борьбы с преступностью / А. В. Шахматов, С. И. Захарцев // История государства и права. – 2004. – № 2. – С. 26–27.

7. Судоплатов, П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы. / П. А. Судоплатов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС – Образование, 2003. – 142 с.

8. Кудрявцев, В.Н. Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР / В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусов. изд. 2-е исп. и доп. – СПб: «Юридический центр «Прессе», 2002. – 365с.

9. Об органах государственной безопасности в СССР : Закон СССР от 16.05.1991 N 2159-1 [Электронный ресурс] // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3164#019975173476167585>. – Дата доступа: 15.02.2020.

10. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.03.2020.

The article considers the legal nature of operational search surveillance as one of the operational search activities, its formation in historical retrospect. The importance of monitoring results for solving problems of ensuring state security is noted.

УДК 343.132

А. В. Скоробогатый

Отдел уголовного розыска Жлобинский РОВД

В. И. Каралёк

Академия МВД Республики Беларусь

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Рассмотрены некоторые проблемные вопросы повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием сети Интернет, средств компьютерной техники. Обоснована необходимость введения оперативно-розыскного мероприятия

«удаленный осмотр», направленного на борьбу с указанными преступлениями. Отмечены некоторые проблемные вопросы проведения оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов», сформулированы предложения по внесению изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»

Современные изменения в преступности характеризуются всё более частым использованием возможностей сети Интернет, средств компьютерной техники и др. Большой общественный резонанс получили недавно произошедшие в России события, связанные с интернет-площадками по торговле наркотиками RAMP и Hydra. Согласно материалам журналистского расследования «тема эта ... сейчас становится очевидной для всех, как и угроза, которую представляют отдельные ее сервисы и ресурсы. Россия, наверное, является мировым лидером по продаже и производству наркотиков, которые распространяются с помощью закладок и мы пришли к выводу, что каждый день у нас закладывается наркотиков на 227 миллионов рублей (около шести миллиардов рублей в месяц и почти один миллиард долларов в год). Невозможно посчитать оптовые поставки, очень тяжело посчитать производство. Но просто нужно посмотреть, как производство и продажи распределены по всей России, и понять, что практически каждый город в нашей стране с населением больше 10 тысяч человек задействован в системе Hydra» [1].

Указанная проблематика актуальна и для Республики Беларусь. В специальной литературе отмечается определенный недостаток эффективных средств борьбы с некоторыми видами современной высокотехнологичной преступности. Одним из вариантов решения данной проблемы является внесение дополнений в оперативно-розыскное законодательство. Изучение зарубежного опыта показывает, что внимание правоведов обращено на расширение возможностей проведения негласных мероприятий, связанных с удаленным контролем того устройства, в котором создана или хранится представляющая оперативный интерес информация, в тот период времени, пока она не будет зашифрована или удалена. В последние годы соответствующие меры были предусмотрены в законодательстве Великобритании, России, Франции, ФРГ и предложены для рассмотрения в качестве законопроектов в Австрии, Швейцарии [2]. Законодатели указанных стран планируют предусмотреть ОРМ, позволяющее совершить удалённый осмотр средств компьютерной техники (далее – СКТ) с изъятием информации, необходимой для решения задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). В отечественном законодательстве предусмотрены такие оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), смежные с указанными действиями, как: контроль в сетях электросвязи, оперативный осмотр, сбор образцов.

Как следует из ч. 1 ст. 31 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД), контроль в сетях электросвязи представляет собой получение, преобразование и фиксацию с помощью технических средств данных и сообщений, принимаемых, передаваемых, обрабатываемых, хранящихся в сетях электросвязи и т.д. Таким образом, контроль в сетях электросвязи осуществляется в связи с передачей данных и сообщений по сетям электросвязи, или их хранением в инфраструктуре указанных сетей. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об электросвязи», к указанным данным и сообщениям относятся: телефонные вызовы, телеграфные сообщения, служебные информационные сообщения, сетевые пакеты сетей передачи данных [3]. Хотя этот перечень является открытым, исходя из логики отнесения к нему отдельных элементов, можно утверждать, что хранящиеся на компьютере файлы не могут быть причислены к данным и сообщениям [4, с. 424]. Например, в случае изъятия файлов, хранящихся локально на СКТ и не предназначенных для передачи, проблематично обосновать их изъятие в рамках контроля в сетях электросвязи, исходя из содержания данного ОРМ.

Согласно ч. 1 ст. 26 закона об ОРД оперативный осмотр представляет собой обследование жилища и иного законного владения гражданина, помещений, зданий, сооружений, транспортных средств, иных объектов и территории организации, участка местности в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД. Следует отметить, что данное ОРМ содержит закрытый перечень обследуемых объектов: жилища, участки местности и т.д., из чего следует, что удалённый осмотр СКТ в рамках данного ОРМ с изъятием интересующей информации произвести невозможно в связи отсутствием СКТ среди объектов осмотра.

В ст. 23 закона об ОРД предусмотрено, что ОРМ «сбор образцов» представляет собой копирование, изъятие предметов и документов в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД. Для того чтобы изъять данные, их сначала необходимо обнаружить. Значит, проведение данного ОРМ не соответствует мероприятию, в рамках которого можно удалённо обнаружить и изъять интересующие данные, необходимые для решения задач ОРД.

С учетом отмеченного выше можно сделать вывод, что такие ОРМ как контроль в сетях электросвязи, оперативный осмотр и сбор образцов не включают в себя действия по удалённому осмотру СКТ, что приводит к выводу о необходимости введения нового ОРМ «удалённый осмотр компьютерных сетей» или «удалённый осмотр». Его содержание можно определить как «негласное обследование компьютерной системы или сети и сбор хранящихся в них данных, при которых исполнитель не находится

в месте расположения указанной системы или сети, проводимые с использованием специализированного программного обеспечения в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД» [4, с. 428].

Основные черты «удалённого осмотра»:

негласный характер проведения, обусловленный необходимостью преодоления мер противодействия раскрытию (расследованию) преступления, состоящих в применении криптостойкого шифрования или приемов анонимизации пользователя;

способ осуществления – удаленное проникновение и осмотр (копирование), при котором инициатор не находится в месте расположения обследуемого СКТ;

средства получения информации – специальные программы, разработанные и используемые инициатором проведения мероприятия;

информация, представляющая оперативный интерес, – файлы или данные, хранящиеся на обследуемом СКТ, подключенных к нему носителях информации или удаленных ресурсах, к которым имеется доступ с указанного СКТ [4, с.423].

Для недопущения нарушения конституционных и иных охраняемых законом прав необходимо предусмотреть комплекс законодательно закреплённых гарантий, наиболее важной из которых является получение санкции прокурора или его заместителя на проведение удалённого осмотра.

Исследование предметов и документов является одним из часто проводимых ОРМ при раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, распространением порнографии, компьютерными преступлениями. Сущности вышеуказанного ОРМ в научной литературе посвящено мало работ, как правило соответствующие вопросы рассматриваются в контексте других мероприятий. Учитывая его важное значение считаем необходимым более подробно рассмотреть отдельные вопросы, касающиеся вышеуказанного мероприятия.

В научной литературе акцентируют внимание на то, что данное ОРМ представляет собой аналог проведения судебной экспертизы [5, с. 61]. Полагаем, что данная точка зрения обусловлена тем, что при проведении ОРМ «исследование предметов и документов» решаются задачи, сходные с задачами судебной экспертизы. В связи с этим существенно расширяется спектр возможностей ОРД, поскольку проведение данного ОРМ позволяет получить оперативно-значимую информацию вне уголовного процесса. Согласно ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь возможно проведение экспертизы до возбуждения уголовного дела, однако при необходимости негласного проведения данных действий в тайне такой подход может быть неприемлем.

Ранее существовали нормы, согласно которым исследование предметов преступления до возбуждения уголовного дела было возможным лишь путём проведения вышеуказанного ОРМ, которое требовало в последующем повторных действий в рамках предварительного расследования. Существенным недостатком такого подхода являлось то, что бывали случаи, когда проведение экспертизы было невозможным в связи с израсходованием предмета исследования в рамках предшествующего ОРМ.

В этой связи представляется, что значение рассматриваемого ОРМ состоит в возможности осуществлять непроцессуальное исследование до начала уголовного процесса, когда проведение исследования в рамках УПК невозможно и нецелесообразно [6, с. 53].

В структуре любого ОРМ исследователи выделяют ряд элементов, одним из которых является его объект. Под объектом ОРМ понимают то, на что оно направлено. Традиционно среди них указываются объекты-носители доказательственной информации, а также иные объекты [7; 8, с. 45–49]. Согласно наименованию, объектом рассматриваемого ОРМ могут являться представляющие оперативный интерес предметы и документы. Однако на практике оно проводится в отношении значительно более широкого круга различных объектов, например вещества, исследуемые с целью определения их природы происхождения или принадлежности к определенному виду (наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги); растения, которые исследуются на предмет принадлежности к наркосодержащим культурам; электронные файлы, изучаемые для отнесения их содержания к порнографическим материалам, а также для изучения зафиксированной в них информации, которая может представлять оперативный интерес (списки контактов в памяти сотовых телефонов, электронные билеты на проезд различными видами транспорта и т.д.).

Такие возможные объекты проведения ОРМ «исследование предметов и документов», как различные вещества, растения, электронные файлы, не могут быть отнесены к категориям предметов или документов. Приведенные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что название ОРМ не в полной мере соответствует реально сложившейся правоприменительной практике. Представляется очевидной необходимость изменения наименования рассматриваемого ОРМ. В связи с тем, что перечень объектов, подвергаемых исследованию при проведении вышеуказанного ОРМ, фактически не ограничен, стоит вообще исключить его из названия ОРМ. Для разграничения вышеуказанного ОРМ от других мероприятий необходимо придать новому названию явную причастность к ОРД. Также следует внести изменение в ст. 24 Закона об ОРД с целью расширения спектра объектов, подвергаемых исследованию в рамках ОРД.

Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости внесения дополнения в ст. 18 закона об ОРД путем введения ОРМ «удалённый осмотр». Для недопущения нарушения конституционных и иных охраняемых законом прав предлагается установить комплекс законодательно закреплённых гарантий и требований к проведению данного ОРМ.

В Законе об ОРД следует переименовать ОРМ «исследование предметов и документов» в «оперативное исследование», внести следующее изменение в ст. 24 Закона об ОРД: «Оперативное исследование представляет собой изучение объектов, полученных при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности». Внесение данных изменений, по нашему мнению, позволит более точно отразить содержание рассматриваемого ОРМ.

Список использованных источников

1. Как депутаты Госдумы узнали всё о наркотиках, закладках и даркнете [Электронный ресурс] / Лента.ru. – режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/10/15/gdarcknet/>. – Дата обращения: 03.11.2019.

2. Харевич, Д.Л. О перспективах совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, направленной на борьбу с терроризмом и экстремизмом в сети Интернет / Д.Л. Харевич // Проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности: правовые и информационные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 нояб. 2017 г. : в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: А.Л. Лычагин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Т. 2. – С. 38-42.

3. Об электросвязи [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 19 июля 2005 г., № 45-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 134-З // Консультант Плюс / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Харевич, Д.Л. Юридическое содержание удаленного осмотра компьютерных систем или сетей / Д.Л. Харевич // I Минские криминалистические чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2018. – Ч. 2. – С. 422 – 429.

5. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / А.И. Алексеев [и др.] ; под ред. А.И. Алексеева, В.С. Овчинского. – М.: Проспект, 2011. – 176 с.

6. Шабанов, В.Б. К вопросу о сущности и наименовании оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» /

В.Б. Шабанов, Д.Л. Харевич // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2015. – № 2(19). – С. 52–57.

9. Бобров, В.Г. О некоторых вопросах оперативно-розыскных мероприятий / В.Г. Бобров // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В.И. Горобцов. – Красноярск, 2004. – Вып. 7. – С. 206–207.

8. Чечётин, А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография / А.Е. Чечётин. – М.: Шумилова, 2006. – 180 с.

Some problematic issues of increasing the effectiveness of the fight against crimes committed using the Internet and computer equipment have been considered. The necessity of introducing an operational-search measure «remote inspection» aimed at combating these crimes has been substantiated. Some problematic issues of conducting an operational-search event «investigation of objects and documents» were noted, proposals were formulated to introduce amendments and addenda to the Law of the Republic of Belarus «On operational-search activities».

УДК 343.43

Н. Ю. Скрипченко

д-р юрид. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Криминализация торговли людьми является одним из серьезных шагов законодателя в сфере борьбы с деяниями, посягающими на свободу человека. Проведенный в ходе исследования уголовно-правовой анализ позволил выявить редакционные изъяны ч. 1 ст. 127¹ УК РФ, затрудняющие реализацию указанной нормы на практике. Ряд вопросов, возникающих при применении ст. 127¹ УК РФ, были сняты Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми».

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, оказывают не только прогрессивное влияние на развитие международных отношений и отдельных стран, но и создают условия для расширения криминала. Торговля людьми относится к числу самых опасных преступных деяний, получивших широкое распространение в XXI в. Ежегодно жертвами данного преступления по разным подсчетам, становятся от 500 тыс. до 1 мил. человек из разных страна. В большинстве случаев торговля людьми осуществляется с целью принудительного нелегального труда (в том числе и

в качестве прислуги в семьях), проституции, донорства органов, а «предметом» сделки чаще всего выступают женщины и дети.

Принятие на международном уровне документов, определяющих содержание торговли людьми и статус жертв указанных криминальных деяний, не только упрощает процедуру уголовного судопроизводства по соответствующей категории дел, но и стимулирует государства к созданию унифицированного правового пространства. Так, принятие Генеральной Ассамблеи ООН 15 ноября 2000 г. «Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» (далее – Протокол) [4, с. 129 – 136] определило дополнение в 2003 г. УК РФ двумя новыми нормами: ст. 127¹ УК РФ («Торговля людьми») и ст. 127² УК РФ («Использование рабского труда»). Одновременно законодатель исключил из уголовного закона ст. 152, предусматривавшую ответственность за куплю-продажу несовершеннолетнего либо совершение иных сделок в форме его передачи и завладения.

Сравнительный анализ международных актов и российского законодательства в части определения «торговли людьми» позволяет выявить содержательное различие.

В соответствии с п. «а» ст. 3 Протокола «торговля людьми» означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения либо путем подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов [4, с. 131].

Российский законодатель дополнил международную дефиницию «торговля людьми» ранее использовавшимся в ст. 152 УК РФ терминами «купля-продажа» и «иные сделки» в отношении человека (ст. 127¹ УК РФ), что можно объяснить стремлением облегчить толкование новеллы на практике, формирование которой было заложено ранее действовавшей ст. 152 УК РФ. Правовая преемственность же привела к редакционным изъянам. Законодатель не только допустил очевидное несоответствие между наименованием и содержанием ст. 127¹ УК РФ, но и фактически уравнил разные по степени общественной опасности деяния в рамках одного состава преступления, что вызвало критику в уголовно-правовой доктрине. Так, отмечая широкую трактовку родового понятия «торговля», Л.Л. Кругликов

указывает на несоответствие названия содержанию ст. 127¹ УК РФ, так как к торговле людьми законодатель относит не только куплю-продажу и иные сделки в отношении человека, но его вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение. Кроме того, – отмечает ученый – для привлечения к ответственности по ст. 127¹ УК РФ достаточно факта торговли в отношении и одного человека (а не «людей», как сказано в заголовке и тексте статьи) [8, с. 102 – 103].

Оценивая объем деяний, криминализируемых ст. 127¹ УК РФ, отдельные специалисты, справедливо указывают на то, что в рамках анализируемой нормы законодатель предусматривает ответственность и за сделки с живым товаром, и за деяния, сопровождающие, предшествующее или следующее за ними («вербовка, перевозка, передача, укрывательство и получение человека»), традиционно относящиеся к пособничеству. Предлагая исключить из диспозиции ч. 1 ст. 127¹ УК РФ действия, напрямую не охватываемые торговлей людьми, представители уголовно-правовой науки считают обоснованным квалификацию действий лиц, чье поведение создает условия для совершения криминальных сделок по соответствующей части ст. 33 УК РФ [2, с. 12].

По мнению А. Алихаджиевой из всех перечисленных в ч. 1 ст. 127¹ УК РФ действий, «сопровождающих» торговлю людьми, повышенной общественной опасностью обладает деяние в форме «вербовки», что определяет потребность уголовно-правовой регламентации указанного деяния в рамках самостоятельной нормы с ужесточением санкции [1, с. 33]. Ю. Пудовочкин в качестве самостоятельного состава преступления предлагает выделять не только вербовку, но и все действия кроме тех, которые непосредственно связаны с совершением сделки в отношении человека [7, с. 20].

Ряд ученых критически оценивают законодательное решение об исключении ст. 152 УК РФ, поскольку конструктивным признаком ч. 1 ст. 127¹ УК РФ является цель эксплуатации, привлечь виновного в покупке младенца по указанной норме не представляется возможным. Ссылаясь на международные стандарты и конституционные требования о необходимости установления повышенных гарантий безопасности детства и усиления ответственности за совершение преступлений против несовершеннолетних, специалисты предлагают криминализировать торговлю детьми в самостоятельной норме [7, с. 20; 9, с. 18].

Учитывая означенные редакционные изъяны содержания ч. 1 ст. 127¹ УК РФ и неизменность законодательного определения торговли людьми, большое значение приобретают разъяснения по квалификации рассматриваемого преступления, данные Пленумом Верховного Суда РФ в принятом 24 декабря 2019 г. Постановлении № 58 «О судебной практике по делам

о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» (далее – Постановление) [6]. Остановимся на ключевых положениях нового практика ориентирующего акта.

Закрепление в диспозиции ст. 127¹ УК РФ разных по содержанию альтернативных деяний, приравненных к торговле людьми, с выборочной конкретизацией субъективных признаков, дезориентирует правоприменителя в определении признаков состава преступления. И несмотря на то, что цель «эксплуатация человека» напрямую не закреплена в отношении действий в виде «купли-продажи» и «иных сделок», следственные органы «перестраховываются» и устанавливают ее вменяя ст. 127¹ УК РФ [5].

В п. 12 Постановления Верховный Суд РФ «развел» соответствующие объективные и субъективные признаки, обоснованно «исключив» цель «эксплуатации человека» в отношении действий, связанных с куплей-продажей и иных сделок с человеком.

Большую практическую значимость представляют предложенные в п. 12 Постановления дефиниции «купля-продажа», «иные сделки», «вербовка», «перевозка», «передача», «укрывательство», детализирующие признаки объективной стороны торговли людьми (ст. 127¹ УК РФ).

Изначально незаконное содержание сделок с «живым товаром» определяет криминальный характер действий и продавца, и покупателя. На практике встречаются случаи, когда одно лицо покупает, а в последующем продает одного и тоже потерпевшего. Из предложенной Пленумом дефиниции купли-продажи невозможно сделать вывод о возможной (невозможной) совокупности преступных деяний. Конкретизированный в п. 14 Постановления момент окончания рассматриваемого преступления – «с момента фактической передачи и получения потерпевшего», позволяет привлекать покупателя – продавца по совокупности ст. ст. 127¹ УК РФ. На практике же суды исключают множественность, указывая: «Осужденной Н. была совершена торговля в отношении одних и тех же потерпевших, купля и продажа состоялись фактически с минимальным разрывом во времени. При таких обстоятельствах суд необоснованно и искусственно разделил действия, связанные с куплей и продажей потерпевших, на два самостоятельных состава преступлений (в рамках каждой потерпевшей)» [3]. Учитывая, в данном примере, ключевую роль в уголовно-правовой оценке сыграл небольшой временной промежуток, прошедший с момента совершения первой и второй сделки (2 часа), представляет интерес позиция Пленума Верховного Суда РФ по обозначенному вопросу.

В п. 14 Постановления даются разъяснения, позволяющие определить момент окончания торговли людьми в зависимости исходя из способа совершения преступления. Однако, Верховный Суд РФ ограничился определением момента окончания «классических» действий, охватываемых

ч. 1 ст. 127¹ УК РФ. На практике же могут возникнуть затруднения с определением момента «фактической передачи и получения потерпевшего» когда, например, «продавец» сообщает «покупателю» место где находится потерпевший; или момента «получения согласия потерпевшего на осуществление деятельности, для которой совершается вербовка», в случаях, когда вербовка осуществляется путем размещения виновным в Интернете объявления с предложением об устройстве на работу.

Пункт 16 Постановления отражает позиция Верховного Суда в части реализации п. 1 примечания к ст. 127¹ УК РФ. Практическая значимость указанных положений была бы более высокой, если соответствующие положения были подкреплены конкретными примерами. Так, из текста примечания не ясно, распространяется ли правила об освобождении от уголовной ответственности на вербовщика, который по сути выступает связующим звеном между жертвой и эксплуатирующим его торговцем. Исходя из содержания вербовки потерпевший дает согласие на эксплуатацию, что актуализирует вопрос о добровольном характере освобождения жертвы. Как справедливо отмечает И. Алихаджиева, если завербованный не лишен свободы, то нет оснований говорить о добровольном ее освобождении вербовщиком как условия освобождения от уголовной ответственности согласно примечания 1. Если жертва незаконно лишена свободы, то деяние вербовщика тем более не отвечает требованиям уголовно-правовой нормы, изложенной в примечании, поскольку кроме торговли людьми наличествует состав преступления, квалифицируемого по ст. 127¹ УК РФ, что препятствует освобождению вербовщика [1, с. 34].

Современная редакция п. 2 примечания к ст. 127¹ УК РФ ставит больше вопросов, чем дает ответ на вопрос, что понимается под эксплуатацией человека. В частности, кто может рассматриваться в качестве «других лиц» применительно к занятию проституцией; какие действия охватывают «иные формы сексуальной эксплуатации»; что себя включает «рабская услуга» и чем она отличится от «рабского труда». К сожалению, указанные вопросы не нашли разъяснений в рассматриваемом документе, равно как остались без внимания Верховного Суда РФ квалифицирующие признаки анализируемого состава преступления. Многие из них являются типичными, и уже были предметом судебного толкования при обобщении практики по другим категориям дел, но реализация отдельных вызывает затруднения. В частности, какие действия, из перечисленных в ч. 1 ст. 127¹ УК РФ, могут быть совершены с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей (п. «д» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ); какие последствия следует относить к «иными тяжкими» (п. «а» ч. 3 ст. 127¹ УК РФ); в чем может выражаться способ, «опасный для жизни и здоровья многих людей»

при торговле людьми (п. «б» ч. 3 ст. 127¹ УК РФ). Конкретизация указанных положений в Постановлении снизила бы опасность необоснованного сужения или расширения границ криминализации, а также предотвратила возможные ошибки в понимании и применении ст. 127¹ УК РФ.

Список использованных источников

1. Алихаджиева, И. Недостатки законодательной регламентации уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми / И. Алихаджиева // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 31 – 35.

2. Зайдиева, Д.Я. Уголовно-правовая охрана личной свободы человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.Я. Зайдиева – М., 2006. – 36 с.

3. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда от 1 октября 2008 г. // СПС «КонсультантПлюс».

4. Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми: Сб. док. / Сост. В.С. Овчинский. – М., 2004. – 360 с.

5. Справка Кемеровского областного суда от 1 сентября 2009 г. № 01-26/771 «О практике рассмотрения судами Кемеровской области уголовных дел о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми (статьи 126, 127, 127 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Российская газета. 31.12.2019. № 296.

7. Пудовочкин, Ю.Е. Ответственность за торговлю людьми по российскому уголовному праву / Ю.Е. Пудовочкин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 3. – С. 23 – 35.

8. Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2004. – 620 с.

9. Устинова, Т.Д., Измайлова, И.Д. Статья 127.1 УК РФ: проблемы применения и законотворчества / Т.Д. Устинова, И.Д. Измайлова // Современное право. – 2005. – № 10. – С. 17 – 21.

The criminalization of trafficking in persons is one of the serious steps of the legislator in the fight against acts encroaching on human freedom. The criminal legal analysis carried out during the study revealed editorial flaws in Part 1 of Art. 127.1 of the Criminal Code, which impede the implementation of this norm in practice. A number of issues arising from the application of Art. 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, were withdrawn by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Decree of December 24, 2019 No. 58 “On judicial practice in cases of kidnapping, illegal deprivation of liberty and trafficking in persons”.

О. Я. Сливко

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В данной статье анализируются отдельные аспекты административной ответственности в Республике Беларусь. Субъекты административной ответственности имеют отличительные особенности процессуального статуса. В статье проводится исследование административной ответственности общих и специальных субъектов, выделяются пробелы в законодательстве. Предлагаются отдельные направления совершенствования норм, регулирующих административную ответственность.

В настоящее время административно-деликтное законодательство подвергается реформированию. Существующие пробелы в регулировании процессуального статуса субъектов административной ответственности придают теме актуальность.

Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП РБ) устанавливает следующие виды субъектов административной ответственности: физические лица, юридические лица и индивидуальные предприниматели.

Физическое лицо как субъект административно-деликтного права – субъект общественных отношений, который выступает в роли носителя содержащихся в нормативных правовых актах прав и обязанностей. Ими гражданин наделяется для реализации своих потребностей, участия в управлении делами общества и государства. Для признания физического лица субъектом административной ответственности требуется соблюдение двух условий: возраст и вменяемость.

В статье 4.3 КоАП РБ определено, что административной ответственности подлежит физическое лицо, достигшее ко времени совершения правонарушения шестнадцатилетнего возраста, за исключением случаев, предусмотренных КоАП РБ (ч.1 ст. 4.3). В ч.2 статьи 4.3 КоАП РБ определены особые случаи (16 составов правонарушений), в которых физические лица подлежат ответственности по достижении 14-летнего возраста. Не подлежит ответственности физическое лицо, которое во время совершения деяния находилось в состоянии невменяемости.

Вменяемость – второе важное условие для привлечения к ответственности. Ст. 4.4 КоАП РБ определяет, что лицо, которое во время совершения противоправного деяния находилось в состоянии невменяемости, не подлежит административной ответственности. Отдельная

норма регулирует вопросы вменяемости несовершеннолетних лиц, в силу их возраста и особого статуса.

Целый ряд правонарушений, предусмотренных в КоАП РФ, может быть совершен не любым физическим вменяемым лицом, достигшим установленного возраста административной ответственности, то есть общим субъектом, а лицом, которое обладает дополнительными признаками. Эти признаки применительно к конкретному правонарушению, как правило, указываются в диспозициях норм особенной части КоАП РФ. Здесь речь идет о специальных субъектах, таких как несовершеннолетних лицах, военнослужащих, должностных лицах. В ст. 9.4 КоАП РФ субъектом ответственности будут родители или лица их заменяющие. А ст. 17.4 предусматривает ответственность только совершеннолетнего лица.

Правовой статус специальных субъектов не всегда урегулирован в полной мере. Несмотря на то, что ряд статей определяет общие положения ответственности данных субъектов, в КоАП РФ отсутствует понятие специальных субъектов. Целесообразно предложить следующее определение специального субъекта. Специальный субъект административной ответственности – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста административной ответственности, установленного КоАП РФ, обладающее одним или несколькими дополнительными признаками на момент совершения правонарушения, позволяющими отграничить возможность привлечения его к административной ответственности по соответствующей статье Особенной части КоАП РФ.

Проблема административной ответственности такой категории специальных субъектов как несовершеннолетние лица является одной из актуальных и наиболее активно обсуждаемых проблем административно-деликтного права. Несовершеннолетние субъекты административной ответственности обладают особыми признаками в силу своего возраста.

Административная ответственность несовершеннолетних характеризуется рядом особенностей, которые обуславливают необходимость их учета в правоприменительной практике. К признакам ответственности несовершеннолетних следует отнести: 1) Воспитательный характер административной ответственности. Так как к несовершеннолетним, как правило, применяются меры воздействия, которые не являются административными взысканиями либо применяется предупреждение. 2) В то же время к несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет применяются меры административной ответственности на общих основаниях.

Меры административной ответственности, к сожалению, не всегда выполняют функции в борьбе с отклоняющимся поведением несовершеннолетних. Не следует забывать о том, что меры принуждения в

отношении несовершеннолетних в большей степени, чем административная ответственность взрослых правонарушителей, имеют морально-воспитательные цели, поэтому перевоспитание и исправление нарушителей возможны и без применения мер административной ответственности.

КоАП РБ не предусматривает специальных видов административных взысканий, применяемых только к несовершеннолетним, но определяет особенности при применении некоторых видов административных взысканий. При определении административного взыскания несовершеннолетнему лицу, орган ведущий административный процесс должен учитывать его возрастные, психические, индивидуальные особенности, с тем, чтобы обеспечить с помощью административного взыскания формирование у несовершеннолетнего стойкого неприятия антиобщественных, аморальных тенденций.

Особенность применения мер принуждения к несовершеннолетним за совершение административных правонарушений состоит в том, что по общему правилу лицо подлежит административной ответственности лишь по достижении 16-летнего возраста. Однако к лицам от 14 до 16 лет могут применяться меры воспитательного характера, предусмотренные законодательством о предупреждении правонарушений несовершеннолетних, о работе комиссий по делам несовершеннолетних. Из всех мер административного взыскания в данном случае можно применять предупреждение и штраф в том случае, если у несовершеннолетнего имеется собственный доход. Эффективнее закрепить в административно-деликтном законодательстве отдельные виды административных взысканий именно для несовершеннолетних.

Для совершенствования правового регулирования и систематизации правовых норм об административной ответственности несовершеннолетних предлагаем в КоАП РБ предусмотреть отдельный раздел «Административная ответственность несовершеннолетних», в котором следует закрепить особенности и порядок привлечения несовершеннолетних к административной ответственности. В том числе: раскрыть цели административной ответственности несовершеннолетних; виды основных и дополнительных административных взысканий и процедуру их применения; обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность несовершеннолетних; порядок освобождения несовершеннолетних от ответственности; порядок привлечения к ответственности родителей и лиц, их заменяющих, за проступки, совершенные несовершеннолетними.

Анализ законодательства об административной ответственности и практики его применения в отношении физических лиц показывает, что: 1) многие нормы об ответственности и практика правоприменения не соответствуют стратегической направленности административной

ответственности, 2) носят явно фискальный характер; 3) ориентированы не на профилактику правонарушений, а на наказание виновных. Часто меры ответственности применяются за нарушение формальных процедур при отсутствии вредных последствий. Несмотря на то, что в КоАП РБ указаны 10 видов административной ответственности, преобладающим видом наказания являются штрафы.

Полагаем, что недооценивается воспитательное и профилактическое значение такого вида взысканий, как предупреждение. В среднем доля предупреждения составляет 3 % в общем массиве взысканий. Несмотря на то, что предупреждение не приносит государству «дохода» в виде поступления денежных средств, оно имеет высокое воспитательное воздействие на незлобных нарушителей, является результативным с точки зрения профилактики правонарушений.

Исправительные работы как мера административной ответственности как мера ответственности, практически не применяется. В этой связи вернее будет говорить об исправительных работах как виде наказания за преступления, а не как о мере административной ответственности. Считаем, что от исправительных работ как меры административной ответственности в отношении физических лиц следует отказаться, оставив ее в рамках уголовного законодательства. Целесообразно исключить статью 6.6 «Исправительные работы» и внести изменения в перечень административных взысканий, закрепленных в статье 6.2 КоАП РБ.

Помимо физических лиц в Республике Беларусь в соответствии с КоАП РБ субъектами административного правонарушения могут быть юридические лица. При этом следует отметить, что законодательство отдельно рассматривает ответственность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Существующий пробел в КоАП РБ относительно формулировки административной ответственности (в ней отсутствует указание на индивидуальных предпринимателей), компенсируется ст. 4.8 КоАП РБ, которая устанавливает условия ответственности индивидуального предпринимателя и юридического лица.

Действующий КоАП РБ не содержит в себе нормы, которые бы определяли цели административной ответственности юридических лиц. Однако, исходя из анализа действующего законодательства, можно установить, что юридические лица привлекаются административной ответственности в целях их воспитания, общей и частной превенции, а также для социальной защиты.

Для признания юридического лица субъектом административной ответственности необходимо, чтобы оно обладало рядом признаков, которые позволяют ему быть участником правоотношений: организационное единство, имущественная обособленность, имущественная

ответственность, выступление в гражданском обороте и в суде от своего имени, а также прохождение в установленном порядке процедуры государственной регистрации. Кроме того, для юридического лица, как субъекта административной ответственности, характерно наличие административной деликтоспособности, под которой понимается возможность привлечения юридического лица за совершенное им административное правонарушение к административной ответственности. При этом совершение юридическим лицом административного правонарушения напрямую зависит от деяний работников и должностных лиц такого юридического лица.

Одной из важнейших теоретических проблем, является дефиниция административной ответственности юридических лиц. Административная ответственность юридических лиц целесообразно определить, как применение к юридическим лицам, обладающим административной правосубъектностью, административных взысканий за неисполнение или ненадлежащее исполнение установленных государством правил, норм и стандартов.

Административную ответственность юридических лиц характеризуют традиционные признаки состава административного правонарушения (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона). Однако они обладают существенными особенностями, отличающими их от аналогичных признаков, характеризующих состав административного правонарушения, совершаемого физическими лицами. Прежде всего, это касается понятия вины.

Проблемным, на наш взгляд, остается также вопрос о двойной ответственности юридического лица и его должностного лица за совершение одного административного правонарушения. Так, согласно ч. 9 ст. 4.8 КоАП РБ наложение административного взыскания на юридическое лицо не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное должностное лицо юридического лица, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности должностного лица юридического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо.

Исходя из приведенной нормы, следует, что, совершив одно административное правонарушение, административной ответственности будут подвержены сразу два субъекта – юридическое лицо и его должностное лицо. Однако деяние, образующее объективную сторону состава административного правонарушения, совершает не само юридическое лицо (оно не может выступать непосредственным исполнителем), а его должностные лица, работники. Тем самым указанная норма нарушает один из основных принципов юридической

ответственности – принцип справедливости, который предусматривает недопустимость повторного наказания за одно и то же совершенное правонарушение. На практике привлечение юридического лица к административной ответственности сопровождается предъявлением регрессного иска от данного юридического лица к фактически виновному должностному лицу.

Целесообразно в КоАП РБ определить перечень фактических обстоятельств совершения административного правонарушения, которые бы устанавливали критерии, в каких случаях привлекается к ответственности должностное лицо, в каких – юридическое лицо, а в каких возможно и необходимо одновременное привлечение к ответственности и должностного, и юридического лица.

Кроме того, при решении вопроса о возможности привлечения к административной ответственности юридических лиц видится полезным введение института непреодолимой силы по аналогии с положениями гражданского законодательства. Применение презумпции добросовестности юридического лица, привлекаемого к административной ответственности, представляется достаточно проблематичным, поскольку в отношении юридического лица действует принцип объективного вменения, предполагающий презумпцию виновности такого субъекта.

This article analyzes certain aspects of administrative responsibility in the Republic of Belarus. The subjects of administrative responsibility have distinctive features of the procedural status. The article studies the administrative responsibility of general and special entities, highlighted gaps in the legislation. Separate directions are proposed for improving the rules governing administrative responsibility.

УДК 347.45

Л. А. Субботина

УО «ГГУ им. Ф Скорины»

КОНЦЕССИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье дается системный анализ исторических периодов развития концессионных отношений с акцентом на концессию природных ресурсов. Исследование исторического опыта концессионных отношений дает основу для формирования современного концессионного законодательства.

Весь исторический путь развития концессионных отношений можно рассматривать как попытку государства взаимодействовать с предпринимателями. В условиях монополизации государством доходной

деятельности, концессия выступала как особая привилегия или исключительная льгота, предоставляемая отдельным лицам. Упоминание о первых прообразах концессий встречается даже на страницах Нового Завета, где описывается отношение иудейского общества к мытарям (сборщикам налогов).

Наиболее ярким примером прообраза концессионных отношений служат откупы, которые были широко распространены и в Древней Греции и в Древнем Риме с 4 века до н.э. Откуп представлял собой передачу государством права взимать налоги и другие государственные доходы на определенных условиях и за определенную плату.

Наиболее сходным с концессией инструментом, действовавшим в Древнем Риме, являлся «прекариум». Он описан в Дигестах следующим образом: «Прекариум есть безвозмездная концессия пользования до тех пор, пока концедент это терпит» [1, с.11].

В период Средневековья концессия активно развивалась в сфере добычи полезных ископаемых. Исключительным королевским правом выступала так называемая «горная регалия», в силу которой «никто не вправе заниматься горным делом, предварительно не получив от короля специального разрешения в виде концессии, за которую обязан вносить известную плату» [2, с. 219].

Эра великих географических открытий 15-18 веков, дала толчок активному развитию торговых концессий. При этом, государства-колонизаторы того времени (Испании, Португалии, Англии) пошли по пути изъятия колониальной торговли из сферы частной инициативы и ее монополизации. Особого внимания в этот исторический период заслуживают документы, закрепляющие права новых поселенцев-иммигрантов на управление и пользование новыми землями – хартии (Англия) и резолюции (Испания). Эти документы стали своеобразным прообразом классического договора концессии, в рамках которого устанавливалась определенная самостоятельность хозяйствования и извлечения прибыли с отчислением определенной доли казне. В Соединенных Штатах Америки первые упоминания о концессиях относятся также к XVII в., когда губернаторы штатов выдавали прибывающим на поселение 16 гражданам других стран первые концессии на землю, реки, строительство дорог [3, с.152].

На территории средневековой России были распространены «откупы» на пушной и иной промысел в царских лесах, устройство рудников и железнодорожных заводов, промысел морского зверя, разработку и добычу соли и другие. «Русское концессионное право» берет свое начало Привилегией Ивана Грозного 1569 г., которая предоставляла Английскому торговому обществу: право беспошлинной свободной

торговли по всей России; право свободного проезда через Россию для торговли с Персией; разрешение на поиск и добычу железной руды. А первым русским «концессионером» следует считать Григория Строганова. По Грамоте Ивана Грозного 1558 г. Строганову были предоставлены права на занятия различными промыслами, в частности соляным, а впоследствии к солепромышленной деятельности было присоединено и занятие горнозаводским делом [4, с.226].

Активное развитие техники в 18–19 веках породило новые объекты концессий. К ним, в первую очередь, относится строительство различных объектов инфраструктуры: железных дорог, каналов т.п. Но использование природных ресурсов, как таковое, тоже развивается в этот исторический период. Так, к 1820 г. в Великобритании существовали шесть частных компаний, которые вели деятельность по водоснабжению на основе концессий [2, с.287].

В России всплеск концессионной деятельности наблюдается в период правления Петра I, что несомненно связано с активизацией внешней политики русского государства. Законодательство того времени устанавливало принципы, согласно которым недра принадлежали государству, а эксплуатация их была возможна лишь путем предоставления концессии. Например, Берг-привилегия 1719 г. ввела для желающих общий порядок заявки о розыске руды и минералов в Берг-коллегию. В связи с тем, что недра находились в собственности государства, искать руду можно было как на собственных, так и на чужих землях. Таким образом, указанным актом была введена в действие горная регалия. Значительная роль в формировании концессионных и инвестиционных отношений отводится также Манифесту от 30 июля 1720 г. «О допущении иностранцев к строению и размножению рудокопных заводов», согласно которому иностранцам было предоставлено право на осуществление горнодобывающей деятельности [5, с.78].

В период правления Петра II концессионное использование недр развивалось далее. В 1727 г. даже было отменено «право первой покупки», то есть государство больше не могло первым покупать все продукты, добытые частным предпринимателем из недр, по определенным ранее ценам. Однако в таком виде горное законодательство просуществовало недолго: в результате принятия Манифеста Екатериной II в 1782 году, оно было отменено. Статья 1 Манифеста отождествляла право собственности на поверхность земли с правом собственности на недра, уничтожая горную регалию [6, с. 156].

В 19 веке концессии на территории царской России развивались преимущественно в инфраструктурной части, то есть были связаны со строительством железных дорог.

Важнейшим этапом в развитии концессионных отношений стал начальный советский период и особенно период НЭП. «Концессии давали возможность ввезти в нашу страну иностранный капитал не только в денежной, но и, что было особенно важно в тот период, товарной форме: в виде машин, оборудования, полуфабрикатов. От концессии ожидалось создание образцовых, технически совершенных предприятий, переходящих целиком в наши руки по истечении срока договоров; увеличение силами иностранных предпринимателей общего количества продуктов, поступающих в наше распоряжение; усвоение технического опыта и знаний иностранного капитала» [7, с.40]. В концессиях были заинтересованы и иностранные государства, имевшие до 1917 года хорошо налаженные экономические связи в сфере экспорта продукции и материалов.

В 1920 году был принят Декрет «О концессиях», определивший основные принципы и условия предоставления концессий, длительность сроков концессий, гарантии концессионерам и другие важные условия. И хотя, на тот момент документ носил довольно прогрессивный характер, практическая его реализация стала возможной лишь с введением новой экономической политики в 1921 году. В период с 1922 по 1927 г. советским государством было получено 2211 предложений о концессиях. В 1923 г. был учрежден Главный концессионный комитет (далее – ГКК) при СНК СССР. Наряду с ГКК были созданы концессионные комитеты в союзных республиках, при Верховном экономическом совете, народных комиссариатах торговли, транспорта и связи, сельского хозяйства, финансов, внутренних дел, при торговых представительствах за рубежом [8, с.25-27].

Концессионная деятельность имела место не только в использовании природных ресурсов, в основном земель и недр. Также широко были развиты концессионные соглашения в сфере торговли и создания инфраструктуры. Концессии послужили инструментом восстановления экономики и стимулом социально-экономического развития страны вследствие технического перевооружения и привлечения новых технологий в производство; способствовали стабилизации рынка труда и повышению уровня профессиональной квалификации рабочих. Вместе с тем, несмотря на очевидные положительные результаты этой деятельности, к концу 1920-х гг. начинается активное вытеснение иностранного капитала из экономики и ликвидация успешных концессий. Причины такой нецелесообразной деятельности кроются в первую очередь в политике (усиление борьбы с антисоветскими элементами, антагонизм между социалистической и капиталистической системами), также экономический кризис 1929–1933 года и усиливающаяся централизация народного хозяйства.

Дальнейшая история развития концессионных отношений в советском государстве постепенно была сведена к нулю. Возврат к теме государственно-частного партнерства стал возможен лишь после распада Советского Союза и образования независимых государств на базе бывших союзных республик.

В Республике Беларусь впервые на законодательном уровне потенциальная правовая возможность концессии была закреплена в Законе Республики Беларусь «Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» 1991 года [9]. К сожалению, в тот период не были определены ни порядок заключения, ни порядок исполнения концессионных договоров, что в итоге не давало возможности их практической реализации. Большую роль в устранении указанных правовых проблем призван был сыграть Инвестиционный кодекс Республики Беларусь, принятый в 2001 году. Инвестиционный кодекс и принятые к нему в дополнение ряд Указов Президента Республики Беларусь разрешили задачу детального правового регулирования концессионных отношений. Последующее закрепление возможностей концессионного использования природных ресурсов нашло свое отражение и в ряде природоресурсных кодексов того периода: Кодексе о земле, Водном кодексе, Кодексе о недрах. Вместе с тем, наличие правового регулирования не стало толчком к активному развитию концессионных отношений, за период действия Инвестиционного Кодекса были заключены единичные концессионные договоры. В целях дальнейшей детализации и повышения эффективности концессионной деятельности, а также закрепления условий и механизма практической реализации концессионных договоров в 2013 году в Беларуси был принят отдельный Закон «О концессиях», установивший правовой механизм осуществления инвестиций на основе концессий на территории Республики Беларусь [10].

В целом, в мировой практике концессия природных ресурсов – одна из самых распространенных форм участия частного капитала в высокотехнологичном и современном природопользовании. Особое развитие концессионные отношения имеют в недропользовании и заготовке древесины. Концессионное законодательство принято более чем в 120 странах мира с различным экономическим и государственным устройством и является успешной деятельностью, удовлетворяющей как государственные, так и частные интересы.

Список использованных источников

1. Азаревич, Д. Прекариум по римскому праву. Ярославль, 1877. – 123 с.
2. История государства и права зарубежных стран. Учебник для вузов. 2-е изд. / под ред. Н. А. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. Ч. 1. – М.: Инфра-М, 2001. – 356 с.

3. Варнавский, В. Г. Концессионный механизм партнерства государства и частного сектора / В. Г. Варнавский. – М.: ИМЭМО, 2003. – 271 с.
4. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. / Н.И. Костомаров. В 4 т. Т. 1. – С.-Петербург : Издательство "Вестник Знания", 2001. –440 с.
5. Сосна, С. А. Концессионное соглашение: теория и практика / С. А. Сосна. – М.: Нестор Академик Паблишерз, 2002, – 256 с.
6. Янжул, И. И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. – М.: Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, 1897. –367 с.
7. Скворцов-Степанов И. И. Об иностранных концессиях. М.: Право и жизнь, 1920,– 76 с.
8. Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): документы и материалы. Сер. «Отечественный опыт концессий» / под ред. М. М. Загорулько; сост.: М. М. Загорулько [и др.]. – М.: Современная экономика и право, 2005,– 284 с.
9. Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 29 мая 1991 г., № 824-ХІІ // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэсп. Беларусь. – 1991. – № 22. – Ст. 300.
10. О концессиях [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г., № 63-З // Эталон-Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

The article provides a systematic analysis of the historical periods of the development of concession relations with an emphasis on the concession of natural resources. The study of the historical experience of concession relations provides the basis for the formation of modern concession legislation.

УДК 343

М. В. Тимошенко

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

М. А. Улога

судья суда Речицкого района Гомельской области

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ЗАКОННОСТЬЮ И ОБОСНОВАННОСТЬЮ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Рассмотрены наиболее актуальные вопросы и коллизии, возникающие в нормативном регулировании и практике судебного контроля. Актуальность данной работы заключается в том, что с учетом кардинальной смены законодательства полноценных исследований на данную тему нет. Практический опыт позволил обозначить роль судебного процессуального контроля в исполнительном производстве, выявить существующие пробелы действующего

законодательства, в том числе, разработать рекомендации для практикующих юристов, чья деятельность сопрягается с судебной деятельностью и сферой исполнительного производства.

Важной основой в фундаменте правового государства, определяющей его силу и стабильность, является судебная власть. Суды призваны обеспечивать реализацию предоставленных законом возможностей гражданам и юридическим лицам для защиты в суде своих прав и законных интересов.

В развитии нового этапа судебной системы Республики Беларусь особым событием стало принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 года № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» [1] и Указа Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 года № 530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов» [2]. Наряду с ликвидацией Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, был поставлен вопрос о формировании отдельной системы исполнения судебных постановлений с выделением судебных исполнителей из судебной ветви власти в исполнительную ветвь власти, что повлекло образование единой системы органов принудительного исполнения и определение их в подчинение Министерства юстиции Республики Беларусь.

Эти кардинальные перемены заложили основу для разработки и принятия нормативных правовых актов, регулирующих деятельность органов принудительного исполнения, главными из которых являются: Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 года № 439-З «Об исполнительном производстве» [3] и Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 года № 440-З «О судебных исполнителях» [4]. Основной целью их принятия является повышение эффективности исполнения судебных постановлений и иных актов, снижение нагрузки на судебных исполнителей, судей и оптимизация их деятельности. При разработке проектов законов была учтена правоприменительная практика ведения исполнительного производства, сохранены отдельные исторически оправдавшие себя положения, но также включен ряд новых положений.

Наряду с этим, были подвергнуты существенной корректировке положения Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [5], которые затрагивают преимущественно судебную компетенцию в сфере исполнительного производства.

Функция суда по осуществлению судебного процессуального контроля вытекает из ст. 5 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь – исполнение судебных постановлений и других актов, подлежащих исполнению. С целью дать определение данному понятию, проведен анализ каждой составляющей.

В юридической литературе является актуальным вопрос о значении термина «контроль». В общем смысле контроль – это система наблюдения и проверки процесса функционирования объекта с целью устранения его отклонения от заданных параметров. В юридической литературе термин «контроль» рассматривается как необходимая функция управления обществом наряду с организацией, регулированием, руководством, координацией и другими [6, с. 110]; как важнейшее условие эффективности организации управления и одно из средств обеспечения законности и дисциплины в управлении [7, с. 42], как форма осуществления правосудия [8].

Вместе с тем, приведенные выше определения не раскрывают в полной мере сути судебного контроля за деятельностью должностных лиц в исполнительном производстве. Поэтому такой судебный контроль следует рассматривать как особую деятельность суда, в ходе которой проверяется соответствие деятельности (акта) органа или должностного лица действующим нормам законодательства. Также следует отметить, что, говоря о судебном контроле за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, мы четко определяем круг субъектов, которые осуществляют такое наблюдение и проверку.

Суды действуют в особой процессуальной форме, которая четко регламентирована процессуальным законодательством. Так, в исполнительном производстве процессуальная деятельность суда обозначена нормами Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь [9].

Таким образом, судебный процессуальный контроль в исполнительном производстве представляет собой урегулированную нормами Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь процессуальную деятельность суда, направленную на защиту прав и законных интересов граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц на стадии исполнения исполнительных документов, предупреждение невозможности взыскания по исполнительным документам, обеспечение законности и справедливости в рамках ведения исполнительного производства.

Анализ нормативных правовых актов и судебной практики позволяет сделать вывод об отсутствии должного нормативного регулирования некоторых процедур в исполнительном производстве: сроков исполнения судебных определений по обеспечению иска; отзыва судом исполнительного документа, в случае отмены или изменения судебного решения; нерегламентированность оснований для отмены ранее принятой судом меры по обеспечению исполнения исполнительного документа; непредусмотренность порядка утверждения судом мирового соглашения в исполнительном производстве.

В силу данных обстоятельств необходимо рассмотреть вопрос о внесении изменений в действующее законодательство.

Судебный процессуальный контроль в исполнительном производстве состоит и в реализации права на обжалование (опротестование) постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя, руководителя органа принудительного исполнения в судебном порядке.

Данная категория дел рассматривается в соответствии с положениями § 9 главы 29 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь и главы 12 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве». При определении подсудности необходимо руководствоваться ч. ч. 3 и 4 ст. 132 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве». Если жалоба не относится к компетенции экономических судов областей (г. Минска), то рассматривать ее должны районные (городские) суды по месту нахождения органа принудительного исполнения. Предметом обжалования (опротестования) являются постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя, руководителя органа принудительного исполнения, связанные с непосредственным исполнением исполнительных документов.

Действия судебного исполнителя отражаются в определенных процессуальных документах – актах. Вместе с тем, есть действия, которые с непосредственным исполнением не связаны (отвод, ознакомление с материалами исполнительного производства, предоставление информации по исполнительному производству и т.д.). Порядок их обжалования установлен Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 года №300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» [10]. Субъектами жалоб выступают стороны исполнительного производства, иные лица, чьи права нарушены, а протестов – прокуроры. Для судебного порядка рассмотрения жалоб (протестов) обязательным основанием является соблюдение субъектами жалоб (протестов) досудебного порядка урегулирования спора путем обжалования постановления, действий (бездействия) судебного исполнителя, руководителя органа принудительного исполнения вышестоящему руководителю. Исключение из правил составляют протесты прокуроров. Жалоба в суд подлежит оплате в размере 1 базовой величины госпошлины. По результатам рассмотрения жалобы (протеста) судья выносит решение. Особенностью данной категории дел является и то, что суды рассматривают жалобу (протест) в исключительно короткий срок – 10 дней.

По результатам обобщения в целях более качественной реализации задачи процессуального законодательства, практикующим юристам (судьи, адвокаты, юристы предприятий) рекомендовано обращать внимание на установление срока исполнения определения об обеспечении иска до рассмотрения вопроса о закреплении данного положения в законодательных актах; инициировать направление запросов в отделы принудительного исполнения по месту исполнения исполнительного документа при рассмотрении заявления о заключении мирового соглашения в исполнительном производстве в целях выяснения обстоятельств не нарушают ли условия мирового соглашения чьи-либо права и охраняемые законом

интересы – как условие его заключения, а также на истребование исполнительных производств при разрешении вопросов об ограничении должников в праве выезда за пределы Республики Беларусь, управления механическими транспортными средствами, посещения игорных заведений для оценки наличия или отсутствия основания в принятии данной меры; в порядке подготовки дел по жалобам (протестам) на действия судебного исполнителя, руководителя органа принудительного исполнения истребовать процессуальные документы (акты) и проверять законность их составления, привлекать для участия в деле Главные управления юстиции, обладающие статусом юридического лица.

Таким образом, судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц имеет целью защиту прав, свобод и законных интересов.

Список использованных источников

1. О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 29 ноября 2013 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 29 ноября 2013 г., №530 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 22.02.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 2016 г., № 439-3 : в ред. Закона от 09 января 2019 г. № 169-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О судебных исполнителях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 октября 2016 г., № 440-3 : // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 января 1999 г., № 238-3 : в ред. Закона от 17 июля 2020 г. № 45-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Крамник, А.Н. Курс административного права Республики Беларусь / А.Н. Крамник. – Минск: Тесей, 2002. – 608 с.

7. Зеленцов, А.Б. Юрисдикционный контроль: основные модели / А.Б. Зеленцов // Тенденции развития контроля за деятельностью публичной администрации в зарубежных государствах: монография / А.Б. Зеленцов, В.И. Лафитский, И.Г. Тимошенко и др.; отв. ред. В.И. Лафитский, И.Г. Тимошенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. – С. 41-49.

8. Лалиев, А.И. Судебный контроль и правосудие: понятие, признаки, проблемы соотношения / А.И. Лалиев // Общество и право. – 2010. - №3(30). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyuy-kontrol-i-pravosudie-ponyatie-priznaki-problemy-sootnosheniya/viewer>. Дата доступа: 29.09.2020

9. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 дек. 1998 г., № 219-З : в ред. Закона от 17 июля 2020 г. № 50-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

10. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., №300-З : в ред. Закона от 17 июля 2020 г. № 50-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

The most pressing issues and conflicts arising in the normative regulation and practice of judicial control are considered. The relevance of this work lies in the fact that, given the radical change in legislation, there are no full-fledged studies on this topic. Practical experience made it possible to identify the role of judicial procedural control in enforcement proceedings, to identify existing gaps in the current legislation, including the development of recommendations for practicing lawyers whose activities are in contact with judicial activities and the sphere of enforcement proceedings.

УДК 342.9:347.959

Е. И. Усова

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

Е. М. Караваева

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В представленной статье автор предпринял попытку на основе анализа правовых норм и правоприменительной деятельности сформулировать предложения, направленные на повышения эффективности института освобождения от административной

ответственности. Указанный правовой институт позволяет реализовывать принципы гуманизма, справедливости, при этом достигать целей административной ответственности и административного процесса.

Административная ответственность состоит в наложении административного взыскания на виновного субъекта. Важным составляющим при этом является обеспечение соотношения государственного карательного воздействия на правонарушителя и характер совершенного деяния с учетом личности делинквента.

Административное законодательство должно строиться на основе базовых принципов юридической ответственности, а основной целью административной ответственности должно являться не наказание, а предупреждение совершения новых правонарушений в будущем, их профилактика. Законодательство, базируясь на принципах демократизма, гуманности, экономии средств государственного принуждения и последовательного использования убеждения, предусматривает возможность освобождения лиц, совершивших правонарушения, от того или иного вида юридической ответственности [1].

Основания от освобождения от административной ответственности нашли свое закрепление в главе 8 КоАП. К ним отнесены малозначительность правонарушения, наличие отдельных обстоятельств, смягчающих ответственность, примирение с потерпевшим, совершение деликта специальным субъектом, заболевание в период исполнения наложенного взыскания, совершение административного правонарушения жертвой торговли людьми.

Освобождение от административной ответственности является важной составной частью административного процесса. Фактически, освобождение от административной ответственности представляет отказ органов, ведущих административный процесс, от применения мер государственного принуждения. Соответственно условиями освобождения от административной ответственности выступают наличие состава административного правонарушения, нецелесообразность применения к лицу, совершившему его, административного взыскания, принятие решения об освобождении от административной ответственности органом (должностным лицом), уполномоченным решать дело о данном правонарушении [2].

В определенной степени, освобождение от административной ответственности не соответствует принципу неотвратимости. Однако следует отметить, что КоАП к числу приоритетных задач относит предупреждение административных правонарушений. Реализуя данную задачу, институт освобождения от административной ответственности направлен на поощрение позитивного последующего поведения правонарушителей [3].

В настоящее время, несмотря на последовательную гуманизацию норм административно – деликтного права и процесса, использование института освобождения от административной ответственности не применяется достаточно активно.

Это можно объяснить рядом причин, одна из которых состоит в том, что нет единообразных правовых рекомендаций по применению указанных норм и должностные лица руководствуются только внутренним убеждением и материалами административного дела, которые в отдельных случаях являются спорными, что подтверждается последующей отменой вынесенного постановления.

Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что освобождение лица от административной ответственности не является признанием его невиновности. Факт совершения правонарушения не подлежит сомнению при освобождении от административной ответственности.

Считается, что обстоятельства, исключаящие признание деяние административным правонарушением схожи с основаниями освобождения от административной ответственности. Но при использовании последних оспаривается именно противоправность и, в итоге, деяние считается общественно полезным. Конечно, вопросы доказывания при этом остаются весьма актуальными.

В связи с этим, можно согласиться с некоторыми авторами о том, что для повышения эффективности деятельности института освобождения от административной ответственности, а также решения задач административного процесса следует закрепить в КоАП требование об объявлении судом, органом, ведущим административный процесс, устного замечания в отношении лиц, освобождаемых от административной ответственности. Это позволит выполнить воспитательную функцию при привлечении к административной ответственности [1,2].

Отдельной проблемой в реализации норм, регулирующих освобождение от административной ответственности, является их применение по усмотрению суда, органа, ведущего административный процесс.

Так, согласно ст. 8.1 КоАП лицо, совершившее административное правонарушение, может быть освобождено от административной ответственности лишь в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом. Исходя из диспозиции указанной статьи, освобождение от административной ответственности является правом, а не обязанностью суда, органа, ведущего административный процесс [4].

Исследование норм главы 8 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее КоАП Республики Беларусь) позволяет детализировать основания, которые являются императивными и диспозитивными для должностных лиц, ведущих административный процесс.

Так, при малозначительности, при наличии смягчающих обстоятельств, в случае совершения деликта военнослужащим и иным лицом, на которое распространяется действие дисциплинарный устав или специальное положение о дисциплине, в случае заболевания при исполнении наложенного взыскания должностное лицо имеет право освободить правонарушителя от административной ответственности.

В случае примирения с потерпевшим, совершения деликта лицом, признанным жертвой торговли людьми должностное лицо должны освободить правонарушителя от административной ответственности.

Следует не забывать и про исключения из этих правил. В частности, если административный процесс начат прокурором по ст.9.1 КоАП Республики Беларусь, то примирение недопустимо.

Судьи, должностные лица органов, ведущих административный процесс, на практике не всегда склонны применять освобождение от административной ответственности.

В некоторых случаях они избегают использования обозначенного правового института по причине нежелания быть заподозренным в чрезмерной лояльности к правонарушителю, что в дальнейшем может вылиться в обжаловании постановления и удовлетворении жалобы. С точки зрения соблюдения материальных и процессуальных норм права в этом случае не будет обнаружено нарушений. Однако такое оценочное обстоятельство как «внутренне усмотрение» может и не совпадать у должностных лиц, которые рассматривали дело и тех, кто работал по жалобе.

В других же случаях, когда речь идет о работе административных комиссий, комиссий по делам несовершеннолетних, должностных лиц органов государственного управления, то применение ими оснований для освобождения от административной ответственности вообще не является актуальной и применяется относительно редко.

Для полноты исследования необходимо более подробно остановиться на анализе отдельных обстоятельств освобождения от административной ответственности и разобраться в особенностях их применения.

Проблемы в правильной оценке обстоятельств, дающих право суду, органу, ведущему административный процесс, освободить лицо, совершившее административное правонарушение, возникают, прежде всего, вследствие того, что многие из них носят оценочный, аксиологический характер.

Так, согласно ч. 1 ст. 8.2 КоАП лицо, совершившее административное правонарушение, может быть освобождено от административной ответственности в случае признания совершенного административного правонарушения малозначительным. При этом согласно ч. 2 данной нормы малозначительным признается деяние, содержащее признаки какого-либо административного правонарушения и причинившее незначительный вред охраняемым КоАП правам и интересам. Анализ вышеуказанной нормы

показывает, что само понятие малозначительности является достаточно абстрактным, отсутствуют четкие его критерии, что позволяет должностным лицам, рассматривающим дела об административных правонарушениях, самостоятельно оценивать, в каких случаях административным правонарушением причинен незначительный вред охраняемым КоАП правам и интересам [3].

Институт малозначительности правонарушения позволяет не привлекать делинквента к определенному виду юридической ответственности в тех случаях, когда это не отвечает ее целям. Правовой механизм малозначительности правонарушения призван не допустить превращения формальной определенности закона в формализм правоприменителя в его негативном смысле: возникновения ситуации, при которой абстрактный характер норм права не позволяет должным образом учитывать объективное многообразие конкретных жизненных обстоятельств их реализации. В этом проявляется свойство гибкости права [3].

Малозначительность правонарушения тесно связана с конструкцией его состава. Более того, указание на оценку степени причиненного вреда свидетельствует о том, что решающее значение для квалификации малозначительности деяния имеют признаки объективной стороны правонарушения [3].

Значимыми являются также и элементы субъективной стороны. Так, освобождение от административного взыскания допустимо лишь при условии, что правонарушитель признает свою вину, осознает последствия правонарушения, стремится вернуться в рамки правопорядка и в дальнейшем не собирается совершать противоправные деяния. Выявить все это без должной оценки качеств самого субъекта, субъективной стороны правонарушения невозможно. В ином случае теряется поощрительный характер освобождения от административной ответственности [3].

Оценка деяния на предмет выявления его малозначительности - прерогатива органа, ведущего административный процесс, который при ее осуществлении, как представляется, не должен руководствоваться произвольными подходами [3].

Отметим, что четкие критерии малозначительности в ст. 8.2 КоАП отсутствуют, что позволяет органам, рассматривающим дела об административных правонарушениях, самостоятельно оценивать, в каких случаях административным правонарушением причинен незначительный вред охраняемым КоАП правам и интересам.

Некоторые судьи негативно относятся к наличию четких критериев признания деяния малозначительным. Однако для более активного применения данного основания не только судьями, но и другими должностными лицами видится логичным все же иметь такой перечень.

Для разрешения обозначенных спорных моментов следует согласиться с отдельными высказываниями Мальца Д.А. о нормативном закреплении критериев признания правонарушения малозначительным путем внесения соответствующих изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 2014 г. № 15 «О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» [3].

К указанным критериям Малец Д.А. относит стоимость предмета правонарушения, размер вреда (ущерба), оценку негативных последствий правонарушения, степень нарушения охраняемых общественных правоотношений, характер совершенного правонарушения, наличие (отсутствие) сведений о совершении виновным лицом подобных правонарушений ранее, наличие (отсутствие) сведений о привлечении виновных лиц к дисциплинарной ответственности, наличие (отсутствие) отягчающих административную ответственность обстоятельств [3]. При этом некоторые предложенные критерии уже учитываются судьями, должностными лицами, ведущими процесс, и носят индивидуальный характер.

Согласно ст. 8.3 КоАП физическое лицо, совершившее административное правонарушение, может быть освобождено от административной ответственности при наличии одного из обстоятельств, указанных в пп. 2, 3, 6 ч. 1 ст. 7.2 КоАП. Сюда относятся предотвращение лицом, совершившим административное правонарушение, вредных последствий такого правонарушения; добровольное возмещение или устранение причиненного вреда либо исполнение возложенной на лицо обязанности, за неисполнение которой налагается административное взыскание; совершение административного правонарушения физическим лицом под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости. При этом, исходя из диспозиции данной нормы, наличие вышеуказанных смягчающих обстоятельств еще не является бесспорным основанием для освобождения лица от административной ответственности. Таким образом, в одном случае добровольное устранение правонарушителем причиненного вреда может послужить основанием для освобождения от ответственности, а в другом случае этого будет недостаточно. Также трудности могут возникнуть при установлении факта совершения административного правонарушения под влиянием угрозы, поскольку в этой ситуации едва ли вообще приходится говорить о наличии состава административного правонарушения, поскольку может отсутствовать его субъективная сторона [3].

Согласно ст. 8.6 КоАП физическое лицо, заболевшее после наложения на него административного взыскания психическим расстройством (заболеванием) или иным заболеванием, препятствующим исполнению

наложенного административного взыскания, по ходатайству органа, исполняющего постановление о наложении административного взыскания, может быть освобождено органом, вынесшим указанное постановление, от административного взыскания или назначенное административное взыскание может быть заменено на более мягкое. При этом законодателем не определен перечень заболеваний, препятствующих исполнению наложенного административного взыскания, и указанная норма также является оценочной. При разрешении вопроса о применении ст. 8.6 КоАП суды, органы, ведущие административный процесс, могут ориентироваться на нормативные правовые акты, регулирующие схожие правовые отношения, например постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16 февраля 2011 г. № 54/15 «Об утверждении Инструкции о порядке медицинского освидетельствования осужденных и установлении перечня заболеваний, препятствующих дальнейшему отбыванию наказания», которым утвержден перечень заболеваний, препятствующих дальнейшему отбыванию наказания, который может быть использован при рассмотрении вопроса об освобождении от административного взыскания или замене административного взыскания более мягким вследствие болезни [3].

Кроме того, как усматривается из диспозиции ст. 8.6 КоАП, она применима только к ситуациям, когда физическое лицо заболело после наложения административного взыскания, что на практике достоверно установить не всегда представляется возможным.

Следует заметить, что в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях закреплено только одно обстоятельство, позволяющее освободить лицо от административной ответственности. Так, при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием [ст. 2.9, 5].

В тоже время Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях предусматривает следующие основания освобождения от административной ответственности: освобождение от административной ответственности в связи с истечением срока давности (ст. 62), Освобождение от административной ответственности и административного взыскания на основании акта амнистии (ст. 63), Освобождение от административной ответственности в связи с примирением сторон (ст. 64), Освобождение от административной ответственности при малозначительности правонарушения (ст. 64-1) [6].

Законодательство Республики Беларусь в части оснований освобождения от административной ответственности является достаточно прогрессивным, так как позволяет индивидуализировать административную ответственность, оно направлено на реализацию принципов справедливости и гуманизма, но при этом требует дальнейшего правового развития.

Список использованных источников

1. Бондарович, С. П. Постатейный комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях. Общая часть. Раздел III [Электронный ресурс] / С. П. Бондарович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Денисевич А. В. Отличие освобождения от административной ответственности от иных административно-правовых категорий [Электронный ресурс] / А. В. Денисевич // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Малец, Д. А. Об освобождении от административной ответственности по малозначительности правонарушения / Д. А. Малец // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Кодекс об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 21 пар. 2003г., № 194-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г., № 276-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020. Дата доступа: 18.09.1020.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : в ред. Федер. закона от 05.12.2017 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

6. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05 июля 2014 г., № 235-V : в ред. закона от 15.11.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399. – Дата доступа: 05.11.2020.

Annotation. In the article the author, on the basis of the analysis of legal rules and law enforcement, has made an attempt to formulate some proposals aiming at increasing the effectiveness of the instrument of administrative penalties. The specified legal institution will bring into effect the principles of humanism, justice and at the same time it will make it possible to achieve the goals of administrative responsibility and administrative process.

Е. М. Фадеева

канд. юрид. наук,

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»

НЕЯСНОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ВЕРДИКТА КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ КАК ОСНОВАНИЕ ОТМЕНЫ ПРИГОВОРА

В статье рассматриваются такие требования, предъявляемые к вердикту, выносимому коллегией присяжных заседателей, как ясность и непротиворечивость. Автором анализируются последствия несоблюдения указанных требований в виде отмены приговора, вынесенного на основании такого вердикта присяжных заседателей, а также вносятся предложения по совершенствованию законодательства по рассматриваемым вопросам.

Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, проанализировав статистику работы судов с участием присяжных, пришел к выводу о том, что более 50% оправдательных приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных, в 2019 г. не устояли в апелляции. По мнению С. Пашина «такая практика обесценивает суд присяжных, лишает обеленных судом людей блага правовой и жизненной определенности, недвусмысленно демонстрирует отношение властей к народному правосудию» [1].

Действительно, такая ситуация несколько дискредитирует институт присяжных заседателей. Вместе с тем полагаем, что большой процент отмены приговоров, вынесенных судом присяжных, связан с нарушениями, допускаемыми профессиональными и непрофессиональными участниками уголовного судопроизводства, в ходе рассмотрения дел данной категории.

Следует обратить внимание на то, что российский законодатель рассматривает суд присяжных как элемент демократического правового государства и идет по пути увеличения перечня уголовных дел, подлежащих рассмотрению данным составом суда. В частности, с 1 июня 2018 г. суд с участием присяжных заседателей начал действовать не только в судах субъектах РФ, но и в судах районного звена.

В этой связи важным представляется проанализировать нарушения, допускаемые судами в ходе рассмотрения уголовных дел данным составом суда, а также основания, по которым суды вышестоящих инстанций отменяют приговоры, вынесенные судами с участием присяжных заседателей.

Исходя из содержания ст. 389.27 УПК РФ, приговор, вынесенный на основании вердикта присяжных заседателей, может быть обжалован ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона; неправильного применения уголовного закона; несправедливости приговора. При этом такой приговор не может быть обжалован ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела. Как справедливо пишет Л.Д. Калинкина, УПК РФ не содержит перечень существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые касаются особенностей производства в суде с участием присяжных заседателей. В этой связи представляется необходимым исходить из позиции Верховного Суда РФ по оценке тех или иных нарушений в качестве существенных [2].

Согласно ч. 1, 2 ст. 345 УПК РФ после подписания вопросного листа с внесенными в него ответами на поставленные вопросы присяжные заседатели возвращаются в зал судебного заседания. Старшина присяжных заседателей передает председательствующему вопросный лист с внесенными в него ответами. При отсутствии замечаний председательствующий возвращает вопросный лист старшине присяжных заседателей для провозглашения. Найдя вердикт неясным или противоречивым, председательствующий указывает на его неясность или противоречивость коллегии присяжных заседателей и предлагает им возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист.

В судебной практике неясность и противоречивость вердикта, вынесенного присяжными заседателями, является основанием для отмены приговора.

Неясным признается вердикт, который не позволяет точно установить, к каким выводам по поставленным перед ними вопросам пришли присяжные заседатели [3].

Неясным вердикт может быть признан, если в нем установлено, например: отсутствие ответов на вопросы; наличие недописанных ответов; отсутствие записи о результатах голосования; наличие не удостоверенных подписью старшины исправлений в вопросном листе; наличие двух ответов на один и тот же вопрос; наличие ответов, выходящих за пределы поставленных вопросов и т.д.

Например, Судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда отменен оправдательный приговор Перовского районного суда, в частности, ввиду того, что в вердикте коллегии присяжных заседателей на вопрос о доказанности совершения описанных в вопросе действий в строке «ответ» отсутствовал ответ присяжных заседателей [4].

Неясным в судебной практике признается вердикт, в котором в ответе на вопрос о виновности подсудимого указывается «Да, доказано» вместо

словосочетания «Да, виновен», как это предусмотрено в ч. 7 ст. 343 УПК РФ [5].

В силу ч. 1 ст. 343 УПК РФ присяжные заседатели при обсуждении поставленных перед ними вопросов должны стремиться к принятию единодушных решений. Если присяжным заседателям при обсуждении в течение 3 часов не удалось достигнуть единодушия, то решение принимается голосованием.

В п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (в ред. от 15.05.2018 г.) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» разъяснено, что если присяжные заседатели находились в совещательной комнате в течение трех и менее часов, но ответы на какие-либо из поставленных вопросов, в том числе о снисхождении, были приняты ими не единодушно, а в результате проведенного голосования, председательствующий должен обратить внимание присяжных заседателей на допущенное нарушение закона и предложить им возвратиться в совещательную комнату для продолжения совещания.

Так, Верховным Судом РФ был отменен приговор Верховного Суда Республики Ингушетия от 6 апреля 2017 г. в отношении Г. и Н. Одним из оснований отмены явилось то, что вердикт коллегии присяжных заседателей был неясным, а именно, не содержал указаний о единодушном принятии решений по всем вопросам вопросного листа. «И это при том, что согласно протоколу судебного заседания коллегия присяжных заседателей находилась в совещательной комнате менее 3 часов - с 13 часов 05 минут до 14 часов 30 минут и с 14 часов 35 минут до 14 часов 40 минут 30 марта 2017 года (л.д. 142– 143 т. 16). Несмотря на это, председательствующий ограничился лишь выяснением у старшины коллегии присяжных заседателей вопроса о «единогласном» принятии вердикта и вопреки требованиям ч. 2 ст. 345 УПК РФ не возвратил коллегия присяжных заседателей в совещательную комнату для внесения в вопросный лист ясности о результатах принятия ими решений по каждому поставленному в нем вопросу» [6].

Под противоречивостью вердикта следует понимать, например, наличие в нем таких ответов на вопросы, поставленные в вопросном листе, которые противоречат друг другу; наличие ответов присяжных на вопросы, подлежащие оставлению без ответа; оставление присяжными заседателями без ответа вопросов, на которые необходимо дать ответ.

Верховным судом Республики Саха (Якутия) при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке был отменен приговор Алданского районного суда ввиду существенных противоречий в вердикте, «поскольку отрицательный ответ на первый вопрос о событии преступления,

исключал какой-либо ответ на второй вопрос о доказанности деяния, описанного в первом вопросе, и что такое деяние совершил П.» [7]

В соответствии с ч. 2 ст. 389.25 УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, подлежит отмене, если при неясном и противоречивом вердикте председательствующий не указал присяжным заседателям на неясность и противоречивость вердикта и не предложил им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист.

Следует обратить внимание на то, что председательствующий не просто должен сказать присяжным заседателям, что вердикт неясный или противоречивый, а указать в чем конкретно выражаются неясности или противоречия. Несоблюдение данных требований рассматривается судами как существенное нарушение уголовно-процессуального закона. Например, не соответствующими закону признаны действия председательствующего, который дважды возвращал коллегию присяжных заседателей в совещательную комнату и при этом «не указывал коллегии присяжных заседателей в чем конкретно заключалась неясность вердикта, в частности, были ли неясными для председательствующего ответы на поставленные перед присяжными заседателями вопросы и какие именно, были ли неясными результаты голосования на какие-либо вопросы, были ли неясными допущенные присяжными заседателями исправления в вопросном листе, в связи с чем требовали уточнения» [8].

В то же время действия судьи по признанию вердикта неясным или противоречивым и возвращению в связи с этим коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату должны носить законный характер. Верховный Суд РФ, отменяя приговор, вынесенный судом с участием присяжных заседателей, указал следующее. «Насколько с учетом хода и результатов судебного разбирательства принятое присяжными заседателями решение о недоказанности совершения подсудимым конкретных действий было обоснованным, то в силу закона в обсуждение этого вопроса ни суд апелляционной инстанции, ни судья, председательствующий в судебном заседании суда первой инстанции, входить не вправе» [9].

Считаем необходимым на законодательном уровне определить, что следует понимать под неясностью и противоречивостью вердикта, и предусмотреть основания признания вердикта неясным и противоречивым.

Вызывает также вопрос о том, почему в ч. 2 ст. 389.25 УПК РФ указывается на возможность отмены только оправдательного приговора ввиду неясности и противоречивости вердикта присяжных? Представляется, что по такому основанию может быть отменен не только оправдательный, но и обвинительный приговор. Примеры из судебной практики подтверждают такую позицию. В связи с этим полагаем, что в ч. 2 ст. 389.25

УПК РФ необходимо внести изменения в части указания на возможность отмены не только оправдательного, но и обвинительного приговора.

Список использованных источников

1. Более 50 оправдательных приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных в 2019 году, не устояли в апелляции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/bolee-50-opravdatelnykh-prigovorov-vynesennykh-na-osnovanii-verdikta-prisyazhnykh-v-2019-g-ne-ustoyali-v-appelyatsii/>

2. Адвокат-защитник в суде с участием присяжных заседателей: монография / А.И. Амелин [и др.]; под ред. Л.Д. Калинкиной. – Саранск, 2017. – С. 162.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 33–56. Постатейный научно-практический комментарий (отв. ред. Л.А. Воскобитова) («Редакция «Российской газеты», 2015) [Электрон. ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 05 февраля 2020 г. по делу № 10-1359/2020 [Электрон. ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 октября 2016 г. № 46-АПУ16-14сп [Электрон. ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 августа 2017 г. № 26-АПУ17-2СП [Электрон. ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

7. Обзор Апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Саха (Якутия) за 2019 год (утв. Президиумом Верховного Суда Республики Саха (Якутия) 14 февраля 2020 г.) [Электрон. ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2006 г. № 5-О06-151СП [Электрон. ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

9. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.) [Электрон. ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

The article considers such requirements for a verdict rendered by a panel of jurors as clarity and consistency. The author analyzes the consequences of non-compliance with these requirements in the form of cancellation of the verdict rendered on the basis of such a verdict of jurors, and also makes suggestions for improving legislation on the issues under consideration.

В. А. Федотов

УО «ГГУ им. Ф.Скорины»

ЭЛЕМЕНТЫ ВНЕШНЕТОРГОВОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

В статье рассмотрен вопрос об элементах внешнеторгового отношения на основе авторской концепции взаимодействия правовых систем; сделан ряд выводов и предложений по совершенствованию науки внешнеторгового права и законодательства о внешнеторговой деятельности Беларуси.

На современном этапе социально-экономических преобразований в Республике Беларусь внешнеторговая деятельность приобретает приоритетное значение и во многом определяет общий характер развития экономики государства. Экономический рост республики основан на развитии экспорта и импорта товаров и услуг, поэтому вопросы укрепления внешнеторгового потенциала Беларуси являются исключительно важными и актуальными.

Создание оптимального механизма правового регулирования внешней торговли – одна из центральных задач органов государственной власти и управления. Формирование эффективной, внутренне согласованной системы правовой регламентации внешнеторговых операций обеспечивается трансформацией в национальное законодательство международных норм и принципов, мерами по либерализации внешнеторгового режима, сокращением административных и расширением применения экономических методов государственного регулирования.

Вместе с тем достижение поставленных задач в области внешней торговли, посредством совершенствования действующих и принятия новых правовых актов, эффективно лишь при условии надлежащего обеспечения в правотворческой деятельности результатов комплексных и системных научных исследований о правовой природе внешнеторговых отношений, их структурных элементов.

Традиционно в теории права элементами любого правоотношения признаются: субъект, объект и содержание. Конкретное жизненное обстоятельство (событие или действие), с которым нормы права связывают возникновение, изменение и прекращение правоотношения, именуемое юридическим фактом, элементом правоотношения не является.

В международном частном праве, к сфере правовой регламентации которого относится внешнеэкономическая (внешнеторговая) деятельность, квалификация частно-правовых отношений основана на теории иностранного элемента. Являясь самостоятельным элементом права государства, которому принадлежит, иностранный элемент связывает правоотношение с правовыми системами двух и более государств.

Критерий иностранного элемента осложняет правоотношение, как правило, посредством: иностранного субъекта; объекта, находящегося за рубежом; и юридического факта, имевшего место на территории иностранного государства. Для квалификации правоотношения в качестве международного достаточно лишь одного иностранного элемента, однако ряде случаев, иностранный элемент осложняет правоотношение посредством всех указанных, а порой, иных присущих отношению признаков.

Необходимо признать, что теория содержания правоотношения и концепция иностранного элемента тождественны по таким элементам, как субъект и объект правоотношения и вместе с тем имеют отличие по значению и роли содержания и юридического факта, что обусловлено, пожалуй, целевым назначением. Теория содержания правоотношения определяет элементы общественного отношения, урегулированного нормами права; концепция иностранного элемента – позволяет квалифицировать частно-правовое правоотношение в качестве международного, обеспечить применение к правоотношению иностранного правопорядка. Концепция иностранного элемента применима в соответствии с положениями теории содержания правоотношения и является, по сути, дополнением к ней.

Рассмотрим элементы внешнеторгового правоотношения.

Субъекты внешнеторгового правоотношения.

Одним из широко применяемых законодателем квалифицирующих международных частных отношения критериев, является признак различной государственной принадлежности, участвующих в отношении лиц.

В нормативных правовых актах общенормативного значения Беларуси он выражен в критерии гражданства, применяемом в отношении физических лиц и критерии регистрации, – в отношении юридических лиц (ст.ст. 1103, 1111 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г.; далее – ГК).

Нормативные правовые акты внешнеторгового законодательства Беларуси по вопросу государственной принадлежности резидента и нерезидента отличаются большим многообразием. В отношении физических лиц применяются: закон места жительства (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности»); закон гражданства и закон места жительства – к нерезидентам; критерий регистрации индивидуального предпринимателя – к резидентам (подп. 1.1 Указ Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 № 178 «О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций»). В отношении юридических лиц использован комбинированный критерий – закон регистрации (инкорпорации) и места нахождения организации.

Личный закон физического лица, закон национальности юридического лица определяют принадлежность субъекта к соответствующему государству, его правовой системе, что в свою очередь позволяет государству контролировать деятельность отечественных граждан и организаций за рубежом, а гражданам и организациям пользоваться защитой и покровительством со стороны своего государства.

Правоотношение с участием иностранца (физического или юридического лица), на наш взгляд, является международным, поскольку иностранное право известной мере определяет его правовое положение. Право страны места пребывания (места жительства) или места осуществления деятельности иностранного лица выступает правовой основой применения закона государственной принадлежности иностранца. Действие иностранного закона всегда ограничено на территории страны, но абсолютный запрет на применение иностранных правовых норм – явление весьма редкое для международных частных отношений.

Содержание внешнеторгового правоотношения.

При совершении внешнеторговых договоров критерий государственной принадлежности субъектов – резидента и нерезидента Беларуси, определяющий их право- и дееспособность, устанавливает императивные требования к содержанию и форме соглашения, а также требования, порой не предусмотренные договором, но необходимые для его исполнения.

В основе совершаемого внешнеторгового договора лежит право сторон – договорной статут правоотношения, содержание которого определяется правом государственной принадлежности каждой из сторон: независимо от подлежащего применению правопорядка, участники договора обязаны исполнять императивные нормы закона страны национальной (государственной) принадлежности.

Требования внешнеторгового законодательства Республики Беларусь о содержании и форме внешнеторгового договора определены п. 3 ст. 163, п. 2 ст. 402 ГК и подп. 1.4, подп. 1.16.4 Указа Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 178 «О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций». Внешнеторговый договор совершается в простой письменной форме и предусматривает такие существенные условия, как: условие о предмете; условие о стоимости товаров (ориентировочной стоимости в случае невозможности установить действительную стоимость товаров в силу специфики товарной номенклатуры); условия расчета; условие о сроке завершения каждой внешнеторговой операции в полном объеме.

На содержание внешнеторгового договора существенное влияние также может оказать право третьей страны, с которым соглашение тесно связано – закон места заключения или закон исполнения обязательств по договору. Например, при исполнении внешнеторгового договора на

оказание услуг перевозки грузов автомобильным транспортом из Беларуси в ФРГ, уже при пересечении польской границы к перевозчику-резиденту Республики Беларусь могут быть предъявлены соответствующие требования иностранного законодательства. Право третьего государства, по территории которого перевозка осуществляется транзитом, определяет содержание обязательств по внешнеторговому контракту: устанавливает возможность обеспечения действия договорного статута, в той мере, в какой это допустимо по закону места исполнения соглашения. В таких случаях исключить действие императивных норм права третьей страны невозможно ни соглашением сторон, ни действием правовых норм стран резидента или нерезидента Республики Беларусь.

В силу суверенитета каждое государство определяет свой национальный правовой режим, выражающий государственные интересы. В вопросе обеспечения действия императивных норм законодательств, с которым отношение тесно связано предпочтение отдается, как правило, национальным нормам права. Именно так решен вопрос в белорусском гражданском законодательстве: независимо от подлежащего применению права, правила раздела VII ГК «Международное частное право» не затрагивают действия императивных норм права Республики Беларусь, регулирующих соответствующие отношения (п. 1 ст. 1100), а императивные нормы права другой страны, имеющие тесную связь с рассматриваемым отношением, могут быть применимы, если такие нормы должны регулировать соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права (п. 2 ст. 1100).

На наш взгляд, при применении иностранного права государственный орган (организация) не может, а должен применить императивные нормы этой страны, если они имеют тесную связь с рассматриваемым внешнеторговым отношением. Полагаем, что единственным ограничением при применении императивных норм иностранного права является институт оговорки о публичном порядке.

Таким образом, содержание договорного правоотношения определяется нормами каждой из правовых систем участников соглашения, а также правом третьей страны, с которым правоотношение тесно связано. По сути все это выражается в действии принципа тесной связи с правоотношением, который обеспечивается применением императивных норм законодательства.

В своей совокупности нормы международных соглашений и национальных нормативных (правовых) актов участников внешнеторговых отношений, а также нормы права третьей страны, с которым отношение тесно связано, устанавливают международный правовой режим внешнеторгового правоотношения. Именно так критерий различной

государственной принадлежности участвующих в отношении лиц обеспечивает взаимодействие правовых систем.

Объект внешнеторгового правоотношения.

Иностраный элемент может осложнить отношение посредством объекта. Абсолютное большинство авторов (Г.К. Дмитриева [1, с. 12], М.М. Богуславский [1, с. 19], Н.И. Марышева [1, с. 2] и др. [4, с. 3; 5, с. 585]) считают, что отношение становится международным, если возникает по поводу объекта, находящегося за рубежом. Но в полной мере применить такой подход к квалификации внешнеторговых отношений невозможно. Например, для экспортных договоров купли-продажи, характерна ситуация, когда товар находится на территории экспортера-резидента Республики Беларусь – производителя товара или посредника, т.е. на территории, не являющийся для экспортера иностранной.

На наш взгляд, для квалификации отношения в качестве международного имеет значение не местонахождение объекта, а его правовой режим, определяемый международными и национальными нормами права, с которым отношение тесно связано. В тех случаях, когда резидент вступает в правоотношение нерезидентом Беларуси по поводу экспортируемого или импортируемого товара, полагаем, происходит опосредованное взаимодействие правовых систем сторон, расщепляющее правовой режим объекта: закон страны места нахождения объекта вступает во взаимодействие с правом стран контрагентов, а также правом третьего государства, с которым отношение тесно связано.

Право страны продавца, как и право страны покупателя, может предъявлять категоричные требования к товару, реализуемому по внешнеторговому контракту. Это могут быть требования императивных норм к качеству, количеству и др. Кроме того, право третьей страны, имеющее тесную связь с правоотношением, также может предъявить аналогичные требования.

Следует отметить, что в белорусском внешнеторговом законодательстве немало норм, имеющих экстерриториальную сферу применения в отношении правового режима объекта внешнеторгового договора. Отнюдь не всегда такие объекты имеют стратегическое значение для государства.

На наш взгляд, необходимо признать, что объект международного частного правоотношения находится в правовом поле действия норм нескольких правопорядков одновременно. Примером может служить сделка по оказанию услуг, когда только услуга, переданная через средства связи (телефона, факса, Интернета и др.), находится в правовом поле действия нескольких государств.

Полагаем, что изложенное позволяет квалифицировать объект внешнеторгового правоотношения, как объект, правовой режим которого определяться действием нескольких правопорядков: правом страны места

нахождения объекта, правом государственной принадлежности контрагентов внешнеторгового договора, а также правом третьего государства, имеющего тесную связь с правоотношением.

Международный юридический факт, как было отмечено, не является элементом правоотношения, но в международном частном праве выступает одним из квалифицирующих критериев.

По мнению многих ученых-юристов (В.Ф. Чигира, В.В. Гаврилова, Г.К. Дмитриевой [5, с. 585; 6, с. 6; 1, с. 12] и др.), частное отношение признается международным, если юридический факт имел место на территории иностранного государства. Вместе с тем избранный учеными критерий «места совершения юридического факта», на наш взгляд, требует переосмысления.

С юридической точки зрения, территория означает не просто воздушное, сухопутное или водное пространство, а действие на этой территории определенных законов и правил. Такая постановка проблемы дает основание по-новому взглянуть на систему международных частных отношений, которые, на наш взгляд, возникают, изменяются или прекращаются в полисистемном взаимодействии правовых норм.

Приведем следующее обоснование.

В ряде стран мира международные коммерческие договоры могут быть совершены в устной форме. Например, не исключена ситуация при которой индивидуальный предприниматель Республики Беларусь, пребывая на территории зарубежного государства совершает внешнеторговый договор в устной форме с иностранным коммерсантом в соответствии с нормами законодательства страны пребывания. Такой договор признается действительным по праву иностранного государства, но в тоже время по законодательству Беларуси он ничтожен (п. 3 ст. 163, п. 2 ст. 1116 ГК).

На наш взгляд, международным (внешним) юридическим фактом, следует признать то конкретное жизненное обстоятельство (событие или действие), с которым нормы права, имеющие тесную связь, влекут возникновение, изменение или прекращение правоотношения.

Каждый международный юридический факт должен признаваться (подтверждаться) правовыми системами участников внешнеторгового правоотношения, а также правом третьей страны, с которой тесным образом связан. Определенную проблему в применении в данной концепции вызывает вопрос о квалификации правовыми системами юридических фактов, поскольку единого их перечня не существует.

С учетом изложенного полагаем, что все элементы внешнеторгового правоотношения имеют полисистемный характер правовой регламентации.

Теория «взаимодействия правовых систем», на наш взгляд, может быть использована для квалификации внешнеторговых отношений и иных договорных отношений, осложненных иностранным элементом.

Список использованных источников

1. Международное частное право: учеб. / Л.П. Ануфриева [и др.] ; отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект: Велби, 2003. – 688 с.
2. Богуславский, М.М. Международное частное право: учеб. / М.М. Богуславский. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2000. – 408 с.
3. Международное частное право: учеб. для вузов / Н.Г. Доронина [и др.] ; под общ. ред. Н.И. Марышевой. – М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2000. – 532 с.
4. Международное частное право: конспект лекций / авт.-сост. А. Желудков, Б. Холодов. – М.: Приор, 2001. – 144 с.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь: в 2 кн. / В.Н. Го-дунов [и др.] ; отв. ред. В.Ф. Чигир. – Минск: Амалфея, 1999. – Кн. 2. – 624 с.
6. Гаврилов, В.В. Международное частное право / В.В. Гаврилов. – М.: НОРМА, 2000. – 304 с.

The article considers the issue of the elements of foreign trade relations on the basis of the author's concept of interaction of legal systems; a number of conclusions and proposals have been made to improve the science of foreign trade law and legislation on foreign trade activities of Belarus.

УДК 343.1

И. Н. Цыкунова

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена сборанию доказательств по уголовным делам в суде апелляционной инстанции. Опираясь на нормативные положения действующего уголовно-процессуального закона Республики Беларусь, анализируются полномочия суда во время подготовки к рассмотрению и рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции. Автор приходит к выводу, что сборание доказательств в суде апелляционной инстанции осуществляется путем производства процессуальных действий по назначению экспертизы и истребованию документов о состоянии здоровья, семейном положении, прошлых судимостях, иных данных о личности обвиняемого, а также иных документов, имеющих значение для решения дела. Представление дополнительных материалов в апелляционную инстанцию в подтверждение или опровержение доводов, приведенных в апелляционных жалобе или протесте, не может рассматриваться в качестве способа собирания доказательств.

Апелляционное производство по уголовным делам в Республике Беларусь введено Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 года № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь», заменив кассационное производство.

Собирание доказательств является необходимым элементом процесса доказывания. Процесс доказывания регламентируется в главе 11 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 года (далее – УПК) «Доказывание» [1] применительно ко всем стадиям уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем, доказывание в ходе подготовки к рассмотрению и рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции имеет свои особенности, которые, по мнению автора, зависят от особенностей самого апелляционного производства. Особенности апелляционного производства проявляются в его принципах (в юридической литературе их также именуют основными чертами, началами апелляционного производства). Основными чертами апелляционного производства в Республике Беларусь можно назвать:

1) свободу апелляционного обжалования приговора. Правило о свободе апелляционного обжалования наделяет любого участника уголовного процесса, представляющего сторону обвинения или защиты, правами:

– обжаловать приговор любого суда первой инстанции, за исключением приговоров Верховного Суда Республики Беларусь, которые обжалованию и опротестованию в апелляционном порядке не подлежат;

– обжаловать приговор в объеме, необходимом и достаточном для защиты своих прав и законных интересов;

– подать жалобу как через суд, который постановил приговор, так и непосредственно в апелляционную инстанцию;

– отозвать поданную жалобу и устранить апелляционное рассмотрение уголовного дела;

2) ревизионный характер апелляционной проверки. Суд апелляционной инстанции не связан доводами апелляционных жалобы или протеста и проверяет дело в полном объеме и в отношении всех обвиняемых, в том числе и тех, которые жалоб не подали и в отношении которых не был принесен апелляционный протест (ч. 2 ст. 378 УПК);

3) проверка законности и обоснованности приговора. Суд апелляционной инстанции должен проверить как законность приговора, т.е. соблюдение при производстве по делу норм уголовно-процессуального и уголовного права, так и его обоснованность, т.е. соответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела и наличие доказательств, подтверждающих выводы суда первой инстанции;

4) представление дополнительных материалов в апелляционную инстанцию. Участники процесса в подтверждение или опровержение доводов, приведенных в апелляционной жалобе или протесте, вправе представить в суд апелляционной инстанции дополнительные материалы как до рассмотрения уголовного дела, так и во время его рассмотрения. Дополнительные материалы не могут быть получены путем производства следственных действий и могут послужить основанием для изменения приговора или его отмены с прекращением производства по уголовному делу (ст. 384 УПК);

5) недопустимость (запрет) поворота обжалованного обвиняемым приговора к худшему. Обвинительный приговор по основаниям, ухудшающим положение обвиняемого, может быть изменен или отменен лишь в случаях, когда по этим основаниям подана апелляционная жалоба потерпевшего, частного обвинителя или их представителей либо принесен апелляционный протест прокурора (ч. 2 и 3 ст. 387 УПК). При этом обвинительный приговор может быть отменен с направлением дела на новое рассмотрение только в том случае, когда доводы апелляционной жалобы или протеста, а также имеющиеся в уголовном деле доказательства и дополнительные материалы требуют дополнительной проверки и оценки судом первой инстанции, а допущенные при судебном разбирательстве нарушения, указанные в ч. 1 ст. 389 УПК (основания к отмене или изменению приговора), не могут быть устранены судом апелляционной инстанции.

Оправдательный приговор может быть отменен или изменен только по апелляционным жалобам потерпевшего, частного обвинителя или их представителей, представителя гражданского истца либо по апелляционному протесту прокурора, а также по апелляционной жалобе обвиняемого, оправданного судом (ст. 388 УПК) [2, п. 17, 18].

Профессор С. В. Борико в качестве самостоятельной черты апелляции называет еще широкие полномочия апелляционной инстанции. В апелляционном порядке суд вправе не только отменить приговор и передать дело на новое рассмотрение, но и непосредственно изменить приговор, а также отменить его и прекратить производство по уголовному делу [3, с. 291].

С учетом изложенных особенностей осуществляется процесс доказывания в суде апелляционной инстанции. Обязательным элементом доказательственной деятельности, как было отмечено выше, является собирание доказательств.

Собирание доказательств регулируется ст. 103 УПК, в которой исчерпывающе указаны способы собирания доказательств: проведение следственных и других процессуальных действий, предусмотренных УПК

(основной способ); истребование от организаций, должностных лиц и граждан, а также органов, уполномоченных законом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, предметов и документов, имеющих значение для дела; требование производства ревизий и проверок от соответствующих органов и должностных лиц; представление доказательств участниками уголовного процесса, а также любыми физическими и юридическими лицами.

Согласно ч. 1 ст. 103 УПК собрание доказательств производится в процессе разрешения заявлений и сообщений о преступлении, ускоренного производства, дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства. О собрании доказательств в процессе апелляционного производства в рассматриваемой статье речь не идет.

Действительно, в ходе подготовки заседания суда апелляционной инстанции и рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции суд не проводит допросы и иные следственные действия, предусмотренные ст.ст. 335-337, 340-343 УПК, как это происходит в судебном разбирательстве. В первую очередь, доказательства собираются на стадии предварительного расследования. Собрание доказательств возможно и на стадии судебного разбирательства, на которой устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела. Предмет же рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции составляет законность, обоснованность, справедливость приговора и правильность установления фактических обстоятельств уголовного дела и применения уголовного закона, а также соблюдение при рассмотрении и разрешении дела судом первой инстанции норм уголовно-процессуального закона. Поэтому мы согласны с мнением Л. В. Гайворонской, которая убеждена, что «суду апелляционной инстанции далеко не всегда требуется собрание новых доказательств. Апелляционная инстанция имеет своей целью устранение обнаруженных судебных ошибок. Учитывая, что она проверяет уголовное дело по уже сложившейся и известной сторонам совокупности доказательств, в собирании новых доказательств может не возникнуть необходимости ввиду того, что ошибки возможно будет исправить, основываясь на имеющейся неоспариваемой совокупности доказательств по делу...» [4, с. 162-163]. «Сама сущность апелляционного производства заключается в проверке всего производства и вынесенного по делу решения, а, следовательно, собрание доказательств подобно суду первой инстанции не вписывается в рамки такого производства» [4, с. 168].

Кроме того, анализ уголовно-процессуальных норм позволяет прийти к выводу о том, что в главе 40 УПК законодатель оперирует понятиями «материалы», «дополнительные материалы». При этом в ст. 384 УПК,

регламентирующей представление дополнительных материалов в суд апелляционной инстанции лицами, имеющими право апелляционных обжалования и опротестования приговора, содержится прямое ограничение на собирание дополнительных материалов в суде апелляционной инстанции. В частности, дополнительные материалы, представляемые в подтверждение или опровержение доводов, содержащихся в жалобе или протесте, не могут быть получены путем производства следственных действий ни самими участниками уголовного процесса, обжалующими либо опротестовывающими приговор, ни по их просьбе или поручению другими лицами. Поэтому лицо, представляющее суду дополнительные материалы, обязано указать, каким путем они получены и в связи с чем возникла необходимость их представления. «Вопрос о принятии или отклонении дополнительных материалов разрешается судом апелляционной инстанции в судебном заседании после выяснения обстоятельств их получения, необходимости их представления и причин, по которым они не были представлены в суд первой инстанции. Дополнительные материалы, полученные путем производства следственных действий, указанных в главах 23–26 УПК, а также не относящиеся к предмету апелляционного рассмотрения, подлежат отклонению» [2, п. 15].

Ст. 384 УПК не раскрывает, что следует относить к дополнительным материалам, представляемым в апелляционную инстанцию. А. И. Аверкин, А. В. Кудрявцева, В. П. Смирнов считают, что в качестве дополнительных материалов могут выступать «как предметы, так и документы, включая заключения (мнения) специалистов, видео и аудиозаписи, фотоматериалы» [5, с. 64]. В Научно-практическом комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь по этому поводу отмечается, что «с учетом сложившейся судебной практики в одних случаях ими могут быть документы нормативно-справочного характера: инструкции, приказы, распоряжения и т. п., позволяющие, например, по делам о должностных преступлениях проверить обоснованность вывода суда первой инстанции в приговоре о правомерности либо неправомерности действий (бездействия) должностных лиц. В других случаях к числу таких материалов могут быть отнесены различные справки, документы, характеризующие состояние здоровья обвиняемого, его личность, свидетельствующие о наличии обстоятельств, смягчающих или отягчающих его ответственность» [6, с. 918].

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих апелляционное производство» от 29 сентября 2019 года № 3 в качестве примера дополнительных материалов приводятся сведения о личности обвиняемого, стоимости похищенного имущества, размере причиненного ущерба.

Таким образом, понятие «дополнительные материалы» не равнозначно понятию «доказательства», под дополнительными материалами следует понимать прежде всего письменные документы.

В то же время судья суда апелляционной инстанции, изучив поступившее на апелляционное рассмотрение уголовное дело, при подготовке заседания суда апелляционной инстанции вправе по ходатайству сторон или по собственной инициативе решить вопрос об истребовании необходимых дополнительных документов, о назначении экспертизы, если ее проведение возможно по имеющимся в деле или дополнительно представленным материалам (п. 4 ч. 1 ст. 380 УПК); по ходатайству сторон или по собственной инициативе, когда признает это необходимым, вызвать в заседание суда апелляционной инстанции экспертов, специалистов, потерпевшего, свидетелей, но только в том случае, если они были допрошены в суде первой инстанции, и только для дачи разъяснений по существу данных ими заключений или показаний, а не для допроса (п. 2 ч. 1 ст. 380 УПК).

Подобные полномочия суда апелляционной инстанции, но уже при рассмотрении уголовного дела, закреплены в ч. 6, 7 ст. 385 УПК. Так, при рассмотрении уголовного дела суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе вправе назначить судебно-психиатрическую и иную экспертизу, если ее проведение возможно по имеющимся в деле или дополнительно представленным материалам, истребовать документы и иные сведения о состоянии здоровья, семейном положении, прошлых судимостях и других данных о личности обвиняемого; истребовать иные документы и сведения, имеющие значение для разрешения дела.

Соответственно, заключение эксперта, истребованные судом апелляционной инстанции по собственной инициативе или по ходатайству сторон документы будут являться доказательствами (иными документами), полученными в процессуальном порядке самим судом апелляционной инстанции. Указанные полномочия суда апелляционной инстанции, на наш взгляд, связаны с предметно-практической, поисковой, познавательной деятельностью и отражают способы собирания доказательств, закрепленные в ст. 103 УПК.

Таким образом, собирание доказательств в суде апелляционной инстанции осуществляется путем производства процессуальных действий по назначению экспертизы и истребованию документов о состоянии здоровья, семейном положении, прошлых судимостях и других данных о личности обвиняемого, иных документов, имеющих значение для разрешения дела. Представление дополнительных материалов в апелляционную инстанцию не будет являться способом собирания доказательств, но может рассматриваться как «промежуточный этап в ходе собирания по делу новых

доказательств, осуществляемый сторонами процесса в целях подтверждения собственных доводов или опровержения доводов противоположной стороны» [4, с. 173].

Стоит заметить, что в названии ст. 385 УПК указывается на порядок рассмотрения уголовного дела и полномочия суда апелляционной инстанции по исследованию и оценке доказательств. Представляется, что ввиду закрепления в ст. 385 УПК полномочий суда апелляционной инстанции, фактически связанных с собиранием доказательств, полагаем целесообразным дополнить название ст. 385 УПК указанием на полномочия суда апелляционной инстанции по собиранию доказательств, соответственно, название статьи изложить в следующей редакции: «Статья 385. Порядок рассмотрения уголовного дела и полномочия суда апелляционной инстанции по собиранию, исследованию и оценке доказательств».

Поскольку в ст. 380 УПК в рамках принятия мер по подготовке заседания суда апелляционной инстанции, а в ст. 385 УПК, регламентирующей порядок рассмотрения уголовного дела в апелляционной инстанции, фактически нашли отражение действия суда, направленные на собирание доказательств способами, закрепленными в ст. 103 УПК, полагаем возможным в ст. 103 УПК указать на собирание доказательств в процессе апелляционного производства.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих апелляционное производство [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 сентября 2019 г., № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Борико, С. В. Уголовный процесс : учебник / С. В. Борико. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2020. – 408 с.

4. Гайворонская Л. В. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л. В. Гайворонская. – Москва, 2018. – 239 л.

5. Аверкин, А. И. Проверка и исследование доказательств в суде апелляционной инстанции / А. И. Аверкин, А. В. Кудрявцева, В. П. Смирнов // Уголовное право. – 2012. – №6. – С. 57-65.

6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230, [2] с.

The article is devoted to the collection of evidence in the court of appeal. On the basis of the normative provisions of the current criminal procedure law of the Republic of Belarus, the powers of the court are analysed during the preparation for and consideration of a criminal case in the court of appeal. The author concludes that the collection of evidence in the court of appeal is carried out through the procedure for the appointment of expertise and the request of documents on the state of health, marital status, past convictions and other data on the identity of the accused, as well as other documents relevant to the decision of the case. The submission of additional material to the appellate court to support or refute the arguments in the appeal or protest cannot be considered as a means of gathering evidence.

УДК 342.553

Е. И. Эсмантович

УО «ГГУ им. Ф.Скорины»

И. И. Эсмантович

канд. ист. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф.Скорины»

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируются теории местного самоуправления: общественная, государственная и дуалистическая. По обзору соотношения местного управления и самоуправления в Республике Беларусь определяется теория местного самоуправления Беларуси. Сделаны некоторые предложения по совершенствованию функционирования местной власти.

Главной задачей современного государства является создание благоприятных условий для реализации прав и свобод его граждан, что требует формирования соответствующей системы власти и управления, в том числе, совершенствования местного управления и самоуправления.

Выделяют три модели местного самоуправления.

Общественная (или общественно-хозяйственная) теория самоуправления в своей основе содержит идею о том, что местное самоуправление – это управление местным хозяйством, имеет негосударственную природу, является одним из институтов гражданского

общества. Под воздействием обозначенной модели сформирована российская модель местного самоуправления.

Вторая модель организации местной власти – государственная теория самоуправления. Среди ее основных признаков можно выделить несколько: местные сообщества осуществляют власть не только по собственной инициативе, но, главным образом, по уполномочию государства; органы местного самоуправления подчинены в своей деятельности надзору государства.

Во второй половине XX в. получила распространение дуалистическая теория местного самоуправления, которая попыталась объединить положения общественной и государственной теорий местного самоуправления. Согласно этой теории, органы местного самоуправления реализуют и публичные, и общественно-хозяйственные функции. С одной стороны, местное самоуправление признается и гарантируется государством, с другой – носит производный от государства характер и регулируется им.

Местное самоуправление Беларуси имеет глубокие корни: его прообраз существовал на территории Беларуси еще в XI веке – вече, соймы, сходы в Турове, Витебске, Полоцке; магдебургское право в XIV–XVII веках имели около 60 белорусских городов.

Если ориентироваться на изложенные выше позиции ученых, то закрепленная в Конституции Республики Беларусь и законодательстве страны модель организации местной власти может быть отнесена к числу дуалистических моделей организации местной власти, основанных не на противопоставлении государственнической власти и самоуправления, а на их сочетании в разных пропорциях.

Анализируя модель организации местной власти, закрепленную в Конституции и законодательстве Республики Беларусь, нельзя не отметить ее некоторое сходство с системой советов, существовавшей в СССР. Как и во времена Советского Союза, в современной Беларуси система государственной власти опускается до самого низового – поселенческого – уровня. Однако, у белорусской модели организации местного управления и самоуправления есть и существенные отличия от системы советов – сужена компетенция местных Советов депутатов, отсутствуют полномочия по формированию исполнительных органов власти.

Белорусская модель местного самоуправления сочетает на местном уровне элементы государственного управления и самоуправления. Как следует из ст. 117 Конституции Республики Беларусь, местное управление и самоуправление осуществляются гражданами страны через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы,

собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах.

Органами самоуправления являются избираемые населением Советы депутатов (ст. 118 Конституции Республики Беларусь), органами управления – исполнительные и распорядительные органы, возглавляемые руководителями, назначаемыми Президентом страны или в установленном им порядке местными Советами депутатов (ст. 119 Конституции Беларуси).

В соответствии со ст. 120 Конституции и те, и другие в пределах своей компетенции решают вопросы местного значения, исходя из *общегосударственных интересов и интересов населения*, проживающего на соответствующей территории, исполняют решения вышестоящих государственных органов.

Закон о местном управлении и самоуправлении определяет основное звено местного самоуправления - Советы депутатов, подотчетные в своей деятельности гражданам и ответственные перед ними. Статья 9 Закона подчеркивает двойственную природу Советов депутатов, называя их одновременно звеном местного самоуправления представительным органом государственной власти.

Статья 38 Закона определяет, что исполнительные и распорядительные органы местного управления - это государственные органы, одновременно подчиненные и подконтрольные вышестоящим органам государственной власти и соответствующим Советам депутатов.

Из выше указанного можно сделать вывод, что действующее белорусское законодательство с одной стороны, предусматривает различия между местным управлением и самоуправлением, с другой - исходит из того, что и то, и другое должны осуществляться во взаимосвязи и исходя из общих целей.

Конституция Беларуси не закрепляет абсолютную самостоятельность органов местного самоуправления, но, вместе с тем, в ст.121 четко определяет их исключительную компетенцию:

утверждение программ экономического и социального развития, местных бюджетов и отчетов об их исполнении;

установление в соответствии с законом местных налогов и сборов; определение в пределах, установленных законом, порядка управления и распоряжения коммунальной собственностью;

назначение местных референдумов.

Таким образом, заложенная в белорусской Конституции модель организации местной власти соответствует современной теории самоуправления - дуалистической.

На наш взгляд, в законодательстве предусматривается чрезмерное влияние центральной власти на деятельность органов местной власти. Так,

ст. 122 Конституции Республики Беларусь позволяет отменять не соответствующие законодательству решения местных Советов депутатов или местных исполнительных и распорядительных органов вышестоящими органами власти (представительной или исполнительной). Ст. 123 Конституции закрепляет за Советом Республики право распустить местный Совет депутатов в случае систематического или грубого нарушения им требований законодательства. Данные нормы не предусматривают судебный порядок установления противоправности в действиях и решениях местных Советов депутатов.

Необходимо шире использовать активность местного населения, приобщать его к решению вопросов местного значения, тем самым возлагая ответственность на принимаемые решения, к примеру, через местные референдумы. Целесообразен обмен опытом между регионами посредством проведения республиканских форумов регионов. Конечно, нельзя не затрагивать уже избитый вопрос финансирования и экономических возможностей местных органов, развивать сельское предпринимательство.

Предоставление и использование реальных полномочий местному самоуправлению позволит привлечь население к решению местных проблем и многих государственных задач.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 № 2875-ХП (с изм. доп.) [Электронный ресурс] // База нормативно-правовой информации «Эталон». – Минск, 2020.

2. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 04.01.2010 № 108-З [Электронный ресурс] // База нормативно-правовой информации «Эталон». – Минск, 2020.

The article analyzes the theories of local self-government: public, state and dualistic. According to the review of the ratio of local government and self-government in the Republic of Belarus, the theory of local self-government of Belarus is determined. Some suggestions were made to improve the functioning of local authorities.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абраменко Е. Г.</i> Участие женщин в политике.....	3
<i>Акимов М. А.</i> Предмет в некоторых преступлениях против нравственности по Уголовному кодексу Украины: проблемные вопросы, пути решения	10
<i>Брилёва В. А.</i> Об актуальных вопросах конституционных изменений в Республике Беларусь.....	16
<i>Воробъёв В. А., Емельянов С. Л.</i> Преюдиция в уголовно-процессуальном законодательстве: вопросы систематического толкования	23
<i>Воронцова Е. В., Воронцов А. Л.</i> Обеспечение качества и безопасности пищевой продукции в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: организационно-правовой аспект.....	29
<i>Журович Н. А.</i> Третейское судопроизводство как способ защиты гражданских прав	33
<i>Иванченко Е. А.</i> К вопросу о важности исследования всех обстоятельств причинения вреда здоровью пациента медицинским работником	39
<i>Иванчикова Л. Д.</i> Проблемы реализации административной ответственности родителей в современных условиях	45
<i>Казьянин И. И.</i> Поощрение как основной вид стимулирования военнослужащего	49
<i>Караткевич А. Г.</i> Реинтеграция как фактор устойчивого развития государств-членов СНГ	55
<i>Ковалёва Е. А.</i> Условия труда мигрантов	61
<i>Ковалёва Н. П.</i> Обязательное страхование в системе имущественного страхования по законодательству Республики Беларусь.....	67
<i>Ковалева Т. В.</i> Отстранение работника за хищение имущества нанимателя.....	73
<i>Колодинская И. В.</i> Образование и производительность труда в советское время: статистические и правовые аспекты	78
<i>Копыткова Н. В.</i> Механизм защиты прав мигрантов органами публичной власти Республики Беларусь	84
<i>Лычковский Д. Н.</i> Понятие и содержание неприкосновенности личности	91
<i>Машинская Н. В., Никитин А. Г.</i> Проблемы законодательного регулирования дознания в сокращенной форме.....	97
<i>Михайлов Д. И.</i> К вопросу об ограничении права на оспаривание и факта заключения договора в связи с принятием его исполнения	104
<i>Можжаева Л. Е., Колесник А. С.</i> Подходы к определению криптовалюты в различных государствах	111
<i>Можжаева Л. Е., Новицкая Е. Н.</i> Сравнительно-правовой анализ норм о государственном финансовом контроле законодательства Республики Беларусь и СНГ	115
<i>Набатова А. Э., Сеница И. М.</i> К вопросу о гендерной криминологии: подход, основанный на правах человека.....	119
<i>Нагорная Н. А.</i> Дематериализация акций как основная причина исключения их из числа вещей.....	125

<i>Немкевич И. В.</i> К вопросу о юридической квалификации «Декларации о государственном суверенитете БССР»	132
<i>Парукова Е. В.</i> К вопросу о взыскании общественными организациями судебных расходов по гражданским делам	139
<i>Политова А. С., Биленко П. С.</i> Преступления на почве ненависти по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности по уголовному законодательству Украины	145
<i>Ревина И. В., Пашутина О. С., Чеботарева И. Н.</i> Отказ от права и отказ от осуществления права: постановка проблемы в российском уголовном процессе.....	152
<i>Рябинина Т. К., Емельянов С. Л.</i> Институт возвращения уголовного дела прокурору по УПК Российской Федерации и УПК Республики Беларусь	159
<i>Савкин О. М.</i> К вопросу о совершенствовании правил проезда в общественном транспорте	168
<i>Скляр В. К.</i> Правовая природа оперативно-розыскного наблюдения в контексте обеспечения государственной безопасности Республики Беларусь.....	174
<i>Скоробогатый А. В., Каралёк В. И.</i> Об отдельных вопросах совершенствования законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий.....	178
<i>Скрипченко Н. Ю.</i> Торговля людьми: вопросы законодательной техники и правоприменения.....	184
<i>Сливко О. Я.</i> Субъекты административной ответственности в законодательстве Республики Беларусь	190
<i>Субботина Л. А.</i> Концессия природных ресурсов: исторический аспект.....	195
<i>Тимошенко М. В., Улога М. А.</i> Правовые основы осуществления судебного контроля за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц	200
<i>Усова Е. И., Караваева Е. М.</i> Основания для освобождения от административной ответственности	205
<i>Фадеева Е. М.</i> Неясность и противоречивость вердикта коллегии присяжных заседателей как основание отмены приговора	213
<i>Федотов В. А.</i> Элементы внешнеторгового правоотношения	218
<i>Цыкунова И. Н.</i> Собираание доказательств по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в Республике Беларусь	224
<i>Эсмантович Е. И., Эсмантович И. И.</i> Организационные основы местного управления и самоуправления Республики Беларусь	231

Научное электронное издание

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА**

Материалы VIII Международной
научно-практической конференции

(Гомель, 1–2 октября 2020 года)

Подписано к использованию 07.12.2020.

Объем издания 1,80 Мб.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

<http://www.gsu.by>